

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2022. № 6(162)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPА, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPА

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPА and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China).

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporozhan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 От главного редактора.** «Культура отмены» как европейская ценность

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 10 ХЛУТКОВ А. Д., ШАМАХОВ В. А., МЕЖЕВИЧ Н. М.**
Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья третья. Госплан

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 22 БАХЛОВА О. В., БАХЛОВ И. В.**
Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия в рамках Союзного государства Беларуси и России: стратегический ситуационный анализ. Часть 1
- 36 ШУМИЛОВ М. М.**
Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке. Часть 1

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 54 КОЛЕСОВ А. С., КАТАНАНДОВ С. Л.**
Взаимосвязь цифровой экономики и финансовой политики в Российской Федерации: пути совершенствования
- 64 КУКЛИНА Е. А.**
Концепция устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов: новая реальность и новые возможности для бизнеса
- 79 ЛАПЫГИН Ю. Н., РОЗЕНКОВ М. А.**
Ментальные карты стратегических альянсов
- 88 ХАБЕКОВА М. К.**
Стратегирование развития и реализации финансовых технологий в национальных инновационных системах
- 98 ГАИБОВА Т. В., БАШКИРОВА О. В.**
Бережливое инвестирование как инструмент устойчивого развития в эпоху постковида
- 116 КОЛОБОВА Е. Ю.**
Стратегическая ориентированность развития киноорганизации в цифровую эпоху

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 127 ЦАЦУЛИН А. Н., ЦАЦУЛИН Б. А.**
Как отечественной легкой атлетике преодолеть затяжной кризис?

- 146 БАЙЕР Ю. П., КОВАЛЕНКО В. Д., РОДИОНОВА Е. В., СЮНДЮКОВ Н. К.**
Диалог между государством и религией как основа для принятия управленческих решений: опыт исследования в регионах Северо-Запада
- 161 ЦИНЧЕНКО Г. М., ОРЛОВА И. С.**
Государственная поддержка семей с детьми в период пандемии COVID-19 в России и за рубежом

A LINEA

- 169 СЕМКОВА Д. Н.**
Финансовое и инвестиционное обеспечение инновационной деятельности нефтегазового комплекса России

EDITOR'S COLUMN

- 8** **From the Chief Editor.** "Reject Culture" as a European Value

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 10** **ANDREY D. KHLUTKOV, VLADIMIR A. SHAMAKHOV,
NIKOLAY M. MEZHEVICH**
Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article Three. State Planning Committee.

POLICY AND LAWFUL STATE

- 22** **OLGA V. BAKHLOVA, IGOR V. BAKHLOV**
Opportunities and Threats for Integration Cooperation within the Framework of the Union State of Belarus and Russia: Strategic Situational Analysis. Part 1
- 36** **MIKHAIL M. SHUMILOV**
The Influence of Pan-Turkism on the Political Identity Formation of the Turkic States of Central Asia in the XXI Century (Part 1)

POWER AND ECONOMY

- 54** **ALEXANDER S. KOLESOV, SERGEI L. KATANANDOV**
The Relationship between the Digital Economy and Financial Policy in the Russian Federation: Ways to Improve
- 64** **EVGENIA A. KUKLINA**
The Concept of Sustainable Development in the Projection of Modern Transformational Trends: A New Reality and New Opportunities for Business
- 79** **YURY N. LAPYGIN, MIKHAIL A. ROZENKOV**
Mental Maps of Strategic Alliances
- 88** **MADINA K. KHABEKOVA**
Strategizing the Implementation and Development of Financial Technologies in National Innovation Systems
- 98** **TATYANA V. GAIBOVA, OLGA V. BASHKIROVA**
Lean Investment as a Tool for Sustainable Development in the Post-Covid Era
- 116** **EVGENIA Yu. KOLOBOVA**
Strategic Orientation of Film Organization Development in the Digital Age

SOCIETY AND REFORMS

- 127** **ALEXANDER N. TSATSULIN, BORIS A. TSATSULIN**
How Can Domestic Athletics Overcome a Protracted Crisis?

- 146 JULIA P. BAYER, VLADIMIR D. KOVALENKO, ELIZAVETA V. RODIONOVA,
NIKITA K. SYUNDYUKOV**
Dialogue between the State and Religion as a Basis for Managerial Decision-
Making: Research Experience in the Regions of the North-West
- 161 GALINA M. TSINCHENKO, INNA S. ORLOVA**
State Support for Families with Children during the COVID-19 Pandemic in
Russia and Abroad

A LINEA

- 169 DARIYA N. SEMKOVA**
Financial and Investment Ensuring Innovation Activities of the Oil and Gas
Industry in Russia

«Культура отмены» как европейская ценность

“Reject Culture” as a European Value

В. А. Шамаев

Советник ректора РАНХиГС,
научный руководитель
Северо-Западного института управления РАНХиГС,
главный редактор, доктор экономических наук

С даты учреждения в России Академии наук, созданной императором Петром I Указом от 28 января (8 февраля) 1724 года, российское академическое сообщество принимает деятельное участие в развитии мирового научного знания.

При этом со времен первых античных академий, средневековых университетов, современных академических институтов одной из главных характеристик научного сообщества являлось объединение ученых (интеллектуалов) из разных научных областей, которые совместно работали над созданием и развитием новых идей, открытий, знаний.

История человечества убедительно демонстрирует, что, невзирая на государственные границы, религиозные убеждения, политические взгляды, наука всегда создавалась людьми, которые не принимали в расчет конъюнктурные интересы конкретного исторического периода. Наоборот, философы-мыслители античности и древних цивилизаций, исследователи-натуралисты времен великих географических открытий, просветители и гуманисты эпохи Просвещения и современные ученые всегда стремились «заглянуть за горизонт» и результаты своих изысканий сделать достоянием всего человечества.

Во многом именно такие идеи и стали основой того, что сегодня принято называть европейскими ценностями, которые базируются на человеческом достоинстве, свободе и равенстве. И в авангарде продвижения таких ценностей всегда выступало академическое сообщество.

Россия последние 30 лет последовательно наращивала свое участие в решении проблем, которые важны для современного общества, в фундаментальных и социогуманитарных направлениях развития науки и техники. Мы занимаем ведущие научные позиции в сферах изучения космоса и развития мирного атома, в разработке лекарств и технологий бережного освоения территорий, в материаловедении и микроэлектронике, промышленности высоких переделов, математике и физике.

Российские ученые делились со своими зарубежными коллегами новыми идеями, результатами исследований, участвовали в научных конференциях и работе по научным грантам.

Вместе с тем сегодня отечественные ученые и работники высшей школы столкнулись с принципиально новым для себя явлением в научном мире, когда граж-

данство по сути стало означать допуск/недопуск к совместной работе, а бойкот стал средством политического давления в научной сфере.

Так называемый «кенселинг», reject policy, или, как уже принято говорить в научном мире, — культура (политика) отмены — стали частью научной реальности России. Мы наблюдаем односторонние отказы от сотрудничества, разрушение сложившихся за десятилетия коопераций ученых, закрытие доступа к базам знаний и высокотехнологичному лабораторному оборудованию. При этом инициаторами выступают не только европейские и североамериканские институциональные организаторы науки, но и сами ученые этих стран.

Годы совместной работы, терабайты информации, совместные научные публикации, меморандумы и соглашения о сотрудничестве и партнерстве и т. п. одно-моментно перестали иметь хоть какое-то значение, обесценив имеющиеся достижения и сложившиеся в научном сообществе отношения.

Очевидно, что российская наука, которую в XX веке, во времена СССР, уже пытались искусственно сдерживать, найдет приемлемые формы и методы дальнейшего развития.

Наши «выученные уроки» — это открытость новым идеям, технологический суверенитет, поддержка ученых. Нам нужно пересобрать организацию науки в России, усилив меры поддержки создания научного продукта как со стороны государства, так и со стороны бизнеса. Одновременно с этим следует обеспечить юридическую защиту разработок российских ученых не только на этапе опытного образца, но и на стадии формулирования авторских методик, идей и ноу-хау.

При этом важно, чтобы российская наука не принимала зеркальных мер в отношении своих западных коллег. В конечном итоге наука — это не государства, наука — это люди.

Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях

Статья третья

ГОСПЛАН*

Хлутков А. Д.¹, Шамахов В. А.¹, Межевич Н. М.^{2, 3, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

³Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Характер задач, стоящих перед современной Россией, требует не только прогноза будущего, но и тщательного изучения прошлого, что необходимо для оптимизации управленческих решений. Опыт Госплана в последний год неоднократно упоминался и обсуждался как элемент экономической истории СССР, возможный для применения в будущем.

Ключевые слова: плановая экономика, экономическая история, Госплан, теория управления, рыночная экономика, межотраслевые балансы

Для цитирования: Хлутков А. Д., Шамахов В. А., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья третья. ГОСПЛАН // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 10–21.

Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article Three. State Planning Committee

Andrey D. Khlutkov¹, Vladimir A. Shamakhov¹, Nikolay M. Mezhevich^{2, 3, *}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation

³Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

The nature of the tasks facing modern Russia requires not only a forecast of the future, but also a thorough study of the past, which is necessary to optimize management decisions. The experience of the State Planning Committee of the USSR in the last year has been repeatedly mentioned and discussed as an element of the economic history of the USSR, possible for future application.

Keywords: planned economy, economic history, State Planning Committee of the USSR, management theory, market economy, interindustrial balance sheets

* Предыдущие статьи: Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья первая. Промышленная политика // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 10–18; Хлутков А. Д., Шамахов В. А., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные и экологические практики в новых внешнеполитических условиях. Статья вторая. Освоение Арктики // Управленческое консультирование. 2022. № 5. С. 10–18.

Любые эксперименты, связанные с управлением, безусловно, имеют академическую значимость. Развитие теории управления, экономической теории представляется вполне самостоятельной исследовательской задачей. При этом нельзя не согласиться с тем, что писал один из классиков современной экономической теории — М. Портер. Он отмечал, что «главная цель государства в экономике — обеспечить своим гражданам достаточно высокий и повышающийся уровень жизни. Способность государства сделать это зависит не от какого-то аморфного понятия „конкурентоспособность“, а от того, насколько продуктивно используются национальные ресурсы — труд и капитал» [15, с. 24]. Иными словами, модель плановой или рыночной экономики может оцениваться исключительно с позиций оптимального использования национальных ресурсов, обеспечения безопасности общества и государства, повышения уровня и качества жизни населения. Соответственно, и организационные формы плановой и рыночной экономики оцениваются исключительно через их результативность в политических условиях. Эта оценка результативности носит конкретно исторический характер.

Прежде всего, следует отметить, что никто не предлагает копировать модель хозяйственного управления 1920–1980-х гг. прошлого века. Во-первых, это просто невозможно. Само по себе копирование подразумевает точное или абсолютно точное воспроизведение управленческой практики, но управленческая практика задается внешними условиями. Давайте предположим, что в силу тех или иных обстоятельств перед нами поставлена задача скопировать египетские пирамиды. Очевидно, что с технологической и финансовой точек зрения сегодня с этим можно справиться без труда. Но может ли это произвести впечатления на туристов? Ответ очевиден — нет. Именно управленческие решения, примененные на заре человеческой цивилизации, вызывают восхищение. В настоящее время подобная совокупность камня и бетона будет вызывать вопрос не об управлении, а о стоимости строительства. «Новые пирамиды» не произведут впечатления, поскольку вокруг них существует принципиально иная цивилизация. Аналогично с хозяйственными практиками Советского Союза: они произвели феноменальное впечатление на своих современников. Внимательно изучив и творчески применив эти практики, Запад продлил себе жизнь на многие десятилетия. Эти хозяйственные практики стали не только управленческими моделями, проверенными временем, но и частью общечеловеческой управленческой культуры.

Необходимо критически посмотреть на опыт хозяйственных решений советской эпохи и попытаться понять, какие управленческие подходы являются полностью применимыми в современных условиях, какие нуждаются в качественной адаптации, а какие управленческие практики условных двадцатых годов XX в. неприменимы в двадцатые годы XXI в.

Авторы разделяют позицию Е. М. Примакова, писавшего: «...проходя через всю череду экономических теорий, необходимость вмешательства государства в экономику оставалась непреложной. Причем не эпизодического вмешательства во время кризисных потрясений»¹. Очевидно то, что государственное вмешательство и регулирование присутствуют в рыночных экономиках постоянно. При этом «во время кризисных потрясений» роль государства возрастает. Опыт Е. М. Прима-

¹ *Примаков Е. М.* Современная Россия и либерализм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/17/primakov.html> 17.12.2012.

кова как государственного деятеля убедительно дополняет его теоретические воззрения.

В любой модели смешанной экономики принципиальное значение имеет качество институтов. Министерство финансов существует в России, США, Сирии и Парагвае. Круг задач во всех случаях примерно одинаков, а вот реальное влияние в системе управления существенно отличается. Сложнее со специализированными институтами, как раз такими, как Госплан.

Госплан СССР (Государственный плановый комитет Совета министров СССР) был ядром огромной системы плановых органов, состоявшей из республиканских госпланов, плановых комиссий при хозяйственных министерствах и местных плановых органов при советах соответствующих уровней (областных, районных). В этом качестве он являлся важнейшим элементом плановой (командной) экономики советского типа и служил образцом, по которому строили управление экономикой другие страны мировой системы социализма¹.

* * *

Оценивая роль Государственного планового комитета, можно вполне использовать сравнение с представлениями древних предков о нашей Земле. Согласно одной из версий, она стояла на трех слонах, которые располагались на спине гигантской черепахи. Госплан, безусловно, важнейший из трех «экономических слонов управления» в социалистической модели управления экономикой. Два оставшихся слона — это Госснаб и Госкомцен. В том случае, если — с теоретической точки зрения — рассматривать вопрос о восстановлении Госплана, то Госснаб и Госкомцен неизбежны.

Многоуровневая система государственного планирования базировалась на таком же государственном снабжении и предполагала государственную систему ценообразования, которая лишь в отдельных исключительных случаях могла быть рыночной, а в некоторых случаях — квазирыночной (к примеру, потребительская кооперация). В абсолютном большинстве случаев ценообразование и распределение ресурсов было директивным. Столовая ложка из нержавеющей стали, выпущенная в 1991 и 1992 гг., отличается только одним, и это не технологические стандарты, а в буквальном смысле отлитая информация о цене. «Главная проблема, ... для Советского Союза (и России), связана с тем, что их экономика не была рыночной. Это обстоятельство не оказывает серьезного влияния, если речь идет о показателях в натуральном исчислении. Но стоимостные показатели предполагают применение определенных цен на товары и услуги. В советской экономике не было рыночных цен. Как правило, цены на каждый вид продукции для каждого предприятия устанавливались властями» [14, с. 510].

Сказанное означает, что полноценная копия модели Госплана в условиях рыночной экономики функционировать не может. Отменять рыночную экономику не готовы даже представители Коммунистической партии. Отметим авторскую позицию: в современных условиях обратный переход от рыночной экономики к социалистической образца 1985 г. будет заведомо большей катастрофой, чем реформы 1987–1997 гг.

Вернемся к представлениям древних людей и их современной интерпретации. Госплан в нашем случае — это всего лишь один из трех слонов, на которого Землю не возложишь, ему не на что будет опираться без слонов-соседей, а самое главное, отсутствует черепаха — государственная собственность. Точнее, вместо сплошной платформы государственной собственности есть участки квазигосудар-

¹ Методические указания к разработке государственных планов развития народного хозяйства СССР. М. : Экономика, 1974. 791 с.

ственной собственности в форме акционерной. И, наконец, самое главное: прежнее общество, которое опиралось на эту конструкцию, также отсутствует.

Вопрос надо поставить иначе. Необходимо расширение системы государственного планирования и управления. Авторы статьи и как экономисты, и как практики не сомневаются в том, что необходимо адаптировать все достижения, которые связаны с системой государственного планирования. Принципиальные экономические, политические, идеологические возможности для адаптации практик Госплана есть. Более того, подобные попытки с разной степенью успешности предпринимались как в Советском Союзе, так и за его пределами, и относятся еще к 30-м гг. прошлого века.

Политический курс Ф. Д. Рузвельта не является предметом исследования в данной статье. Провозгласив «новый курс», президент обратился к задачам региональной политики, продавив с немалыми усилиями «Закон об организации государственной корпорации — администрация долины Теннесси» (Tennessee Valley Authority — TVA). Главной целью, поставленной перед этой (подчеркнем) государственной корпорацией, было решение наиболее острых социально-экономических проблем региона и обеспечение условий для его последующего развития.

Существует несколько важных вещей, которые необходимо отметить, говоря о программах регионального развития. Рузвельта мало интересовало соответствие модели TVA условным социалистическим или капиталистическим принципам управления экономики. «Управление долины реки Теннесси» — это классический пример, когда как в русском, так и в английском варианте названия произошло многократное умаление масштаба явления. На самом деле программа действует в той или иной форме 80 лет, она охватывала территорию, примерно равную Германии, а на территории программы проживало количество людей, равное населению Эстонии, Латвии, Литвы, Словакии, Чехии, Венгрии, Болгарии вместе взятому.

Администрация программы и управляющие органы являются собственниками имущества TVA, перед нами государственная корпорация, подотчетная конгрессу, министерству финансов и президенту США. Вокруг этой программы в тридцатые годы было сломано много копий, в том числе обсуждалось, не является ли программа воплощением идей социализма.

Вторая мировая война позволила не только отразить все атаки на TVA, но и подтвердить ее эффективность в контексте задач государственной безопасности. Еще в октябре 1939 г. в специальном меморандуме на имя Рузвельта был написан мобилизационный план, предполагающий использование мощностей TVA в энергетике, химической промышленности, металлургии для развертывания военного производства. В дальнейшем мощности и даже менеджеры TVA были использованы для создания американской атомной индустрии. Если американцы опирались на советский опыт и не считали это зазорным, то, может быть, пришла теперь наша очередь? Тем более, что мы можем опираться на первоисточники — план ГОЭЛРО, Урало-Кузнецкий комбинат, концепции ТПК (территориально-производственного комплекса) и ЭПЦ (энерго-производственных циклов).

Оценка советского опыта планирования, разумеется, может быть полярной. Этой теме может быть посвящена отдельная статья. Богатство мнений дает нам возможность привести только одну цитату: «До сих пор развитие народного хозяйства шло стихийным путем, без участия творческой мысли и воли человека. После тех завоеваний, которые сделал человеческий разум в науке и технике со времени эпохи Возрождения, у людей родилось гордое желание овладеть народнохозяйственным историческим процессом, подчинив его своему разуму и своей коллективной воле. Человечество поставило себе задачу сознательного творчества новых, гуманных форм хозяйственной жизни. Одной из конкретных форм этого реформа-

торского движения являются пятилетние планы развития народного хозяйства СССР» [17, с. 7].

* * *

Уточним экономические основы преобразований, которые создали предпосылки для создания таких институтов, как Госплан. «Великая Октябрьская социалистическая революция установила государственную социалистическую собственность на все крупные основные средства производства. Советское государство с самого начала, в отличие от капиталистических государств, имело в своих руках не только власть, но и все командные высоты народного хозяйства. Государственная социалистическая собственность с самого начала играла ведущую роль во всем народном хозяйстве. Она являлась основой и орудием планового руководства хозяйственной жизнью страны. При капитализме невозможно осуществление принципов планового хозяйства» [18, с. 254]. Оставим как дискуссионный вопрос о возможностях осуществления принципов планового хозяйства при капитализме. Модель социалистических преобразований осуществляется «...при условии существования диктатуры пролетариата, на основе социалистической собственности на средства производства в промышленности, тесных хозяйственных связей крестьянского хозяйства с социалистическим» [9, с. 13]. Сразу возникает вопрос о том, могут ли проверенные институты плановой экономики работать при условии отсутствия диктатуры пролетариата, абсолютного доминирования социалистической собственности?

Суть системы централизованного планирования и управления народным хозяйством в том, что есть некий центр, который, во-первых, планирует, то есть устанавливает цели и задачи всем экономическим единицам от народного хозяйства в целом, отрасли, региона и до отдельного предприятия, цеха и каждого работника; и, во-вторых, управляет, то есть организует выполнение плана [7, с. 9]. Опять же вернемся к вопросу о целостности плановой деятельности: можно ли вести ее по отдельным уровням и секторам экономики?

На практике первый в мире государственный стратегический план был разработан в 1920 г. в Советской России. Он был разработан Государственной комиссией по электрификации под руководством Г. М. Кржижановского. В свою очередь, это стало возможным благодаря тому, что «...сотрудники КЕПС и представители российской экономической школы (И. Г. Александров, В. Р. Вильямс, И. М. Губкин, Д. И. Прянишников, С. Г. Струмилин) составили научный костяк Госплана СССР, который был создан 22 февраля 1921 г. Их знания и опыт КЕПС позволили создать алгоритмы планирования и финансирования, благодаря которым была осуществлена индустриализация экономики СССР» [1, с. 214]. Первая версия Госплана СССР предполагала прежде всего консультативную роль. Такая модель не соответствовала задачам социалистического строительства. Кроме того, «...остро сказались в первом периоде работы Госплана отсутствие реальной связи его с работой местных экономических органов. Помимо чисто технических затруднений в сношениях с местами, неопределенность функций плановых органов при областных и губернских экономических совещаниях, отсутствие общих для всех комиссий заданий, а также особенности во взглядах местных хозяйственных работников на плановую работу вообще — делали эту связь еще более затруднительной»¹. С 1925 г. Госплан СССР начал формировать годовые планы развития народного хозяйства СССР, а затем и получил развитие на территориальном уровне.

Госплан постепенно сосредотачивался на отраслевых, межотраслевых и территориальных балансах как основе для планирования. Сама идея предварительного пла-

¹ Пять лет власти Советов. М., 1922. С. 152.

нового баланса народного хозяйства была высказана С. Г. Струмилиным еще в 1923 г., а затем в 1940 г. Н. А. Вознесенским, который указал на то, что нельзя составить план развития народного хозяйства СССР, не начав с баланса народного хозяйства.

Огромный вклад в деятельность Госплана внес Н. А. Вознесенский, который с 1938 по март 1949 г. возглавлял Госплан СССР, а с 1938 г. по 1941 г. был заместителем, далее с 1941 г. по 1950 г. — первым заместителем председателя Совета министров СССР. Можно спорить о теоретическом потенциале программной работы Н. А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны». Практическая значимость подходов монографии очевидна. «Проведенный анализ товарно-денежных отношений, закона стоимости и ценообразования при социализме подчеркнет их объективный характер и необходимость использования в социалистическом планировании» [3].

Для разработки единого общегосударственного хозяйственного плана Госплан СССР выработал метод, который применялся все годы его существования — балансовый метод. Балансовый метод позволял выявить возможные ресурсы для производства каждого вида продукта и сопоставить эти ресурсы с потребностями. Главное в этом методе — определение соответствия потребностей с ресурсами, вопрос о ценах вторичен. Как уже было отмечено, в Госплане СССР активно использовалась модель межотраслевого баланса нобелевского лауреата В. Леонтьева. Укажем и на то, что до своей эмиграции В. Леонтьев работал именно в Госплане СССР, в дальнейшем отмечая, что на создание авторской модели повлияли лучшие экономические практики Госплана.

Относительно спокойную работу Госплана прервала война. Чрезвычайный характер военной экономики не позволил реализовать идею и метод балансов. Лишь с середины 50-х гг. перспективное планирование стало внедрять в свою практику предварительный плановый баланс народного хозяйства [2, с. 6]. Интересно то, что в то же время председатель Госплана СССР стал занимать предельно высокое положение в партийно-государственной иерархии (номенклатура Президиума ЦК КПСС). Председатель Госплана СССР обязательно занимал должность заместителя (первого заместителя) Председателя Совета Министров СССР, входил в полномочный состав Президиума ЦК КПСС [10, с. 99].

На всех этапах «Госплан функционировал в условиях политической системы советского общества, в труднейших условиях постоянной внешне- и внутривнутриполитической борьбы. Сводные отделы в тесном взаимодействии вырабатывали общую стратегию экономического и социального развития страны, определяли главные приоритеты и координировали деятельность отраслей народного хозяйства. Госплан СССР за короткий период стал фактически генеральным штабом развития народного хозяйства страны»¹, иными словами, все ошибки государственного масштаба в экономической сфере неизбежно отражались на работе Госплана.

Реформы А. Н. Косыгина можно рассматривать как дальнейшее совершенствование как отраслевого, так и территориального планирования, но с приданием ему большей прогностической функции. Изменилась методика работы по подготовке текущих пятилетних планов: при их составлении одновременно проводились предплановые работы, задачей которых было создание схем развития и размещения отраслей народного хозяйства, а также планирование развития производительных сил по экономическим районам на перспективу до 15–20 лет².

Попытка соединения плана и рынка при главенствующей роли первого, что являлось одной из самых спорных принципов косыгинской реформы, породила круг

¹ Маслюков Ю. Генштаб советской экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf/permu/list/php?c 28/02/2010>. С. 7.

² См. подробнее: [4; 13].

проблем и противоречий. Проблема создания системы планирования, сочетающейся с рынком и эффективной не только с точки зрения создания стратегических технологических, социальных и т. п. прорывов в экстремальных условиях, но и с точки зрения обеспечения сбалансированного, бездефицитного развития всей экономики, включая сферу производства потребительских благ и услуг, в СССР в полной мере так и не была решена. Все это свидетельствует как о высоком потенциале той системы планирования, так и о том, что буквальное копирование этого опыта в условиях принципиально иной социально-экономической системы (не просто рыночной экономики, а позднего капитализма) невозможно¹.

Заключение

Вопрос о совершенствовании системы управления приходится решать «с колес», притом что необходимость подобных реформ была очевидна достаточно давно. С. Ю. Глазьев отмечал еще в июле 2014 г., что «...в случае интеллектуальной, экономической и военной мобилизации у России есть шансы не проиграть в конфликтах 2015–2018 гг.»² и наметил ряд мобилизационных направлений технологического, бюджетно-налогового, денежно-кредитного, институционального, социального и внешнеэкономического характера, способных укрепить Россию и ее экономику. В этом ряду и «ключевая роль государства в формировании конкурентоспособных структур высокотехнологической промышленности». Безусловно, «за последние 5 лет мы перешли от резкого отрицания элементов государственного планирования к разработке значительного количества документов отраслевого и регионального планирования — концепций, стратегий, доктрин» [8].

К сожалению, до настоящего времени не всегда увязаны стратегические документы долгосрочного, среднесрочного, краткосрочного горизонтов планирования, федерального и региональных уровней. «Федеральные стратегии не задают рамки для стратегий регионов, а те, в свою очередь, не корректируют стратегии федерального уровня и стратегии городов, входящих в субъект. Указанные неувязки носят системный характер» [19, с. 23]. Остается проблемой и то, что «перспективы плана являются не только директивой, но и предвидением, опирающимся на знание технологических и иных закономерностей в ходе действительности, которые были подмечены в прошлом» [6, с. 102–103]. Таким образом, проблемой является то, что не только мы, но и наши оппоненты не в состоянии сделать прогноз в условиях столь масштабных проблем и неопределенностей экономического и политического характера. Очевидно лишь то, что «...при любой ситуации единственной альтернативой для России является опора в первую очередь на наши внутренние резервы и возможности для количественного и качественного роста экономики»³. Россия «...не должна быть зависимой не только от масштабного, но даже, в некоторых сферах, от единичного импорта — чтобы, например, сохраниться в качестве космической державы» [16, с. 3].

¹ Бузгалин А. В., Колганов А. И. Планирование в экономике XXI века: творчески используя наследие СССР (к 100-летию Госплана СССР). Доклад на международной научной конференции «Планирование в рыночной экономике: воспоминания о будущем (к 100-летию Госплана СССР)», 25–26 марта 2021 г. М., 2021. С. 5.

² Глазьев С. Ю. Как победить в войне [Электронный ресурс]. URL: <https://glazev.ru/articles/153-geopolitika/54275-kak-pobedit-v-vo-ne>

³ Е. Примаков: единственная альтернатива для России — опора на внутренние резервы и возможности [Электронный ресурс]. URL: http://www.tpp-inform.ru/analytic_journal/5385.html (дата обращения: 22.03.2022).

Все вышесказанное не следует рассматривать как призыв к восстановлению невозможного. Признание неприменимости классической плановой экономики в условиях доминирования частной собственности не отрицает того, что «существуют имманентные недостатки рыночной экономики — экономические и социальные “провалы” (или “фиаско”) рынка». Это не противоречит и либеральному подходу А. П. Заостровцева, предлагающего сопоставлять несовершенство рынка с несовершенством государства (market failure vs. state failure) в отношении каждой конкретной функции и задачи [5]. Способом решения этой задачи является осуществление практик централизованного регулирования. Именно в процессе поиска оптимальной модели национального государственного регулирования в послевоенные годы сложились национальные модели экономики, сохранившие свои основные черты до XXI в. [12, с. 108].

В большинстве процветающих стран сохранялось понимание того, что «развитие по пути государственного капитализма означает всеобъемлющее вмешательство государства в экономику, усиление централизованного перераспределения ресурсов, ограничение свободы предпринимательских и инвестиционных решений (как центром, так и региональными властями), дозированная открытость экономики и ставка на максимизацию роста на базе ограниченного круга отраслей» [11, с. 124]. Подчеркнем, вмешательство ограниченное и круг отраслей ограниченный.

Создание Госплана от организационного решения до его классической сталинской формы заняло около 20 лет. Этого времени на реформирование сейчас просто нет. Государственная собственность утратила свои позиции, ценообразование стало рыночным. Распределение ресурсов в большинстве случаев определяется опять же рынком. Постоянное усложнение экономики приводит к невозможности контролировать и планировать все аспекты экономического развития. Цифровой Госплан тоже не поможет. Цифровизация не может исправить ошибочные человеческие решения, но обладает эффектом ускорения их реализации.

С другой стороны, следует оценить возможные направления и сектора, где практики и модели планирования будут заведомо успешны. Очевидно то, что вмешиваться в малый и средний бизнес наше государство вообще не собирается. Бизнесмены как раз за счет понимания текущей ситуации на конкретных рынках способны обеспечить производство и распределение нужных товаров и услуг лучше, чем любой Госплан. Точечные корректирующие меры и поддержка сельхозпроизводителей — это то, чем занимаются все от Канады до Австралии. Система государственного планирования для этого не нужна. Что же касается инфраструктуры и тяжелой промышленности, то современная рыночная экономика не только не исключает, но предполагает активную государственную поддержку ведущих отраслей, такая поддержка может включать и отдельные меры, связанные с ценообразованием на сырье и даже ценообразованием на готовую продукцию.

Авторы исходят из того, что система планирования должна быть возвращена в военно-промышленном комплексе, здесь не так актуален вопрос собственности, проблемы сбыта продукции носят специфический характер, а ценообразование не является предметом общественного обсуждения. В географических условиях России инфраструктурные проекты класса «Транссиб — БАМ» без системы государственного планирования и управления невозможны. Последний, кто в этом не был уверен — Николай II, но и он изменил свое мнение в 1905 г., по результатам войны с Японией.

Задачи государственного планирования развития стратегических отраслей и инфраструктурных проектов, а также индикативное планирование не следует смешивать с системой Госплана сталинского или брежневского образца. Таким образом, речь идет не о копировании всей системы, но о заимствовании и адаптации ее отдельных элементов, актуальных в текущих условиях внешней и внутренней политики.

Постановление Совета Министров СССР от 17 июня 1960 года № 618 «О структуре и штатах Госплана СССР». Структура Госплана СССР:

I. Сводные отделы

- Отдел народнохозяйственного плана
- Отдел сводных балансов и материально-технического обеспечения
- Отдел труда и заработной платы
- Отдел финансов и себестоимости
- Отдел товарооборота
- Отдел внешних экономических связей
- Отдел капитального строительства
- Сводный отдел оборонных отраслей промышленности
- Сводный отдел специализации и кооперирования промышленности

II. Отраслевые отделы

- Отдел черной металлургии
- Отдел цветной металлургии
- Отдел угольной, торфяной и сланцевой промышленности
- Отдел нефтяной и газовой промышленности
- Отдел химической промышленности
- Отдел электрификации народного хозяйства
- Отдел тяжелого машиностроения
- Отдел автотракторного и сельскохозяйственного машиностроения
- Отдел общего машиностроения
- Отдел электротехнической и приборостроительной промышленности
- Отдел авиационной промышленности
- Отдел оборонной промышленности
- Отдел судостроительной промышленности
- Отдел радиоэлектроники
- Отдел строительной индустрии и стройматериалов
- Отдел лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности
- Отдел жилищного строительства и городского хозяйства
- Отдел легкой промышленности
- Отдел пищевой промышленности
- Отдел транспорта и связи
- Отдел сельского хозяйства
- Отдел водных ресурсов
- Отдел культуры
- Отдел здравоохранения и медицинской промышленности.
- Отдел по вопросам деятельности советских частей постоянных комиссий СЭВ

III. Организации при Госплане СССР

- Бюро цен
- Высшие экономические курсы
- Главное управление по межреспубликанским поставкам металлопродукции (Союзглавметалл)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам продукции тяжелого машиностроения (Союзглавтязмаш)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам продукции машиностроения (Союзглавмаш)

- Главное управление по межреспубликанским поставкам автомобилей, тракторов, сельскохозяйственных машин и запасных частей к ним (Союзавтосельмаш)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам электротехнической продукции и приборов (Союзглавэлектро)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам нефтепродуктов (Союзглавнефть)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам угля (Союзглавуголь)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам химической и резино-технической продукции (Союзглавхим)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам леса и строительных материалов (Союзглавстройматериалы)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам сырья для пищевой промышленности (Союзглавпищепромсырье)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам сырья для легкой промышленности (Союзглавлегпромсырье)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам товаров народного потребления (Союзглавторг)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам товаров оборонной и радиотехнической продукции (Союзглавспецпром)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам оборудования, приборов, кабельных и других изделий для важнейших строящихся и реконструируемых предприятий химической промышленности (Союзглавхимкомплект)
- Главное управление по межреспубликанским поставкам оборудования, приборов, кабельных и других изделий для важнейших строящихся и реконструируемых предприятий черной и цветной металлургии, нефтеперерабатывающих и цементных заводов, предприятий асбестовой промышленности, сахарных заводов, угольных шахт и горнорудных предприятий (Союзглавкомплект)
- Главное энергетическое управление (Союзглавэнерго)
- Главное управление рыбного хозяйства
- Всесоюзный институт ассортимента изделий легкой промышленности и культуры одежды (ВИАлегпром)
- Научно-исследовательский институт планирования и нормативов

Литература

1. Антипов В. И., Гельвановский М. И. Новый Госплан // Экономические стратегии. 2017. Т. 19, № 2. С. 210–224.
2. Анчишкин А. И., Яременко Ю. В. Темпы и пропорции экономического развития. М., 1967.
3. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 2003.
4. Гражданкин А. И., Кара-Мурза С. Г. Белая книга России. Строительство, перестройка и реформы: 1950–2013 гг. / Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. М. : Научный эксперт, 2015. 728 с.
5. Заостровцев А. П. Дуглас Норт: постижение истории. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.
6. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М. : Экономика, 2002.
7. Лопатников Л. И. От плана к рынку. Экономика перехода. М.-СПб. : Норма, 2010. 368 с.
8. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Сирота Н. П. Внешняя среда особо крупных организаций в условиях внешнеполитической неопределенности и санкционных режимов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 5 (131). С. 7–13.
9. Маневич В. Е. Экономические дискуссии 20-х годов. М. : Экономика, 1989.
10. Некрасов В. Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 99–103.

11. Нуреев Р. М. От командной экономики — к рыночной // Terra Economicus. 2013. Т. 11, № 1. С. 110–131.
12. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Централизованное регулирование смешанной экономики // Terra Economicus. 2013. Т. 11, № 3. С. 101–125.
13. Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000.
14. Пономаренко А. Н. Исторические национальные счета России: 1961–1990 гг. // Экономический журнал ВШЭ. 2000. № 4. С. 505–527.
15. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. М., 1993.
16. Примаков Е. М. Реиндустриализация или постиндустриализация? // Прямые инвестиции. 2012. № 3 (119). С. 3.
17. Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. II. Нью-Йорк, 1952.
18. Развитие советской экономики / под ред. А.А. Арутиняна, Б.Л. Маркуса. М. : ИЭ АН СССР. 1940.
19. Смирнов О. О. Основы стратегического планирования Российской Федерации М. : Издательский дом «Наука», 2013.

Об авторах:

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; khlutkov-ad@ranepa.ru

Шамахов Владимир Александрович, советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Antipov V. I., Gelvanovsky M. I. New Gosplan // Economic strategies [Ekonomicheskie strategii]. 2017. Vol. 19, No. 2. P. 210–224 (in Rus).
2. Anchishkin A. I., Yaremenko Yu. V. Pace and proportions of economic development. Moscow, 1967 (in Rus).
3. Voznesensky N. A. The military economy of the USSR during the Patriotic War. Moscow, 2003 (in Rus).
4. Grazhdankin A. I., Kara-Murza S. G. White Book of Russia. Construction, realignment and reforms: 1950–2013 / Center for Problem Analysis and Public Management Design. Moscow: Scientific expert, 2015. 728 p. (in Rus).
5. Zaostrovtshev A. P. Douglas North: Comprehension of History. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013 (in Rus).
6. Kondratyev N. D. Large cycles of conjuncture and the theory of foresight. Moscow: Economics, 2002 (in Rus).
7. Lopatnikov L. I. From plan to market. Transition economics. M.-SPb.: Norma, 2010. 368 p. (in Rus).
8. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Sirota N. P. The external environment of especially large organizations in the context of foreign policy uncertainty and sanctions regimes // Izvestia of St. Petersburg State Economic University [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2021. No. 5 (131). P. 7–13 (in Rus).
9. Manevich V. E. Economic discussions of the 20th. Moscow: Economics, 1989 (in Rus).
10. Nekrasov V. L. Reform of the USSR State Planning Committee 1955: development of a new model of economic planning // Bulletin of Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2013. N 368. P. 99–103 (in Rus).
11. Nureev R. M. From team economics to market // Terra Economicus. 2013. Vol. 11, No. 1. P. 110–131 (in Rus).

12. Nureyev R. M., Latov Yu.V. Centralized regulation of the mixed economy // Terra Economicus. 2013. Vol. 11, N 3. P. 101–125 (in Rus).
13. Olsevich Yu., Gregory P. Planning system in retrospect. Analysis and interviews with the heads of planning of the USSR. Moscow, 2000 (in Rus).
14. Ponomarenko A. N. Historical National Accounts of Russia: 1961–1990 // HSE Economic Journal [Ekonomicheskii zhurnal VShE]. 2000. N 4. P. 505–527 (in Rus).
15. Porter M. International competition. Competitive advantages of countries Moscow, 1993.
16. Primakov E. M. Reindustrialization or post-industrialization? // Direct investments [Pryamye investitsii]. 2012. N 3 (119). P. 3 (in Rus).
17. Prokopovich S. N. National Economy of the USSR. Vol. II. New York, 1952 (in Rus).
18. Development of the Soviet economy / ed. A.A. Arutinyan, B.L. Marcus. Moscow: IE Academy of Sciences of the USSR, 1940 (in Rus).
19. Smirnov O. O. Fundamentals of Strategic Planning of the Russian Federation. Moscow: Publishing House "Science", 2013 (in Rus).

About the authors:

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management — branch of the RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Vladimir A. Shamakhov, Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия в рамках Союзного государства Беларуси и России: стратегический ситуационный анализ Часть 1*

Бахлова О. В.^{*}, Бахлов И. В.

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Российская Федерация, *olga.bahlova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель: выявление ключевых факторов интеграционного взаимодействия в рамках внутреннего измерения Союзного государства Беларуси и России.

Методы: неформализованный содержательный анализ документов, формально-юридический метод, SWOT-анализ.

Результаты и обсуждение: исследована совокупность внутренних факторов общесистемного характера, непосредственно локализованных на территории Союзного государства. Данные факторы интерпретированы как имеющие принципиальное значение для обеспечения положительной динамики российско-белорусской интеграции. Показаны сильные и слабые стороны двустороннего взаимодействия с учетом их влияния, достигнутые результаты и вероятные направления эволюции в контексте «перезапуска» интеграции, относимого к осени 2021 г. Акцентированы детерминанты разных уровней дискуссионного плана, включая побуждения властных элит.

Выводы: важными преимуществами Союзного государства, отличающими его от других интеграционных объединений региона Содружества Независимых Государств, выступают многомерность, сопряжение разных сфер интеграции, сочетание аксиологических и утилитарных рычагов интегрирования. Оно располагает существенными возможностями для поступательного развития на перспективу. Однако в Союзном государстве присутствуют и весьма ощутимые угрозы и риски внутреннего происхождения. Рекомендовано обратить пристальное внимание на устранение внутренних уязвимостей и совершенствование технологий брендинга и информационного сопровождения союзного строительства.

Ключевые слова: внутренние факторы, гуманитарное измерение, межрегиональное сотрудничество, общественно-политическая поддержка, политические элиты, Союзное государство Беларуси и России, союзное строительство, сферы интеграции

Для цитирования: Бахлова О. В., Бахлов И. В. Возможности и угрозы для интеграционного взаимодействия в рамках Союзного государства Беларуси и России: стратегический ситуационный анализ. Часть 1 // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 22–35.

Opportunities and Threats for Integration Cooperation within the Framework of the Union State of Belarus and Russia: Strategic Situational Analysis. Part 1

Olga V. Bakhlova*, Igor V. Bakhlov

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, *olga.bahlova@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31086 «Вызовы и возможности для Союзного государства Беларуси и России: внутреннее и внешнее измерения».

ABSTRACT

Aims: identification of key factors of integration interaction within the internal dimension of the Union State of Belarus and Russia.

Methods: informal substantive analysis of documents, formal legal method, SWOT analysis.

Results and discussion: A set of internal factors of a system-wide nature, directly localized on the territory of the Union State, is investigated. These factors are interpreted as being of fundamental importance for ensuring the positive dynamics of Russian-Belarusian integration. The strengths and weaknesses of bilateral interaction are shown, taking into account their influence, the results achieved and the likely directions of evolution in the context of the “restart” of integration, attributed to the autumn of 2021. The determinants of different levels of the discussion plan, including the motives of the power elites, are emphasized.

Conclusion: The important advantages of the Union State, which distinguish it from other integration associations of the Commonwealth of Independent States region, are the multidimensionality, the coupling of different spheres of integration, the combination of axiological and utilitarian levers of integration. It has significant opportunities for progressive development in the future. However, there are also very tangible threats and risks of internal origin in the Union State. It is recommended to pay close attention to the elimination of internal vulnerabilities and the improvement of branding technologies and information support of the Union construction.

Keywords: internal factors, humanitarian dimension, interregional cooperation, socio-political support, political elites, Union state of Belarus and Russia, union construction, integration spheres.

For citing: Bakhlova O. V., Bakhlov I. V. Opportunities and threats for integration cooperation within the framework of the Union State of Belarus and Russia: strategic situational analysis. Part 1 // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 22–35.

Введение

События последних лет испытывают на прочность системы разного уровня, включая наднациональные (интеграционные) и национальные (внутригосударственные). Неспособность глобальных институтов адекватно ответить на вызовы времени (распространение новой коронавирусной инфекции, кризисные явления в экономике, деградацию режимов ограничения вооружений, непрекращающиеся волны миграции из стран, охваченных внутренними конфликтами, и пр.) объективно смещает активность международных акторов и лояльность населения в сторону региональных объединений. Не исключение — и постсоветское пространство. Неслучайно в 2020–2021 гг. произошла фактическая реанимация, казалось, уже списанного со счетов Содружества Независимых Государств (СНГ, Содружество). В Содружестве значительно возросли частота контактов, мероприятий, интенсивность обсуждения разнообразных вопросов международной и интеграционной повестки.

Однако как таковые интеграционные ожидания на пространстве СНГ в большей степени связаны с реализацией субрегиональных проектов. В этом ряду особо выделяется Союзное государство Беларуси и России (СГБР, Союзное государство), в рамках которого осуществляется взаимодействие во многих сферах и областях, сложились разнообразные институции и механизмы достижения интеграционных целей и задач. Союзное государство представляет своего рода идеальную модель (со всеми своими недостатками) для пространства СНГ, и его поступательное развитие способно придать положительные импульсы интеграционным процессам в других форматах в масштабах Содружества, евразийской интеграции в целом. Вместе с тем далеко не все ориентиры, закрепленные Договором о его создании от 8 декабря 1999 г., были претворены в жизнь. Нередко СГБР подвергалось испытаниям, вызванным внутренними разногласиями стран-участниц. На функционировании Союзного государства сказываются специфические параметры их политико-террито-

риального устройства, построения политической, экономической и иных систем, исторического пути и пр.

В данной плоскости появляются обобщающие работы, в которых предпринимаются попытки подвести достигнутые итоги, оценить текущее состояние союзного строительства, наметить его приоритетные векторы и перспективы [1; 3; 8; 15]. В центре исследовательского внимания — социально-экономические и гуманитарные аспекты российско-белорусской интеграции [7; 9; 12; 14]. Выделим аналитический доклад, подготовленный коллективом авторов из Института Европы Российской академии наук, Белорусского государственного экономического университета, Московского государственного института международных отношений (университета), Государственного академического университета гуманитарных наук [11], содержащий в том числе рекомендации по углублению интеграции. Присутствует интерес к политико-правовым компонентам союзного строительства, специфике его институционализации и управления интеграцией на определенных этапах [4–5; 10; 13]. Но пока обоснование антикризисных интеграционных механизмов представляется недостаточным. В научной литературе отсутствует комплексный анализ вызовов, угроз и рисков, а также возможностей для Союзного государства в разных сферах. Цель данной части нашего исследования — выявление ключевых факторов во внутреннем измерении Союзного государства, действие которых стимулирует выраженные положительные либо негативные эффекты для Союзного государства Беларуси и России как интеграционного формата. Внимание фокусировалось на факторах, имеющих общесистемный характер, значимых для всего хода и поступательной динамики процесса двусторонней интеграции.

Материалы и методы

Теоретико-методологические основы исследования составили:

- системный подход к анализу интеграционных объединений (К. Дойч, П. Солдатос и др.), акцентирующий процесс управления, закономерности и специфику координации взаимодействий по достижению интеграционных целей;
- ситуационный подход (П. Лоуренс, Дж. Лорш), ориентированный на изучение проблемы состояния Союзного государства в современных условиях, поиск вариантов сбалансированных взаимоприемлемых политических решений для обеспечения его поступательного развития;
- институциональный подход, предполагающий анализ результатов интеграционного взаимодействия в рамках Союзного государства с позиций «нового институционализма» (Дж. Марч, Э. Остром и др.);
- неофедералистский подход к региональной интеграции (К. Фридрих, А. Этциони и др.), сфокусированный на исследовании роли политических элит в процессе интеграции, а также «институциональной интеграции»;
- «модернизированный неофункционализм» (Л. Линдберг, Ф. Шмиттер и др.), артикулирующий логику и динамику интеграционного процесса.

Важнейшие источники исследования — нормативные и концептуально-стратегические документы Российской Федерации и Республики Беларусь в области интеграционной политики; договоры и соглашения, иные документы, заключенные и принятые в рамках Союзного государства; материалы, размещенные на Информационно-аналитическом портале Союзного государства (<https://soyuz.by>), официальных сайтах Постоянного Комитета Союзного государства (<https://www.postkomsg.com>), Парламентского Собрания Союза Беларуси и России (<https://belrus.ru>), Евразийского банка развития (ЕАБР) (<https://eabr.org>); органов государственной власти Российской Федерации и Республики Беларусь. Привлекались статистические данные,

иллюстрирующие динамику взаимоотношений в рамках Союзного государства и внутреннее состояние стран-участниц.

Главный прикладной метод — SWOT-анализ, предполагавший на данном этапе оценку областей «Strengths» (сильные стороны) (+) и «Weaknesses» (слабые стороны) (–) союзного строительства применительно к внутреннему измерению СГБР. Для анализа нормативных и концептуально-стратегических документов на уровне Союзного государства и его участников использованы формально-юридический метод и метод неформализованного изучения документов.

Результаты

Внутренние факторы понимались как имеющие привязку к территории Союзного государства (локализованные на территориях обеих стран-участниц и СГБР в целом).

1. Сходство социокультурных параметров (прежде всего языка и религии) и общественно-политическая поддержка идеи и процесса союзного строительства:

(+) сформировано довольно мощное гуманитарное измерение российско-белорусской интеграции, характеризующееся разветвленными связями с участием граждан и общественных объединений; позитивно оценим его сопряжение с социально-экономической и научно-образовательной сферами, в том числе с привлечением молодежи (поддержка молодежных стартапов, ориентированность на создание единых образовательного¹ и научно-технологического пространств и пр.), решением задач сохранения общего духовного наследия, традиционных ценностей, патриотического воспитания, противодействия фальсификации истории, сохранения исторической памяти о Великой Отечественной войне; в данной плоскости разработаны и внедрены в практику СГБР множество инициатив, проектов и программ (Белорусско-Российский университет, «Летний университет», Российско-белорусская школа интеграционного права, совместные магистерские программы (РУДН и БГУ и др.), гражданско-патриотическая кадетская смена учащихся Союзного государства «За честь Отчизны», Международный историко-культурологический проект «Цифровая звезда» и пр.); общественные объединения (общегосударственные, региональные, союзные) проявляют заметную активность в интеграционном поле, причем заявляя о себе не как об «исполнителях», но и инициаторах важных проектов союзного уровня (например, Российско-Белорусского молодежного бизнес-инкубатора);

(–) политическая поддержка концепта «единого народа» вызывает негативную реакцию в оппозиционной среде РБ; предлагаются противоречивые и расходящиеся трактовки в плоскости политики идентичности и исторической памяти (соотношение наследия ВКЛ и Российской империи, попытки продвижения «беларусизации» и пр.) — в большей степени данные константы проявляются в Белоруссии, хотя и в России деформации исторической политики (в частности, негативизация советского прошлого) также сказываются на ситуации в рамках СГБР в плане перспектив усиления конструкта «двойной» или «коммунитарной» идентичности); в культурно-гуманитарном взаимодействии РФ и РБ не применяется такой важный интеграционный инструмент, как союзные программы (некоторое исключение — концепция программы «Этнокультурный ландшафт белорусско-российского пограничья в начале XXI века»). Общественные объединения пока не осуществляют в полной мере агентские функции вследствие слабости собственной политической субъектности.

¹ Акцентируем вовлечение в единое образовательное пространство не только высших и средних специальных, но и общеобразовательных учреждений. См., например: Директора школ России и Беларуси объединились в ассоциацию [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/11/30/direktora-shkol-rossii-i-belarusi-obedinilis-v-associaciiu.html> (дата обращения: 30.11.2021).

2. Тесно корреспондирует с предыдущим следующий фактор — информационное сопровождение процессов союзного строительства:

(+) функционируют СМИ разного уровня, освещающие интеграционную тематику¹, их площадки, а также разнообразные группы / паблики соответствующей направленности в соцсетях²; к задачам СМИ отнесено, помимо прочего, формирование в общественном сознании понимания перспектив белорусско-российской интеграции³; ориентир на ближайшую перспективу — создание медиахолдинга Союзного государства и общего интернет-портала в рамках общего информационного пространства⁴;

(–) несмотря на декларирование важности информационной поддержки, реализация намеченных целей осуществляется недостаточно оперативно и эффективно: интернет-версии союзных СМИ, группы/паблики в ВК в поддержку Союзного государства имеют относительно небольшое количество подписчиков/участников: в частности, у «БелРос» — их на конец ноября 2021 г. — 3000, открытой группы «Союз. Беларусь—Россия» — 906; существуют фейковые группы, например, «Граница Беларусь—Россия» (<https://vk.com/granicabelarusrussia>), фактически оказывающая «услуги» по нелегальному пересечению границы⁵, причем с солидным количеством подписчиков — 9223; применяются «ограничительные» технологии и «черный пиар», направленные на продвижение «антисоюзного» контента, дискредитацию идеи интеграции: показательна в этом смысле деятельность «проевропейской» и «пронатовской» открытой группы «DNO ў Беларусі / DNO in Belarus», 581 участник (https://vk.com/by_in_europe2), на «стене» которой «беларусы» провозглашаются «литвинами», «европейским народом» и формулируется однозначно антиинтеграционная по отношению к РФ позиция («Мы супраць выкарыстання нашых земляў як буфернае дзяржавы Расеі. Мы супраць уступу Беларусі ў склад РФ. Супраць Адзінае дзяржавы з РФ»), примечательны не только написание названия группы, но и ее подзаголовки на польском языке — «Nie iđci napierad znaćуć iđci nazad» («Не идти наперерез — значит идти назад»); неслучайно союзные парламентарии настаивают на необходимости единой политики противостояния информационным угрозам, внесении соответствующих изменений в План мероприятий по созданию общего информационного про-

¹ Наиболее значимые из них — «Союз. Беларусь — Россия» (периодическое издание Совета Министров Союзного государства, еженедельное приложение к «Советской Белоруссии» и «Российской газете»), «Союзное вече» (газета Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, в РБ распространяется в качестве бесплатного приложения к «Народной газете», в РФ — выходит в составе ежедневной газеты «Комсомольская правда», также функционирует как сетевое СМИ), ежемесячный иллюстрированный общественно-политический журнал «Союзное государство», имеющие печатные и интернет-версии. Дополнительные сведения о СМИ Союзного государства, см.: Издания Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/projects/izdaniya-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 25.11.2021). Осуществляет вещание телеканал «БелРос», учредитель которого — Телерадиовещательная организация Союзного государства. Продвигается его мультимедийная платформа.

² Однако картина здесь противоречивая: например, расширенный поиск по сообществам в социальной сети «ВКонтакте» с запросом «Союзное государство» выдает 470 результатов. Исключение из этой подборки «лишних» сообществ, не отвечающих интеграционным целям и задачам, оставляет менее внушительную цифру — порядка 30, располагающих позитивным контентом.

³ Газета «Союз. Беларусь—Россия» [Электронный ресурс]. URL: https://belrus.ru/info/soyuz_belarus_rossiya/ (дата обращения: 25.11.2021).

⁴ Россия и Беларусь приступят к созданию совместного медиахолдинга [Электронный ресурс]. URL: <https://www.souzveche.ru/news/60406/> (дата обращения: 25.11.2021).

⁵ Некоторые такие группы уже заблокированы на территории РФ, например, Форум Граница Беларусь (<https://vk.com/blank.php?rkn=199326496>) — на основании решения суда / уполномоченного федерального органа исполнительной власти (Ленинский районный суд г. Ставрополя — Ставропольский край) от 25.05.2021.

странства Союзного государства на 2021–2025 годы¹. Союзные СМИ в целом не доминируют в информационном пространстве как Белоруссии, так и России; ощущаются недостаток публичности, открытости, транспарентности, рекламы преимуществ интеграции, неинформированность населения и широкой общественности о намеченных и реализуемых мероприятиях в формате СГБР. Как следствие, ослабляется востребованность интеграционного взаимодействия на уровне массового сознания.

3. Утверждение стратегических ориентиров развития интеграции в формате Союзного государства и концептуально-нормативных основ главных направлений интеграционного взаимодействия:

(+) приняты важные документы в данной области, детализирующие положения Договора о создании Союзного государства Беларуси и России 1999 г., в первую очередь следует вспомнить «Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014–2017 годы)» и «Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы», на смену которым пришли «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы», утвержденные 4 ноября 2021 г.; в качестве магистральных направлений союзного строительства (всего — 28) закрепляются сближение макроэкономической политики, формирование объединенного рынка газа, объединенных рынков нефти и нефтепродуктов, объединенного рынка электрической энергии, единой аграрной политики, единой промышленной политики, проведение согласованной политики в социально-трудовой сфере и др.²; проводится адаптация к изменяющимся обстоятельствам: новая редакция Военной доктрины Союзного государства, Концепция миграционной политики Союзного государства, Программа согласованных действий во внешней политике на 2022–2023 гг. и пр.; на текущем этапе на базе Концепции сближения законодательства государств-участников Союзного государства акцентированы необходимость гармонизации и унификации законодательства в рамках СГБР, возможность и целесообразность принятия Парламентским Собранием Союза Беларуси и России модельных законодательных актов³;

(–) несмотря в целом на многомерное понимание двусторонней интеграции, воплотившееся, например, в «Приоритетных направлениях... на 2018–2022 годы», в ходе дискуссии вокруг «перезапуска» российско-белорусской интеграции, пересмотра положений Договора 1999 г., в повестке и деятельности межправительственной рабочей группы по развитию интеграции, а также в пакете интеграционных решений от 4 ноября 2021 г. проявился заметный крен к «экономизации» стратегии интеграционного взаимодействия; не отрицая значимости экономической сферы, заметим, что вопросы внешней политики, обороны и безопасности по-прежнему мало имплементированы именно в интеграционное поле, особенно это

¹ Для Союзного государства главное — противостояние информационным угрозам [Электронный ресурс]. URL: <https://belrus.ru/info/dlya-soyuznogo-gosudarstva-glavnoe-protivostoyanie-informacionnym-ugrozam/> (дата обращения: 25.11.2021).

² Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: https://belarus.mid.ru/ru/press-centre/news/sovместное_zayavlenie_predsedatelya_pravitelstva_rossiyskoy_federatsii_i_premer_ministra_respubliki/ (дата обращения: 25.11.2021).

³ Об исполнении протокольного поручения, принятого на пятьдесят девятой сессии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России, о проработке вопроса о новых формах развития Союзного государства в части использования потенциала модельного законодательства и о повышении эффективности работы в парламентском измерении: Постановление Парламентского Собрания от 16.06.2021 № LX-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://belrus.ru/act/4587/> (дата обращения: 25.11.2021).

касается внешнеполитической сферы, где, по сути, применяются исключительно координационные механизмы, что уменьшает шансы на обретение Союзным государством действенной международной правосубъектности; СГБР серьезно опаздывает с достижением цели, поставленной Договором 1999 г., — созданием единой правовой системы; артикулируемые сейчас модельные законы — это далеко не те же самые законы и Основы законодательства Союзного государства, что предусматривались ст. 40 Договора¹. Отсутствие широкого публичного обсуждения и освещения тех решений, которые заявлены как прорывные для поступательного развития Союзного государства, может негативно сказаться на их общественной поддержке.

4. Во многом названные выше черты обусловлены политико-институциональным фактором:

(+) централизация внешнеполитического процесса и интеграционной политики в обеих странах-участницах может способствовать оперативному решению сложных вопросов, особенно в чрезвычайных ситуациях либо близких к таковым, «разблокированию» всего интеграционного процесса, что показали, например, события второй половины 2020 г. и 2021 г. в контексте белорусского кризиса и их итог — пакет решений от 4 ноября 2021 г.²;

(-) в то же время ряд проблем внутриполитического и интеграционного плана, тормозящих прогресс союзного строительства, порожден как раз влиянием особенностей политических систем и режимов РФ и РБ, что влечет за собой и активизацию протестной активности, и дискурса «суверенности», внося конъюнктурность в интеграционное взаимодействие; страдает существенными изъянами институциональная система СГБР, в которой сохраняются элементы Союза Беларуси и России и доминирование Высшего Государственного Совета; актуальными площадками по поиску приемлемых путей решения актуальных вопросов двустороннего взаимодействия становятся заседания Группы высокого уровня Совета Министров Союзного государства, а также самого Совета Министров, что, впрочем, подтверждает генерализованный тренд на преобладание глав государств и исполнительных органов в процессе формирования интеграционных решений; двойное значение имеет личностный фактор — взгляды на интеграцию политических лидеров РФ и РБ, их вклад в ее реальную поддержку, отношение к ним населения.

5. Общность/сходство экономических интересов, близость и взаимодополняемость национальных экономик России и Белоруссии:

(+) достигнута значительная степень унификации социально-экономических систем РБ и РФ, намечено дальнейшее движение на этом направлении: интеграционный пакет 2021 г. охватывает макроэкономическую, промышленную, аграрную политику и др.; речь идет о создании благоприятных условий для деловой активности, о выравнивании условий деятельности хозяйствующих субъектов двух стран; обращает на себя внимание употребление интеграционных категорий (единая политика, объединенный рынок и т. п.); РФ и РБ выступают друг для друга важными торгово-экономическими партнерами: РФ занимает 1-е место в общем объеме товарооборота РБ, РБ — 4-е в мире (в 1-м полугодии 2020 г. — 5-е место) и 1-е — среди стран СНГ для РФ³; констатируется возвращение торгово-экономического сотрудничества

¹ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 25.11.2021).

² Собственно, именно политический фактор — потребности политических элит к сохранению и укреплению властных позиций — во многом стимулировали сам проект Союзного государства в 1999 г.

³ Внешняя торговля России с Беларусью в 1 полугодии 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-belarusyu-v-1-polugodii-2021-g/> (дата обращения: 25.11.2021).

РФ и РБ на траекторию роста и превышение допандемийного уровня¹; среди организаций с долей иностранного капитала, действующих на территории РБ, лидируют организации с инвестициями из РФ — 2315, взаимозависимость интересов отмечается в области инвестиционной политики, кредитования и пр.²; повышается роль бизнес-структур, организаций, ориентированных на формирование и сопровождение бизнес-инициатив в союзном пространстве (РСПП, Российско-Белорусский деловой совет и др.); укрепляется промышленная кооперация (реализация петербургским предприятием «Биокад» и белорусской компанией «Нативита» инвестиционного проекта по строительству современного фармацевтического производства в Витебской области для организации выпуска биотехнологических продуктов и первых генерических лекарственных средств по «полному циклу» и др.)³, экономическая интеграция России и Белоруссии осуществляется не только в традиционных отраслях и секторах (нефтегазовой и металлургической промышленности, сельскохозяйственном производстве и пр.), но и в новых (IT-отрасли, фармацевтической промышленности и др.), что свидетельствует о качественных позитивных сдвигах; действующие союзные программы, их проекты и концепции во многом нацелены на создание высокотехнологической продукции, причем актуальной в разных сферах (социальной, безопасности и др.);

(-) очевидны диспропорции в развитии национальных экономик — внутренние и в разрезе межстранового соотношения в мировой экономике: РФ входит в десятку государств-лидеров по ВВП (ППС), РБ занимает в этом рейтинге 69-е место⁴, хотя другие данные показывают меньшие различия; с учетом обширных размеров России межрегиональное неравенство для нее более ощутимо, нежели для Белоруссии; доля РБ в общем объеме товарооборота РФ сравнительно невелика — чуть более 5%; не внушают большого оптимизма и иные количественные показатели: несмотря на рост товарооборота РФ и РБ в текущих цифрах 2021 г., прогнозируется замедление динамики по итогам года⁵, наблюдаемый рост в определенной степени обусловлен последствиями распространения новой коронавирусной инфекции, когда многие границы за пределами СГБР оказались закрытыми в том числе для товарных потоков и пр. Некоторые особенности российско-белорусского взаимодействия в кредитной, топливно-энергетической, инвестиционной сферах нередко интерпретируются как доказательства асимметричной зависимости РБ от РФ, что используется антиинтеграционными силами в обеих странах и побуждает белорусскую сторону к диверсификации связей. Кроме того, нахождение в общем интеграционном поле не отменяет острых споров по ряду принципиальных вопросов, включая поставки энергоносителей по льготным ценам, последствия «налогового маневра» РФ, «торговые войны» («сахарную», «молочную» и пр.).

6. Межрегиональное и трансграничное сотрудничество, разветвленные взаимосвязи российских и белорусских регионов:

¹ Пресс-конференция по итогам российско-белорусских переговоров [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66648> (дата обращения: 25.11.2021).

² Беларусь — Россия: торгово-экономическое сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/infographica/view/belarus-rossija-torgovo-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-24380/> (дата обращения: 25.11.2021); Как связаны экономики Беларуси и России. Что важно знать [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2020/5f3bcfd09a7947dbc3afb76b> (дата обращения: 25.11.2021).

³ Доклад ЕАБР (август 2020 г.). Основные тенденции интеграционного развития России в 2019 году // Центр интеграционных исследований [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/ad8/EABR_RF_07_2020_RU.pdf (дата обращения: 25.11.2021).

⁴ Report for Selected Countries and Subjects: October 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/October/> (дата обращения: 25.11.2021).

⁵ Рост товарооборота Беларуси и России в 2021 году составит не менее 10% [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/568/94447/> (дата обращения: 25.11.2021).

(+) межрегиональные связи могут трактоваться в рамках концепта «интегрирующей силы» с утилитарной (материальной) и с символической (идентификационной) позиций: взаимодействие российских и белорусских регионов имеет прагматичную основу, а также отсылает к историческим и духовным узам и скрепам, подпитывающим и поддерживающим интеграцию, что прослеживается в заключаемых регионами соглашениях, иных документах и в ходе различных форумов с участием регионов РФ и РБ — такими соглашениями охватываются не только торгово-экономическая и научно-техническая сферы, но и гуманитарная, и культурная¹; в целом в разнообразные связи широко вовлечены более 50 субъектов РФ — как приграничные, так и отдаленные географически²; обширное российско-белорусское приграничье рассматривается на современном этапе как пространство совместных проектов в разных сферах (экономической, экологической, молодежной и пр.): следует подчеркнуть, что достижение интеграционных успехов на данном (западном для России) векторе объективно служит и залогом геополитической стабилизации региона СНГ, и эффективного брендинга Союзного государства, а также решения внутренних задач регионального развития; в формате СГБР осуществляется процесс институционализации межрегионального и в меньшей степени — приграничного сотрудничества (ежегодный Форум регионов Беларуси и России, постоянно действующий семинар при Парламентском Собрании Союза Беларуси и России по вопросам строительства Союзного государства, совместные / двусторонние рабочие группы и др.);

(-) ощущается асимметричность межрегионального сотрудничества: всего 10 субъектов РФ дают 70% экспорта российских товаров и услуг в РБ (Санкт-Петербург, Москва, Московская область, Самарская область, Ленинградская область, республики Татарстан, Башкортостан и др.), притом приграничные регионы России им уступают (Брянская и Смоленская области в то же время входят в 10 крупнейших потребителей белорусских товаров³); отмечается несогласованность стратегий пространственной организации РФ и РБ (Концепция программы Союзного государства «Межгосударственной Схемы комплексной территориальной организации России и Беларуси»). Отсутствуют союзные программы, непосредственно предназначенные для приграничных территорий РФ и РБ, их комплексного развития, хотя отдельные программы, действующие на уровне СГБР, для них чрезвычайно актуальны (например, Программа совместной деятельности России и Беларуси в рамках Союзного государства по защите населения и реабилитации территорий, пострадавших в результате катастрофы на Чернобыльской АЭС (2019–2022)⁴).

7. Социально-психологический фактор, обретающий новое значение на фоне трансформирующейся социальной и политической ситуации в странах — участницах СГБР, межпоколенческой динамики, перспектив переосмысления взаимного восприятия и пр.:

¹ Бахлова О. В. Ценностные ориентиры и цели развития регионов Российской Федерации и Республики Беларусь как фактор интеграции в рамках Союзного государства // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. М., 2021. С. 918–921.

² Межрегиональное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://belarus.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/interregional-cooperation-of-russia-and-belarus/> (дата обращения: 25.11.2021); Региональное сотрудничество [Электронный ресурс]. URL: <http://www.embassybel.ru/belarus-russia-relations/regions/> (дата обращения: 25.11.2021).

³ Кузьмина Е. Региональное сотрудничество России и Белоруссии в рамках ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/regionalnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-belorussii-v-ramkakh-eaes/> (дата обращения: 25.11.2021).

⁴ Союзные программы и проекты [Электронный ресурс]. URL: <https://www.postkomsg.com/programs/> (дата обращения: 25.11.2021).

(+) учрежден институт союзного гражданства, артикулируется социальный аспект двусторонней интеграции, накапливается эффект извлекаемых благодаря ей населением обеих стран преимуществ, создаваемых инструментарием совокупности договоров, соглашений, концептуально-стратегических документов (Соглашение об обеспечении равных прав граждан РФ и РБ на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства и Договор о сотрудничестве в области социального обеспечения и межправительственного Соглашения о порядке оказания медицинской помощи гражданам РФ в учреждениях РБ и белорусским гражданам — в российских учреждениях здравоохранения от 24 января 2006 г., Концепция миграционной политики Союзного государства от 4 ноября 2021 г. и др.); на современном этапе одним из акцентов 28 союзных программ является проведение согласованной политики в социально-трудовой сфере¹; осязаемый позитивный социальный эффект достигается и в гуманитарном измерении (что касается научно-образовательного пространства и пр.), а также других взаимосвязанных сферах, включая совершенствование законодательной базы Союзного государства;

(-) вместе с тем позитивный эффект ослабляется издержками «возвращения границ» в эпоху пандемии (что в том числе образует питательную среду для роста фейковых сообществ в соцсетях, подрывает убежденность в складывании общего пространства и т. п.), а также отдельными решениями и действиями стран — участниц СГБР еще до пандемии (в отношении приграничной зоны); достаточно артикулированы в СМИ и общественном сознании проблема «издержек» и «бремени» российско-белорусской интеграции, стереотип «иждивенчества» Белоруссии; откладывается принятие новой Концепции социального развития Союзного государства; соглашения по социальным вопросам не всегда воплощаются в национальные нормативные правовые акты, национальные нормативные правовые акты часто не корреспондируются с белорусско-российскими договоренностями. Граждане РБ на территории РФ и граждане России на территории РБ по отдельным вопросам социальных прав и гарантий имеют статус иностранных граждан. Сохраняется проблема слабой информированности граждан².

Результаты ряда социологических исследований неоднозначны. Так, оценки специалистами индикаторов опросных данных Интеграционного барометра ЕАБР с 2012 г. по 2017 г. фиксируют трендовые различия между гражданами стран СНГ. В данной системе интеграционных координат жители РФ и РБ располагаются в пограничном положении между гражданами Армении и Молдовы (предпочтение западного, евроатлантического вектора) и стран Центральной Азии (положительное восприятие интеграции со странами СНГ) [7, с. 175].

Соцопрос, проведенный ВЦИОМ в сентябре 2020 г., дает основания для более оптимистичных представлений в ракурсе российско-белорусских отношений: преобладает позитивная либо нейтральная оценка. Дружественными их признали 23% респондентов, хорошими и добрососедскими — 20%, такая же доля считает их нормальными, спокойными. Одновременно тенденцию к ухудшению отметили 32% опрошенных (+10 п.п. с января 2019 г.), к улучшению — 8% (-6 п.п.). 43% респондентов считают, что Союзное государство как объединение двух стран не нужно, они выступают за добрососедские отношения с Белоруссией как с другим государством; каждый пятый высказался за объединение двух государств на равноправной основе

¹ Совместное заявление...

² *Бахлова О. В., Бахлов И. В.* Сотрудничество в области социальной политики в рамках Союзного государства Беларуси и России: политико-правовые основы и инструменты реализации // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы международной научно-практической конференции. Минск, 2019. С. 155.

(22%) или вхождение Белоруссии в состав России на правах одного или нескольких субъектов РФ (17%)¹. Примечательно, что и данные опроса либерального «Левада-центра» (август 2020 г.) показывают улучшение отношения к Белоруссии: 51% респондентов выразили его вариантом «В основном хорошо», 34% — «Очень хорошо». Варианты «В основном плохо» и «Очень плохо» выбрали лишь 6% и 2% опрошенных соответственно. Идеи об общем государстве россиян и белорусов находят отклик почти у четверти россиян: отвечая на вопрос о том, как должны строиться отношения с Белоруссией, 13% высказались за вхождение страны в состав РФ (+3 п.п. по сравнению с маем 2019 г.), а 11% — за углубление Союзного государства с единым лидером. За развитие экономических отношений выступили 41% опрошенных, 32% — за сохранение нынешних отношений. Белоруссия большинству респондентов видится наиболее близкой, дружественной страной из предложенного им списка стран (58%, что является наиболее высоким показателем с 2006 г., кроме 2019 г., — тогда было 62%)². Отчасти коррелируют с этими данными результаты социологического исследования «Беларусь: мнение о будущем» Института социологии Национальной академии наук РБ. Так, 41% опрошенных оценили нынешние отношения двух стран как дружественные, братские, 35,5% — как нормальные, спокойные; напряженными их сочли лишь 3,7%. Дальнейшая интеграция с Россией в рамках Союзного государства — в числе 5 социальных приоритетов населения республики (24,8%), значительно уступаая таким темам, как инициативы главы государства об оказании помощи многодетным семьям, жилищная политика, укрепление обороноспособности страны и обходя реформу пенсионной системы³.

В то же время социологи в обеих странах отмечают определенные уязвимости в данной области, утрату эмоциональной близости граждан России и Беларуси, особенно среди молодежи, у которой находит больший отклик дискурс «суверенности»⁴. Акцент на категории «суверенитет» прослеживается и в результатах названного опроса НАН РБ. На уровне самого СГБР также признаются сложности в понимании молодежью актуальности Союзного государства⁵. С другой стороны, молодежные общественные объединения РФ и РБ нередко проявляют даже большую активность в союзном поле, нежели их старшие «коллеги» [2, с. 460–461].

Обсуждение

Исследованные факторы позволяют определенным образом охарактеризовать состояние внутреннего измерения Союзного государства с точки зрения перспектив дальнейшего интеграционного взаимодействия РФ и РБ, его укрепления и углубления. Оно может быть истолковано лишь как относительно благоприятное и содержащее существенные рискованные элементы, причем обнаруживаемые как на верхнем уровне (властном, правительственном, элитном), так и условно низовом — уровне

¹ Белоруссия, Россия, Союзное государство [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/belorussiya-rossiya-coyuznoe-gosudarstvo> (дата обращения: 25.11.2021).

² Почти четверть граждан поддерживают идею объединения с Белоруссией [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/09/17/pochti-chetvert-grazhdan-podderzhivayut-ideyu-obedineniya-s-belorussiej/> (дата обращения: 25.11.2021).

³ Жители Беларуси оценили отношения с Россией [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/12/16/zhiteli-belarusi-ocenili-otnosheniia-s-rossiej.html> (дата обращения: 17.12.2021).

⁴ *Владимиров Е.* Игорь Задорин: У России и Беларуси должен быть единый внешнеполитический и информационный периметр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.postkomsg.com/culture/223386/> (дата обращения: 25.11.2021).

⁵ *Владимиров Е.* Три вектора Марии Воропаевой [Электронный ресурс]. URL: https://www.postkomsg.com/expert_opinion/223845/ (дата обращения: 25.11.2021).

населения стран — участниц СГБР. В частности, применительно к первому уровню в оценочной области со знаком «+» можно выделить заинтересованность правящих элит в поддержании достаточно тесных взаимоотношений интеграционного типа ввиду продолжающегося роста нестабильности, хотя его источники коренятся во многом и во внешнем измерении. Однако этот же «плюс» нередко превращается в «минус», когда побуждения властных элит тормозят интеграционный процесс. Обращаясь к другому уровню, заметим, что и здесь не наблюдается безоговорочной приверженности идее интеграции, осознания ее безальтернативности. Степень общественно-политической поддержки российско-белорусской интеграции довольно высока, но недостаточна для достижения действительно прорывных результатов, способных продвинуть Союзное государство хотя бы до обретения того статуса, что подразумевался положениями Договора 1999 г. Тем более, она недостаточна для обеспечения дееспособности и легитимности СГБР в представлении его граждан. Дискуссионные моменты коренятся и в области информационного и инструментального сопровождения союзного строительства, и в его институциональной матрице.

Заключение

Преодоление/минимизация негативных эффектов во внутреннем измерении Союзного государства в идеале коррелирует с обретением равновесности сфер и уровней интеграции, интересов элитных групп и населения — в масштабах отдельных стран-участниц и всего СГБР, рычагов и механизмов интегрирования, устранением внутренних диспропорций, совершенствованием государственного управления и политических систем. Более очевидными на практике видятся отдельные улучшения, которые следовало бы внедрить или артикулировать в процессе союзного строительства. Среди них — подлинная имплементация института союзного гражданства, особенно в условиях covid-ограничений, создание системы мер поощрения лояльности граждан идее интеграции через образовательные, культурные, экономические и прочие проекты, к разработке и реализации которых должны быть привлечены регионы и общественные объединения и которые должны быть легализованы не только на уровне приграничного или межрегионального сотрудничества, но и интеграционного взаимодействия. Кроме того, насущны массовые проинтеграционные общественные объединения, их активное позиционирование на различных площадках и платформах, продвижение союзных СМИ, популяризация идеи интеграции посредством национальных информационных ресурсов, расширенное привлечение российской и белорусской молодежи к совместным инициативам.

В целом Союзному государству Беларуси и России как интеграционному формату присущи сильные и слабые стороны, соотношение которых можно рассматривать как диалектически противоречивое. И те, и другие являются следствием совокупности разноплановых детерминант. На текущий момент в его рамках проявляется в большей степени центристский вектор. Допустимо рассуждать об открывшихся новых горизонтах интеграции благодаря, например, решениям, принятым осенью 2021 г. Их достоинствами выступают прежде всего нацеленность на социальную сферу, адаптированность к главным тенденциям развития ситуации, взаимоувязка направлений. Но этот вектор одновременно нельзя интерпретировать как линейный. В весомой степени тот же Декрет от 4 ноября и более поздние договоренности РФ и РБ в общем русле союзного строительства стали своего рода очередным компромиссом, ставшим достижимым и по большому счету необходимым после белорусского кризиса 2020 г. и на фоне чрезвычайно сложной международной обстановки.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. Астахова С. В. Белоруссия и Россия: 20 лет интеграции // Россия и новые государства Евразии. 2020. № 1 (46). С. 53–69.
2. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Общественные объединения в процессе российско-белорусской интеграции // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 3. С. 444–469.
3. Виттенберг Е. Я. Двадцать пять лет Сообществу России и Беларуси: итоги и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2021. № 3. С. 63–90.
4. Егоров А. В. К вопросу о формировании правовой системы Союзного государства Беларуси и России // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 6. С. 14–26.
5. Жавнерчик В. Конституционно-правовое развитие Союзного государства Беларуси и России // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 4 (10). С. 111–116.
6. Карабчук Т. С., Поплавская А. А. Анализ динамики отношения молодежи стран постсоветского блока к интеграционным процессам между странами // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149). С. 153–178.
7. Коктыш Г. И., Коктыш М. Г. Республика Беларусь в интеграционных процессах: социально-политические и экономические аспекты // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2020. № 19. С. 95–100.
8. Куракина С. И., Баршова О. А. К 20-летию создания Союзного государства России и Беларуси: итоги, проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 47. С. 137–159.
9. Можейко А. В. Новые пути экономической интеграции Союзного государства // Проблемы управления (Минск). 2019. № 1 (71). С. 51–54.
10. Слугина А. Н. Межрегиональное и трансграничное сотрудничество на пространстве Союзного государства Беларуси и России: проблемы и возможности // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 3. С. 423–443.
11. Союзное государство Беларуси и России: результаты для граждан и перспективы: аналитический доклад / отв. ред. В. В. Сутырин. М.; Минск, 2021.
12. Шурубович А. В. Союзное государство и актуальные проблемы российско-белорусской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6. № 3. С. 244–258.
13. Martynau A. Political Bargaining in the Union State of Russia and Belarus // *Contemporary European Studies*. 2013. Vol. 1. № 2. P. 27–44.
14. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship // *Journal of Belarusian Studies*. 2020. Vol. 9. № 1. P. 3–26.
15. Polglase-Korostelev G. The Union State: a changing relationship between Belarus and Russia // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. 2020. № 2. С. 38–46.

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; bahlov@mail.ru

References

1. Astakhova S.V. Belarus and Russia: 20 years of integration // *Russia and the New States of Eurasia* [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2020. N 1. P. 53–69. (In rus)
2. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Public associations in the process of Russian-Belarusian integration // *Ars Administrandi* [Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija)]. 2021. Vol. 13. N 3. P. 444–469. (In rus)
3. Vittenberg E.Ya. The Twenty-Fifth anniversary of the Community of Belarus and Russia. Achievements and outlooks // *RSUH/RGGU Bulletin. Eurasian Studies. History. Political Science*.

- International Relations Series [Vestnik RGGU. Serija: Evrazijskie issledovanija. Istorija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija]. 2021. N 3. P. 63–90. (In rus)
4. Egorov A. V. On the formation of the legal system of the Union State of Belarus and Russia // Journal of Russian Law [Zhurnal rossijskogo prava]. 2021. Vol. 25. N 6. P. 14–26. (In rus)
 5. Javnerchick V. Constitutional-legal Development of the Union State of Belarus and Russia // Scientific and Analytical Herald of IE RAS [Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN]. 2019. N 4 (10). P. 111–116. (In rus)
 6. Karabchuk T. S., Poplavskaya A. A. Analyzing the dynamics in the attitudes of youth in the post-Soviet countries towards CIS intergration processes // Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes [Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremenny]. 2019. N 1. P. 153–178. (In rus)
 7. Koktysh G. I., Koktysh M. G. The Republic of Belarus in integration processes: socio-political and economic aspects // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education [Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly]. 2020. N 19. P. 95–100. (In rus)
 8. Kurakina S. I., Barshova O. A. On the occasion of the 20th anniversary of the Union State of Russia and Belarus: results, problems and prospects // Perm University Herald. Juridical sciences [Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki]. 2020. N 47. P. 137–159. (In rus)
 9. Mozheyko A. V. New ways of economic integration of the Union State // Management Problems (Minsk) [Problemy upravlenija (Minsk)]. 2019. N 1 (71). P. 51–54. (In rus)
 10. Slugina A. N. Interregional and cross-border cooperation within the Union State of Belarus and Russia: problems and opportunities // Ars Administrandi [Ars Administrandi (Iskusstvo upravlenija)]. 2021. Vol. 13. N 3. P. 423–443. (In rus)
 11. The Union State of Belarus and Russia: results for citizens and prospects: analytical report [Sojuznoe gosudarstvo Belarusi i Rossii: rezul'taty dlja grazhdan i perspektivy: analiticheskij doklad] / ed. by V. V. Sutyryn. M.; Minsk, 2021. 56 p. (In rus)
 12. Shurubovich A. V. The Union State and actual problems of Russian-Belarusian integration // Problems of the post-Soviet space [Problemy postsovetskogo prostranstva]. 2019. Vol. 6. N 3. P. 244–258. (In rus)
 13. Martynau A. Political Bargaining in the Union State of Russia and Belarus // Contemporary European Studies. 2013. Vol. 1. N 2. P. 27–44.
 14. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship // Journal of Belarusian Studies. 2020. Vol. 9. N 1. P. 3–26.
 15. Polglase-Korostelev G. The Union State: a changing relationship between Belarus and Russia // Journal of the Belarusian State University. International relations [Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhdunarodnye otnoshenija]. 2020. N 2. P. 38–46.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Professor of the Department of General history, political science and area studies of National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Doctor of Science (Political Science), Associate Professor; olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov, Head of the Department of General history, political science and area studies of National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Doctor of Science (Political Science), Associate Professor; bahlov@mail.ru

Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке

Часть 1

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

В российских СМИ превалирует негативная тональность высказываний о пантюркизме и политике Турции на постсоветском пространстве, в частности, в регионе Центральной Азии. Действительно, пантюркизм является сильным фактором формирующейся государственности новых независимых государств региона. Вместе с тем, и это важно подчеркнуть, не единственным и далеко не определяющим. Его влияние проявилось главным образом в первой половине 1990-х годов. Все авторы отмечают роль Турции на начальном этапе суверенизации стран этого региона. Затем, прежде всего, по причине нехватки ресурсов ее влияние в Центральной Азии стало убывать. В регионе появились новые игроки, представлявшие интересы стран Запада и КНР. Российское экономическое, военное и политическое влияние тоже становилось все более устойчивым и весомым. Попытки Турции в XXI в. добиться новых успехов в продвижении своих интересов на основе ценностей тюркизма не привели к ожидаемым результатам. Экономические и военно-политические конкуренты продолжали опережать ее, и их успехи побуждали Анкару вносить изменения в курс проводимой политики. Она становилась все более реалистичной и прагматичной. По целому ряду причин в рамках первого десятилетия нового века турецкие верхи несколько охладели к пантюркизму. Одновременно элиты стран ЦА вошли во вкус государственного национализма и, культивируя собственные ценности, подчеркивали свой суверенитет и право на многовекторность внешней политики. Преодолевая зависимость от Москвы, они также демонстрировали свое нежелание следовать в фарватере интересов Анкары. В условиях деглобализации и фрагментации планетарного экономического пространства после мирового кризиса 2008–2009 гг. пантюркизм вновь становится важным фактором суверенного позиционирования тюркоязычных республик Центральной Азии. Вместе с тем он перестал выступать инструментом турецкой экспансии и сегодня представляет собой новое явление — «коллективный пантюркизм», свидетельствующий об общей заинтересованности и солидарных устремлениях своих участников. России, Китаю и другим внерегиональным акторам в дальнейшем придется считаться с этим обстоятельством.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ) / Тюркский совет, пантюркизм, Турция, тюркоязычные государства, Центральная Азия

Для цитирования: Шумилов М. М. Влияние пантюркизма на формирование политической идентичности тюркоязычных государств Центральной Азии в XXI веке (Часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 36–53.

The Influence of Pan-Turkism on the Political Identity Formation of the Turkic States of Central Asia in the XXI Century (Part 1)

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

ABSTRACT

The negative tone of statements about pan-Turkism and Turkey's policy in the post-Soviet space in the Central Asian region prevails in the Russian media. Indeed, pan-Turkism is a strong factor in the emerging statehood of the newly independent states of the region. At the same time, and it is important to emphasize this, it is not the only and far from defining one. His influence manifested itself mainly in the first half of the 1990s. All the authors note the role of Turkey at the initial stage of the sovereignty of the countries of this region. Then, first, due to lack of resources, its influence in Central Asia began to wane. New players appeared in the region, representing the interests of Western countries and China. Russian economic, military, and political influence also became more stable and weightier. Turkey's attempts in the XXI century to achieve new successes in promoting its interests based on the values of Turkism did not lead to the expected results. Economic and military-political competitors continued to outpace it, and their successes encouraged Ankara to make measurements during its policy. She became more and more realistic and pragmatic. For a few reasons, during the first decade of the new century, the Turkish upper classes somewhat cooled down to pan-Turkism. At the same time, the elites of the Central Asian countries got a taste of state nationalism and, cultivating their own values, emphasized their sovereignty and the right to a multi-vector foreign policy. Overcoming their dependence on Moscow, they also demonstrated their unwillingness to follow in the wake of Ankara's interests. In the conditions of De-globalization and fragmentation that began after the global crisis of 2008–2009 pan-Turkism is once again becoming an important factor in the sovereign positioning of the Turkic-speaking republics of Central Asia. At the same time, it has ceased to act as an instrument of Turkish expansion and today represents a new phenomenon — “collective pan-Turkism”, which testifies to the common interest and solidarity aspirations of its participants. Russia, China and other non-regional actors will have to reckon with this circumstance in the future.

Keywords: The Eurasian Economic Union (EAEU), The Cooperation Council of Turkic-Speaking States (Turkic Council), Pan-Turkism, Turkey, Turkic States, Central Asia

For citing: Shumilov M. M. The Influence of Pan-Turkism on the Political Identity Formation of the Turkic States of Central Asia in the XXI Century (P. 1) // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 36–53.

В начале 2021 г. турецкий государственный телеканал TRT1 представил модель расширения сферы геополитического влияния Анкары, подготовленную ранее американской компанией Stratfor. Согласно ей, к середине XXI в. турецкое влияние распространится на Грузию, Армению, Азербайджан, Грецию, самопровозглашенные республики Донбасса, а также на ряд территорий Казахстана, Узбекистана и Туркмении; в зоне турецкого геополитического влияния также окажутся Крым, Кубань, Калмыкия, Астраханская область и республики Северного Кавказа.

Данный прогноз вызвал эмоциональное обсуждение в российских СМИ. Так, заведующий кафедрой истории, права и гуманитарных дисциплин Северо-Кавказского института-филиала РАНХиГС Ф. М. Кулиев высказал озабоченность претензией Турецкой Республики (ТР) на роль лидера в сообществе тюркоязычных стран на основе возрожденной геополитической доктрины «нового османизма» и, что важнее, идеологии и практики пантюркизма¹. Напротив, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН А. В. Малашенко справедливо увидел в провокации образчик неразборчивой пропаганды: «Для турок это символ, что Турция великая держава, и великая она потому, что это 200 миллионов турок. И есть еще одно очень хитрое обстоятельство: у турок и Эрдогана — может, не так ярко, как 2–3 года назад — есть эти идеи паносманизма, что они когда-то были империей. И когда они глядят

¹ Турция интегрирует националистические устремления в свою политику — эксперт // EurAsiaDaily. 2021. 19 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/19/turciya-integriruet-nacionalisticheskie-ustremleniya-v-svoyu-politiku-ekspert> (дата обращения: 26.02.2022).

на Крым, Европу и Ближний Восток, вспоминают, что когда-то это было единое государство. Это чем-то напоминает наши разглагольствования о том, что мы наследники Советского Союза»¹.

Если в «паносманизме» видна пародия на былую мощь Османской империи, то с «пантюркизмом» — устойчивым направлением во внешней политике Турции, представляющим собой идейно-политическое течение, основанное на идее объединения тюркских народов под эгидой Турции и создания государства Великий Туран — дело обстоит сложнее. Его возрождение произошло в 1990-е гг. в результате сосредоточения геополитических устремлений Турции на постсоветских тюркских республиках [19, с. 19; 16, с. 3, 27; 8, с. 20; 21, с. 59–61].

Суть пантюркизма, по словам А. В. Малашенко, «состоит в том, что Турция выглядит как великая держава в качестве лидера тюркского мира. Основное внимание она сосредотачивает на Центральной Азии. Что касается государств, где турки составляют меньшинство, там активность Турции больше символическая. Это имеет место в Европе, в России, и в Крыму»². При этом, резонно полагает тюрколог В. А. Аватков, и турецкое правительство, и турецкие СМИ стремятся укрепить международные позиции своей страны «как центра, с одной стороны, исламского, с другой — тюркского мира»³. Развивая такой подход, политолог П. Э. Акопов отмечает продвижение Турцией своих интересов «в разных пропорциях (в зависимости от обстоятельств и времени)» путем смешивания пантюркизма, неоосманизма и панисламизма, то есть игры «на национальном, имперском и религиозном факторах»⁴.

Соглашаясь с правомерностью подобных суждений, все же отметим особую настойчивость и последовательность Турции в реализации идеологии пантюркизма, поскольку именно он в сравнении с неоосманизмом и панисламизмом действительно представляет для российской стороны проблему. Во-первых, пантюркизм все еще оказывает влияние на внешнеполитический курс ТР. Во-вторых, он по-прежнему является важной составляющей этнокультурной, или национальной идентичности новых независимых государств Центральной Азии (ЦА). В-третьих, историческое прошлое, общие культурные и религиозные ценности и сегодня выступают мощным фактором продолжающегося сближения тюркских государств и народов. В-четвертых, пантюркизм все время эволюционирует, и наши представления о нем требуют постоянной ревизии и коррекции. В-пятых, соотношение сил участников региональной политики продолжает изменяться. В-шестых, под влиянием многочисленных факторов происходят изменения в их внешней политике и политике безопасности. Следовательно, необходима выработка адекватного образа, как самого «пантюркизма», так и понимания его способности влиять на состояние безопасности России и ее союзников по Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), процессы евразийской интеграции, а также на формирование идентичности новых независимых государств на постсоветском пространстве.

¹ Гагарин Г. Имперская ностальгия. В России разгромили «прогноз влияния» Турции // Национальная служба новостей. 2021. 12 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://nsn.fm/in-the-world/vostokoved-otsenil-prognoz-vliyaniya-turtsii-v-rossii> (дата обращения: 26.02.2022). Население Турции — свыше 83.6 млн чел. (2020).

² Гагарин Г. Имперская ностальгия. В России разгромили «прогноз влияния» Турции.

³ Россия совершила в Карабахе невозможное, Турция хотела большего — интервью // EurAsiaDaily. 2021. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/02/18/rossiya-sovershila-v-karabahe-nevozmozhnoe-turciya-hotela-bolshego-intervyu> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Акопов П. Зачем Путин и Эрдоган нужны друг другу // РИА Новости. 2021. 30 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210930/putin-1752409723.html> (дата обращения: 26.02.2022).

Напомним, что после распада СССР страны ЦА оказались в сфере геополитической конкуренции России, Китая, США и ЕС, а также таких центров притяжения в мусульманском мире, как Иран, Саудовская Аравия и Турция. Начиная с 1991 г., Анкара развернула геополитическое наступление в ЦА и на Южном Кавказе, целью которого было создание институциональных основ «глобальной тюркской интеграции». На том основании, что турки, казахи, узбеки, киргизы, туркмены и другие — суть отдельные ветви большой турецкой этнической семьи, она стремилась объединить под своим началом в ЦА «братские» тюркоязычные страны — бывшие советские республики (Казахстан, Узбекистан, Киргизию, Туркмению) — на основе общей истории, культуры и национальных ценностей. В частности, Турция 16 декабря 1991 г. первой признала независимость Республики Узбекистан (РУ) и открыла в Ташкенте посольство¹. По словам корреспондента «Московского Комсомольца» Михаила Ростовцева, «в знак своей „братской любви“ Турция подарила всем послам стран ЦА по резиденции в Анкаре. Она также проявляла интерес к российским тюркоязычным субъектам, налаживала с ними связи под флагом «культурного обмена»².

Для всех стран ЦА Турция оказалась авторитетным политическим партнером-союзником. Одновременно она демонстрировала намерение стать их главным экономическим партнером. При этом наиболее активно и успешно взаимодействие тюркоязычных стран протекало в сфере культурного и языкового сотрудничества, где Турция продвигала идеи культурной близости и этнолингвистической идентичности, форсировала переход с кириллицы на латиницу, стремилась утвердить себя в качестве главного центра культурного и политического притяжения. По ее инициативе, ученые тюркских стран разработали общий для всех алфавит на основе латиницы³.

В 1991 г. в Казани была учреждена Ассамблея тюркских народов (АТН), в 1992 г. в Алма-Ате — Объединенная администрация тюркских искусств и языков⁴, а в 1993 г. в Анкаре — Международная организация тюркской культуры (TÜRKSOY), призванная обеспечить сотрудничество между тюркскими народами в интересах сохранения, развития и передачи будущим поколениям общих материальных и культурных памятников тюркских народов. В 1992 г. в Анкаре появилось Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (TİKA). Являясь подразделением департамента вице-президента страны, TİKA отвечает за организацию Турцией официальной помощи развивающимся странам с особым акцентом на тюркские страны и общины [23, с. 113, 118; 3, с. 137]. С 1992 г. результативным инструментом турецкой «мягкой силы» в регионе является телеканал TRT Avrasya.

Посредством сообщества Фетхуллы Гюлена, известного как «фетхуллаци», в структуру которого по-прежнему входит множество различных фондов, компаний, образовательных учреждений, печатных изданий, Турция направила своих эмиссаров — носителей умеренного исламизма и пантюркизма в бывшие советские республики. В новых школах они преподавали английский и турецкий языки, точные науки, а также догматы ислама [3, с. 140]. По сути, отмечает Геннадий Грановский из «Военно-

¹ Турецкие инвестиции в Узбекистан превысили 1 млрд долларов // Газета.uz. 2021. 30 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2012/10/30/tr/> (дата обращения: 26.02.2022).

² Ростовцев М. «Крым — это Турция»: зачем Эрдоган атакует Россию // Московский комсомолец. 2020. 17 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/10/17/krym-eto-turciya-zachem-erdogan-atakuet-rossiyu.html> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Тенчурин А. Эрдоган взялся за проект «Великий Туран» // MPSh.RU. 2020. 3 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://mpsh.ru/27265-jerdogan-vzjalsja-za-proekt-velikij-turan.html> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Исмагамбетов Т. Россия, Турция и тюркоязычный мир: тренды 2015–2016 гг. // CAAN. 2016. 17 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://caa-network.org/archives/7465> (дата обращения: 26.02.2022).

го обозрения», «то была „мягкая сила“ Турции, распространяющей свое влияние в соседний с ней регион» [17, с. 4–5]¹.

В конечном счете, после 1991 г. Турция добилась несомненных успехов в продвижении идей пантюркизма на постсоветском пространстве и реорганизации последнего по своим правилам. С 1992 до 2010 г. под ее эгидой проводились саммиты глав тюркоязычных стран (саммиты государств тюркских языков), где согласовывались и решались вопросы, представлявшие взаимный интерес. На девятой встрече², проходившей в Нахичевани (Азербайджан), 3 октября 2009 г. был образован Совет сотрудничества тюркоязычных государств (ССТГ, Тюркский совет) со штаб-квартирой в Стамбуле. Изначально в состав организации входили Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Турция.

Характеризуя региональную политику Турции в 1991–1994 гг., доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Московского госуниверситета П. В. Шлыков отмечал сочетание в ней элементов пантюркизма, с присущим ему зарядом экспансионизма, и тюркизма, который «выглядел более мягкой и мирной идеологией, ориентирующейся прежде всего на духовное и культурное единство тюрков и тюркского мира» [21, с. 61, 71, 72]. Многие турецкие исследователи, отрицая пантюркистскую направленность политики своей страны, квалифицировали ее как «выражение региональных притязаний и амбиций в сфере экономики, политики и культуры» [21, с. 61].

К середине 1990-х годов евразийский вектор внешней политики Турции изменился. В связи с этим П. В. Шлыков обоснованно утверждал, что в силу проявившейся ограниченности потенциала турецкого влияния на регион ЦА произошло «смещение акцентов в сторону экономики и энергетики — превращение турецкого евразийства в геозкономический концепт»; в политике Турции стал превалировать прагматизм, который также проявился в ее стремлении к сближению с Россией. После визита председателя Правительства РФ В. С. Черномырдина в Турцию в 1997 г. позитивное развитие двусторонних отношений приобрело инерцию и продолжилось в XXI в. Одновременно снижался накал геополитической конкуренции РФ и ТР в ЦА [21, с. 62–64, 66, 71, 72; 5, с. 21–25].

Фактически это мнение разделяет узбекский политолог Кудратилла Рафиков, по словам которого, «где-то с середины 1990-х годов, Анкара пришла к пониманию, что она не сможет стать ключевым игроком в ЦА». Ей пришлось «учитывать позиции держав, имеющих здесь давние интересы. Так, в Анкаре заметили, что в регионе в политическом и военном плане давно доминирует Россия, а в финансовом и торгово-экономическом — активно наращивает свое влияние соседний Китай, не говоря уже о присутствии США и Евросоюза, для соперничества с которыми в региональном масштабе у нее просто не хватит сил... именно на этом видении базируется нынешняя тактика турецкой стороны, которая по отношению к региону применяет сравнительно взвешенный, прагматичный и конструктивный подход»³.

¹ Образовательная империя Фетхуллага Гулена // KAZANALYTICS. Аналитический портал Ближний Восток и Центральная Азия. 2016. 19 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://kazanalytics.kz/образовательная-империя-фетхуллага/> (дата обращения: 26.02.2022).; Грановский Г. Братство по этнониму. На саммите в Баку Тюркский совет пополнился Узбекистаном // Военное обозрение. 2019. 21 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/163735-bratstvo-ro-jetnonimu-na-sammite-v-baku-tjurkskij-sovet-popolnija-uzbekistanom.html> (дата обращения: 26.02.2022).

² Всего было проведено 10 саммитов. Последующие именуются «саммитами Тюркского совета» или саммитами ССТГ. Их нумерация начинается с первого саммита ССТГ после встречи в Нахичевани.

³ Рафиков К. Быть ли Соединенным Штатам Евразии? Размышления узбекского политолога

Выводы диссертационного исследования А. В. Чеснокова тоже свидетельствуют о том, что уже к середине 1990-х годов в странах ЦА политические партии, разделявшие идеологию пантюркизма, были либо сильно ослаблены, либо разгромлены местными властями. Политические элиты тюркоязычных государств ЦА, не отвергая полностью пантюркизм, в реальной политике прагматично стремились к экономическому и культурному сближению. Кроме того, отказываясь вступать в союзнические отношения между собой на этнической основе, они сделали выбор в пользу развития национальных культур. При этом, отмечал автор, «растущий национализм выступал губительным фактором для пантюркизма, так как стремление к общетюркскому единению уступало место стремлению к возвеличиванию собственных наций и укреплению национальной государственности» [19, с. 17–21].

С приходом к власти в ТР в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) — умеренно исламской, консервативной партии — произошла диверсификация евразийской политики Турции. Она перешагнула региональный уровень ЦА и преимущественно сосредоточилась (особенно после событий «арабской весны») на проблематике Ближнего Востока и Африканского континента [21, с. 68–72]. Одновременно Р. Т. Эрдоган демонстрировал свой приоритет — добиться посредством переговоров вхождения Турции в состав Евросоюза. Более того, считает П. В. Шлыков, пытаясь вернуть в политику «политико-идеологические смыслы», Эрдоган вкладывал в них не пантюркистские идеи предыдущего периода, а «реминисценции „османского геополитического пространства“». При этом идеология не вытеснила геоэкономический прагматизм конца 1990-х гг. и нацеленность на максимизацию своих экономических интересов» [21, с. 72]. В результате отказа Турции от идеологии кемализма в пользу неосманизма и трансформации внешней политики в направлении повышения уровня своей субъектности в мировой политике [10, с. 3–28] произошло ослабление экспансионистской составляющей пантюркистского проекта. Поскольку, отмечал директор Центра исследований проблем Центральной Азии и Афганистана А. А. Казанцев, в этот период Турция стала уделять меньше внимания сотрудничеству со странами ЦА, «острота ее противостояния с Россией в ЦА существенно спала» [12, с. 305].

Вместе с тем Анкара не отказалась от политики дальнейшего сближения тюркоязычных стран. Поощряя их к участию в общих структурах, культивируя «ценности тюркизма», она содействовала не только усилению духовного единства тюрков и формированию у них чувства общей этнической идентичности, но и большей политической консолидации и институализации «тюркского мира». Несмотря на отдельные проявления пантюркистской направленности в целом идеологического экспансионизма с турецкой стороны поубавилось. Турецким властям, отмечал В. А. Аватков, приходилось считаться «с нежеланием тюркских народов бывшего СССР быть младшими братьями, но и с теми широкими связями, которые существуют у среднеазиатских и кавказских республик с Россией» [3, с. 139].

Соглашаясь с тем, что нехватка ресурсов помешала Турции реализовать в ЦА свои амбиционные планы, включая создание общего рынка и принятие турецкой лиры в качестве общей официальной валюты, тем не менее, глава Национальной разведывательной организации (с мая 2010 г.) Турции Хакан Фидан указывал на медленное изживание в общественном сознании своей страны пантюркистского стереотипа о том, что все тюркские народы говорят на разных диалектах турецкого языка и, следовательно, являются этническими турками. Вплоть до середины

га о региональной интеграции // Коммерсант. 2021. 9 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4663087> (дата обращения: 26.02.2022).

2000-х годов, по его словам, термины «казахские турки» и «узбекские турки» использовались в научных и официальных публикациях, а языковой и этнический факторы определяли специфику ее внешнеполитического дискурса. В связи с этим автор настаивал на полном отказе турецкой внешней политики от «этнических коннотаций» и призывал к сотрудничеству со странами региона на рациональной основе «функционалистских подходов» путем активизации технического, экономического и культурного сотрудничества [23, с. 116, 117, 121].

В условиях становления многополярного мира после кризиса 2008–2009 гг., а также в связи с осознанием Турцией невозможности стать полноправным членом Евросоюза [20, с. 53–65] ее внешняя политика в ЦА демонстрировала еще большую уступчивость и готовность к коллективному взаимодействию. Турецкие политологи М. Э. Чаман и М. А. Акюрт признавали необходимость перехода Турции к новой культурной политике, которая не навязывала бы тюркским народам «строгую идентичность», а воспринимала их такими, какие они есть. Они также предлагали интегрировать Россию в этот процесс, например, путем поощрения изучения русского языка, межвузовских отношений и программ обмена студентами на уровне среднего образования [24, с. 60].

В дальнейшем МИД ТР стал определять официальные внешнеполитические приоритеты в ЦА в парадигме политического реализма:

- содействие стабильному развитию и демократизации путем развития двусторонних и многосторонних отношений, несмотря на разворот политического вектора развития ТР в последние годы «в сторону утверждения авторитарной формы правления» [15, с. 47];
- повышение эффективности деятельности многосторонних форматов (ССТГ, ТЮРКСОЙ, ТИКА и др.);
- расширение сотрудничества со странами региона через такие механизмы, как экономические комиссии и советы по стратегическому сотрудничеству высокого уровня;
- содействие экономическому развитию стран региона путем привлечения инвестиций, участия в реализации экономических проектов и активизации взаимной торговли [25, с. 85].¹

Отмечая изменения в политике Турции, пакистанский политолог Зишан Фида констатировал, что в последние годы Турция стремилась выстраивать отношения со странами региона на прагматичном подходе, а не на идеях пантюркизма. В политическом плане Анкара придерживалась принципа нейтралитета. Одновременно она расширяла торговлю и активизировала свое участие в различных экономических проектах в области строительства, транспорта и гостиничного бизнеса. В культурной сфере Турция сделала выбор в пользу взаимодействия и больше не стремилась навязать свои культурные ценности тюркоязычным партнерам [22, с. 123].

Ответственным шагом в совместной политике тюркоязычных стран стало оформление в 2008 г. Парламентской Ассамблеи тюркоязычных стран (TÜRKPA), нацеленной на формирование механизма межпарламентских отношений между тюркоязычными странами, сближение их политических позиций, обмен информацией, пропаганду тюркской культуры, расширение экономических связей, реализацию совместных проектов, поиск решений общих проблем тюркского мира. Еще одним проявлением отказа Турции от гегемонии в отношениях с тюркоязычными партнерами стало открытие 25 мая 2010 г. в Астане Тюркской академии, получившей в 2014 г. международный статус. Сегодня «Международная Тюркская академия»

¹ Отношения Турции с республиками Центральной Азии // МИД ТР [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkey_s-relations-with-central-asian-republics.en.mfa (дата обращения: 26.02.2022).

занимается развитием научной и образовательной деятельности научных ассоциаций тюркских народов, а также координацией и содействием научным исследованиям об истории тюркского мира.

Согласно экспертной оценке С. А. Васильевой, одной из главных причин провала изначальной политики Анкары на постсоветском пространстве «стало нежелание новых независимых государств отказываться от только что приобретенного суверенитета и переходить из-под опеки одного „старшего брата“ (России) к другому (Турции)» [7, с. 77]. Аналогичные выводы содержатся в диссертационном исследовании Ф. Л. Гумарова, который отмечал в турецкой центральноазиатской политике XXI в. преодоление «чрезмерной амбициозности» и проявлений пантюркизма, характерных для 1990-х годов в интересах укрепления отношений со странами региона на основе «прагматизма и добрососедства», сближения с Россией и ЕАЭС [9, с. 12]. Фактически произошел отказ Турции от пропаганды своего регионального лидерства в пользу прагматичной стратегии, поскольку, как справедливо утверждает З. Фида, любая гегемонистская политика в ЦА обречена на провал, во-первых, по причине ее неприятия государствами региона, и, во-вторых, из-за позиции России, не приемлющей доминирования в ЦА какой-либо вне региональной державы [22, с. 122].

Действительно, в XXI в. центральноазиатские партнеры Турции все чаще примеряли на себя роль равноправных участников «пантюркистского» процесса. В частности, К. Рафиков называл безосновательными подозрения о том, что переход государств ЦА на латинский алфавит был навязан им турецкой стороной. Подчеркивая суверенитет РУ в вопросах внешней политики, он утверждал, что в его стране избегали говорить о «Великом Туране» и уж тем более не мечтали о «турецком старшем брате». Вместе с тем, признавая определенную обоснованность опасений РФ по поводу устремлений Анкары к созданию геополитических конфигураций в составе исключительно тюркских государств, этот автор обвинял российские СМИ в злонамеренном муссировании вопроса о «пантюркизме» и «Великом Туране» якобы с целью поссорить Ташкент со своим естественным союзником в лице Анкары¹.

Безусловно, эта позиция стран ЦА сказалась на результатах региональной политики Турции. Известно, что наибольших успехов в этом отношении Турция добилась на пути сближения с Азербайджаном. В других случаях ее достижения в экономической, политической и культурной экспансии были не так очевидны. Прежде всего, по причине изоляционистских настроений в Узбекистане и Туркмении. Еще в 2013 г. турецкий политолог Керим Хас отмечал, что «без серьезных изменений внешнеполитического курса» этих стран не было возможности создать «эффективное политическое объединение между Турцией и странами ЦА» [17, с. 6]. Спустя годы об этом же говорил обозреватель иранского издания Javan Сейид Ниматулла Абдрахим-заде. Он констатировал, что влияние Анкары в ЦА распространилось, главным образом, на Республику Казахстан (РК) и Киргизскую Республику (КР). С Узбекистаном и Туркменистаном этого не произошло, так как Ташкент «сам претендовал на роль лидера региона и потому был не слишком доволен „чрезмерным покровительством“ Анкары, поскольку рассматривал ее в качестве конкурента», а Ашхабад в основу своей внешней политики положил принципы нейтралитета и неприсоединения².

Определенную альтернативу объединению тюркских государств представляют проекты регионального взаимодействия на более широкой основе. Так, Москва

¹ Рафиков К. Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

² Абдрахим-заде С. Н. Москва опасается неоосманизма Анкары // Javan, Иран. 2021. 26 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210726/250188549.html> (дата обращения: 26.02.2022).

намерена развивать сотрудничество с регионом ЦА в формате «ЦА + 1». На этой платформе 15 октября 2020 г. впервые прошло совещание глав МИДов России и пяти государств региона¹. Комментируя данное событие, заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при президенте Казахстана Санат Кушкумбаев называл формат «ЦА + 1» продуктивным, поскольку к тому времени был накоплен опыт взаимодействия на этой основе стран региона с Японией, Южной Кореей, КНР и США². В декабре 2021 г. Бишкек предложил сформировать платформу для кооперативного взаимодействия между пятью странами Центральной Азии и тремя странами Южного Кавказа в трех сферах: политико-дипломатической, экономической и культурно-гуманитарной. К настоящему времени инициатива Киргизии по платформе «5 + 3» получила поддержку со стороны Азербайджана³.

Следует сказать и о том, что не все результаты «пантюкистской деятельности» в ЦА получили одобрение нынешнего руководства ТР. Определенные сомнения в правильности образовательной и культурной политики проявились еще на рубеже веков в связи с отъездом Фетхуллага Гулена в США в марте 1999 г. В октябре следующего года он оказался фигурантом заочного судебного разбирательства и ему грозило до 10 лет тюремного заключения за посягательство на основы конституционного строя Турции. В обвинительном заключении приводились факты о намерении Гулена «при участии хорошо подготовленных и обученных в принадлежащих ему школах, интернатах и на курсах кадров... отвергнуть принципы Ата-тюрка и ликвидировать светскую республику, чтобы создать государство, опирающееся на шариат». Особо отмечались попытки проникновения сторонников Гулена в турецкие вооруженные силы, органы безопасности, государственного управления и образования⁴. Спустя годы, в ночь с 15 на 16 июля 2016 г., в Турции группа военных совершила попытку военного переворота. Утром 16 июля мятежники начали сдаваться. Власти Турции заявили, что попытка путча провалилась, и обвинили в организации мятежа оппозиционного исламского проповедника Ф. Гулена, проживавшего в США.

В Турции не оставили без внимания, что в результате деятельности прогюленовских педагогов в элиты республик ЦА проникло множество его сторонников, и это противоречило интересам Анкары. Так, в РК выпускники турецких школ успешно работали практически во всех государственных структурах. Летом 2016 г. посол Турции в КР Метин Кылыч насчитал в стране пребывания порядка 3000 сторонников Гулена, занимавших государственные, административные и общественные должности. Не случайно, бывший в то время президентом Кыргызстана Алмазбек Атамбаев (2011–2017) отказался осудить Гулена, как организатора переворота, чем вызвал сильное раздражение у Р.Т. Эрдогана⁵. Действующий президент страны

¹ Рафиков К. Быть ли Соединенным Штатам Евразии?

² Кушкумбаев С. Военный договор России и Казахстана стал ответом на новые угрозы — замдиректора КИСИ // «Евразия. Эксперт». 2020. 25 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/voennyu-dogovor-rossii-i-kazakhstan-stal-otvetom-na-novye-ugrozy/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Странам Средней Азии и Закавказья предложили встретиться без России // Лента.ру. 2021. 21 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/21/5and3/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Образовательная империя Фетхуллага Гулена. Через восемь лет дело закрыли в связи с отсутствием состава преступления.

⁵ Образовательная империя Фетхуллага Гулена; Тусупбеков А. Кыргызско-турецкий дипломатический скандал: Кыргызстан между гюленистами и Эрдоганом // ИАЦ. 2019. 30 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/alibek-tusupbekov/kyrgyzsko-turetskiy-diplomaticheskij-skandal-kyrgyzstan-mezhdu-gyulenistami-i-erdoganom/> (дата обращения: 26.02.2022).

Садыр Жапаров исправил ситуацию во время официального трехдневного визита в Турцию, который завершился 11 июня 2021 г. По итогам его переговоров с турецким лидером было принято совместное заявление с признанием, что организация общественного деятеля Ф. Гюлена «Хизмет» (FETO) представляла угрозу обеим странам¹.

Отмечая результативность киргизско-турецкого гуманитарного сотрудничества, председатель кабинета министров КР Улукбек Марипов 10 сентября 2021 г. заявил о том, что за годы независимости под эгидой ТИКА более 10 тыс. киргизских студентов прошли обучение в турецких университетах. Более того, по его словам, со второй половины 1990-х годов тысячи граждан КР «получили качественное образование в Кыргызско-Турецком университете „Манас“ [14], в одном из ведущих университетов страны». Вместе с тем он даже не упомянул о деятельности лицеев «Сапат» (ранее «Себат») и других учебных заведений, появившихся благодаря соратникам Ф. Гюлена, зато поставил в заслугу правительству С. Жапарова открытие в Бишкеке образовательного комплекса турецкого государственного фонда «Маариф», представляющего собой альтернативу организации «Хизмет»².

По заключению руководителя отдела Казахстана и Средней Азии Института стран СНГ А. В. Грозина, региональные элиты первого и второго эшелонов не собирались отказываться от пророссийской ориентации. Для основной массы населения пантюркистские устремления были не очень понятны, да и строить Великий Туран никто не собирался: «Никто не хочет становиться младшим братом Анкары, которая вместо денег говорит о единстве культуры и рассказывает про Османскую империю»³. Такого же мнения придерживается и азербайджанский политолог Ильгар Велизаде, который, отмечая самодостаточность тюркских стран, подчеркивает их стремление к «равным и партнерским отношениям». Понимая это, Турция больше не стремится «быть лидером тюркского мира»⁴. В свою очередь, руководитель Центра европейских и американских исследований Международного научного комплекса «Астана» М. Т. Лаумулин отмечает, что во внешней политике руководство Турции стало отказываться от проводимой ранее «риторики о протекторате мусульманского населения в различных регионах мира и политики „неосманизма“». Очевидным становится его курс «на углубление связей с евразийскими странами»⁵.

На первый взгляд, к концу 2010-х годов культурный фактор пантюркизма, «подмяв» под себя политический, во многом стал определять политику Турции в ЦА [16, с. 7, 8, 16], выступать «идеологической основой» для продвижения турецких интересов в сфере культуры и усиления через это геополитического влияния и международного статуса Анкары [6, с. 68]. Следует согласиться с В. А. Аватковым в том, что, делая ставку на применение «мягкой силы», Турция и сегодня продолжает

¹ Панфилова В. Анкара становится для Бишкека альтернативой Москве // Независимая газета. 2021. 10 июня // https://www.ng.ru/cis/2021-06-10/5_8171_kyrgyzstan.html (дата обращения: 26.02.2022).

² Сулайманова М. 10-е заседание Межправкомиссии КР и Турции прошло успешно — Марипов // Кабар. 2021. 10 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://kabar.kg/news/10-e-zasedanie-mezhpravkomissii-kr-i-turtcii-proshlo-uspeshno-maripov/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Аксенов С. Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»? // Свободная пресса. 2021. 30 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/politic/article/308399/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Гусейнов А. Возможен ли переход от Тюркского совета к Тюркскому союзу? Взгляд из Баку // EurAsiaDaily. 2021. 24 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/24/vozmozhen-li-perehod-ot-tyurkskogo-soveta-k-tyurkskomu-soyuzu-vzglyad-iz-baku> (дата обращения: 26.02.2022).

⁵ Лаумулин М. Т. Место и роль Турции в современном мире // Международный научный комплекс «Астана». 2019. 15 сентября [Электронный ресурс]. URL: <http://isca.kz/ru/analytics-ru/3478> (дата обращения: 26.02.2022).

инвестировать в культуру, образование, науку, религию, медицину, спорт тюркоязычных государств. При этом она действует через туркоцентричные интеграционные платформы, объединяющие государственные и частные структуры, уделяя первоочередное внимание работе с молодежью и рассчитывая на приход во власть возвращенных таким образом протурецких симпатизантов [2, с. 168–173].

Отмечая силу культурно-языкового влияния Турции в ЦА, руководитель сектора ЦА Центра постсоветских исследований ИМЭМО РАН Д. Б. Малышева вместе с тем отмечает, что оно в немалой степени определялось «государственной политикой» правящих элит стран ЦА, которые в своем стремлении дистанцироваться от России оказывали поддержку турецким инициативам [15, с. 48]. Одновременно, как нам представляется, имело место принципиальное изменение в содержании общего «тюркского дела». Оно все больше определялось не задачами турецкого регионального экспансионизма, а интересами самих стран ЦА, которые постепенно приходили к пониманию необходимости солидарных усилий тюркских народов во имя общей цели. Сегодня пантюркизм все чаще ассоциируется с коллективным творчеством тюркских народов, соучаствующих в формировании позитивных образов общей истории, этногенеза, развития языка, достижений материальной и духовной культуры.

Признавая серьезные успехи стран региона ЦА и Турции в развитии общей культуры, важно отметить, что политическая составляющая их совместной деятельности проявилась не менее отчетливо. Речь идет о принципиально новом пантюркизме, который все чаще проявляется в общих и солидарных политических устремлениях тюркоязычных государств. Исходя из национальных интересов, они стремятся укрепить свои позиции в региональной и мировой политике посредством выработки общих взаимовыгодных правовых и институциональных механизмов и форматов сотрудничества. Подтверждением основательности такого утверждения служит вовлечение Узбекистана и даже Туркмении в процесс строительства общего тюркского дома. В этой связи возникает необходимость внесения изменений в саму трактовку пантюркизма, который, по сути, становится олицетворением не столько турецкой, сколько общей политики тюркоязычных стран.

Справедливо отмечая постепенное снижение региональной роли Анкары с середины 1990-х годов, Керим Хас вместе с тем почему-то решил, что в 2000-е годы она отказалась от идеи «тюркского мира» из-за ее неосуществимости и перешла к решению практических вопросов двусторонних и многосторонних отношений со странами региона [18, с. 14–15, 20, 21]. Однако это положение противоречит современной политической практике со стороны как Турции, так и стран ЦА, озабоченных поиском жизнеспособных форм и механизмов сближения тюркоязычных стран.

Во-первых, Турция все еще привержена идее своего лидерства в «тюркском мире». Более того, В. А. Аватков утверждает, что с избранием Р. Т. Эрдогана президентом Турции в 2014 г. «в официальном политическом дискурсе стало укрепляться словосочетание „тюркский мир“, в рамках которого Турция рассматривалась и продолжает рассматриваться в качестве лидера и идейного вдохновителя общетюркских инициатив и институтов. При этом в текущий период времени мысли о „тюркском мире“ — особой туркоцентричной подсистеме международных отношений — звучат не только от вышестоящих властных элит, но и распространяются на региональном уровне» [1, с. 546–547]. Находя такой образ Турции не в полной мере соответствующим реальности, вместе с тем следует признать, что этой стране все еще удастся посредством культурной политики обеспечивать себе определенные политические преимущества в процессе политической интеграции тюркоязычных стран. И в этом смысле исторический пантюркизм, хотя и сильно обветшалый, по-прежнему выступает фактором реальной политической жизни.

Во-вторых, выразителем общих настроений и политическим организатором тюркоязычных стран ЦА после 2009 г. выступал Тюркский совет, отвечавший за раз-

вие всестороннего сотрудничества своих членов, от согласования позиций по различным вопросам международной жизни и обеспечения региональной безопасности до разработки образовательных и культурных программ, а также укрепления экономического сотрудничества. При этом важно подчеркнуть, что идеологической основой деятельности ССТГ в последние годы был не исторический пантюркизм и даже не пантюркизм, «значительно переработанный соратником Эрдогана Ахмедом Давутоглу», как это представляет историк А. Ю. Чернов¹, а новый «коллективный пантюркизм».

В результате совместных усилий Казахстана, Азербайджана, Киргизии и Турции в мае 2019 г. появилась Тюркская торгово-промышленная палата — инструмент в руках ССТГ, призванный активизировать региональную торговлю. В том же году полноправным членом Тюркского совета стал Узбекистан. В апреле 2020 г. состоялся его внеочередной саммит, на котором президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев сравнил ССТГ с полноценной многосторонней платформой, укрепляющей благодаря совместным усилиям свой международный авторитет и влияние².

В полной мере «коллективный пантюркизм» проявился на неофициальном саммите Тюркского совета в марте 2021 г., участники которого одобрили его преобразование из неформального объединения в полноценную организацию — «Союз тюркских государств». В своем выступлении на встрече К.-Ж. Токаев призвал к модернизации тюркской цивилизации и созданию общего культурно-просветительского пространства. Обращаясь ко всем присутствующим, экс-глава РК Нурсултан Назарбаев заявил: «...мы можем многому научиться друг у друга. Использование латинского алфавита дает нам общую систему, благодаря которой мы получаем возможность содействовать развитию нашей молодежи на глобальном уровне. Нам важно развиваться сообща». Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев и вовсе объявил о новом этапе в истории тюркских народов, их готовности сообща преодолевать невзгоды и двигаться по пути политической интеграции³.

Участники встречи объявили город Туркестан одной из духовных столиц «тюркского мира» и достигли договоренности о присвоении в будущем такого же статуса другим историческим городам. В принятой декларации подчеркивалась важность экономических условий для того, чтобы у Тюркского совета появились возможности для постановки более амбициозных и достижимых целей, реализации стратегически важных региональных проектов в том числе в сферах транспорта, таможни, энергетики, инфраструктуры и эффективного их претворения в жизнь. 12 ноября 2021 г. ССТГ был преобразован в Организацию Тюркских государств (ОТГ). Туркменистан вошел в ее состав на правах страны наблюдателя. Состоялись решения о завершении учреждения Тюркского инвестиционного фонда ОТГ и «Видения Тюркского мира-2040».

Следовательно, политико-идеологическая составляющая продолжающегося сбли-

¹ Чернов А. Ю. Новый проект пантюркизма: провал или модернизация? // ИАЦ. 2020. 18 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-chernov/novyy-proekt-pantjurkizma-proval-ili-modernizatsiya/> (дата обращения: 26.02.2022).

² Токаев принял участие во внеочередном заседании Совета сотрудничества тюркоязычных государств // NUR.KZ. 2020. 10 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nur.kz/politics/kazakhstan/1850141-tokaev-prinal-ucastie-vo-vneocerednom-zasedanii-soveta-sotrudnichestva-turkoazysnyh-gosudarstv/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Елбасы высказался о важности латиницы для тюркоязычных государств // BaigeNews. 2021. 31 марта [Электронный ресурс]. URL: https://baigenews.kz/news/elbasy_vyskazalsya_o_vazhnosti_latinitsey_dlya_tyurkoyazychnykh_gosudarstv/ (дата обращения: 26.02.2022); Кулагин В. «Великие тюрки»: как Турция объединяет Среднюю Азию // Газета.ru. 2021. 1 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/04/01_a_13543670.shtml (дата обращения: 26.02.2022).

жения тюркоязычных стран не растворилась в культурно-образовательной среде. В то же время в ней мало что напоминало о нетерпимости, напористости и цепкой хватке прежней турецкой политики. Политический проект пантюркизма перестал быть исключительно турецким делом и превратился в «коллективный пантюркизм».

Сегодня его олицетворением служит ОТГ, в которой Турция не занимает выраженной лидерской позиции. Более того, сама Организация не является турецким проектом. Ошибкой было бы видеть в ней какой-то «новый этап турецкой экспансии и попытку перехода в субрегиональные державы»¹. ОТГ представляет собой совместное детище тюркоязычных стран, и, возможно, ей уготовлена роль связующего звена в евразийской интеграции и даже инструмента вовлечения Турции в ЕАЭС. Генеральный секретарь ОТГ Багдад Амреев признает, что ему ничего не известно о вмешательстве узбеков, казахов или турок во «внутренние дела других тюркских государств. Здесь нет попыток распространения своего влияния, навязывания своих ценностей, преследования своих корыстных интересов под каким-либо предлогом... В ОТГ полностью отсутствует гегемония той или иной страны, претензии друг к другу и намерений вмешиваться во внутренние дела друг друга. Наоборот, суверенитет каждого государства неоспорим и свят для всех стран Организации»².

Если и приходится говорить о конфликте интересов внутри ОТГ, то в фокусе обсуждения СМИ чаще других оказываются две страны ЦА — Казахстан и Узбекистан. Несмотря на подписанную между ними в Нур-Султане 6 декабря 2021 г. Декларацию о союзнических отношениях³, Нур-Султан и Ташкент, скорее всего, продолжают привлекать внимание аналитиков, как потенциальные конкуренты по широкому кругу вопросов региональной повестки⁴. Впрочем, в экспертном сообществе преобладают суждения, исключающие перспективу соперничества этих стран за региональное лидерство⁵. В любом случае, в деятельности ОТГ появилось деликатное и хлопотное направление.

¹ Стрельцов С. Анкара готовится объявить о создании «Союза тюркских государств» // Комсомольская правда. 2021. 29 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/28323.5/4466687> (дата обращения: 26.02.2022).

² Багдад Амреев: «Все тюркские страны впервые объединились в рамках одной организации» // Кабар. 2021. 2 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://kabar.kg/news/bagdad-amreev-vse-tiurkskie-strany-vpervye-ob-edinilis-v-ramkakh-odnoi-organizatsii/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Зорлу К. Важнейшее соглашение о союзничестве у подножия гор Тянь-Шаня... // Habertürk, Турция. 2021. 8 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20211208/251080499.html> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Эксперт: Казахстан намерен не допустить Узбекистан к лидерству в регионе // ИА REGNUM. 2021. 8 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3445588.html> (дата обращения: 26.02.2022); Сокирко В. Танки и истребители Шойгу помогут Назарбаеву в споре с узбеками за лидерство в Средней Азии // Свободная пресса. 2021. 23 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://svpressa.ru/war21/article/320089/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁵ Соперничество Астаны и Ташкента — миф, выгодный Западу и России // ForbesKazakhstan. 2015. 5 сентября [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/finances/integration/sopernichestvo_astanyi_i_tashkenta_za_liderstvo_v_tsa_mif_vyigodnyiy_zapadu_i_rossii (дата обращения: 26.02.2022); Гвалия С. «Никакого братства народов нет» — эксперты порассуждали о конкуренции между Казахстаном и Узбекистаном // Караван: медиапортал. 2018. 22 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caravan.kz/news/nikakogo-bratstva-narodov-net-ehksperty-porassuzhdali-o-konkurencii-mezhdu-kazakhstanom-i-uzbekistanom-490622/> (дата обращения: 26.02.2022); Борисов Д. Ташкент и Нур-Султан — конкуренты ли в Центральной Азии? // ИАЦ. 2021. 5 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://ia-centr.ru/experts/denis-borisov-/tashkent-i-nur-sultan-konkurenty-li-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 26.02.2022); Арешев А. Узбекистан — Казахстан: на пути к Союзному государству? // Военно-политическая аналитика. 2021. 19 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://cont.ws/@vpoanalytics/2162537> (дата обращения: 26.02.2022).

В свете изложенного вызывает вопросы концепция «неопантюркизма», недавно изложенная в обобщающей статье В. А. Аваткова на страницах научного журнала «Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право». Во-первых, автор оставил без внимания результаты новейших исследований, характеризующих внешнюю политику Турции в XXI в. Во-вторых, невозможно согласиться с тем его утверждением, что «неопантюркизм», под которым он понимает объединение тюркских народов под эгидой ТР, по-прежнему является ключевой на постсоветском направлении идеологемой внешней политики Турции. В-третьих, авторский термин «эпоха туркоцентричной интеграции» представляется бессодержательным, а его хронологические рамки — 2014–2021 гг. — надуманными. В-четвертых, вывод о позиционировании Турции в роли центра «тюркского мира» бездоказателен, как, впрочем, и утверждение о том, что Турция, реализуя «общетюркскую интеграционную модель», стремится размыть культурные коды своих тюркоязычных партнеров, подчинить их собственной логике развития и заставить признать «главенство турецкого над тюркским» [2, с. 167–170].

По-другому представлены региональные амбиции Турции в обобщающем исследовании международного авторского коллектива в составе Али Эмре Суджу, Косимшо Искандарова, Рустама Махмудова и Д. Н. Чернова. Во-первых, авторы достаточно скромно оценили военные и политические итоги многолетних усилий ТР. По их мнению, из-за нехватки материальных ресурсов ее участие в структуре регионального баланса сил сильно уступает влиянию РФ и КНР. Во-вторых, признавая, что в течение последнего 10-летия Турция в соответствии с идеологемой «тюркского мира» стала уделять больше внимания институционализации двусторонних и многосторонних отношений со странами региона, авторы констатируют отсутствие в ее внешнеполитической стратегии долгосрочного регионального проекта. В-третьих, авторы достаточно осторожно отразили современную роль и перспективы Тюркского совета, как наиболее успешного турецкого интеграционного проекта. Признавая его достаточно эффективным инструментом развития отношений Анкары с тюркоязычными государствами ЦА, прежде всего в культурной и образовательной сферах, они всего лишь зарезервировали за ним в перспективе возможность проявить себя в качестве «мягкой альтернативы» Москве и Пекину [25, с. 82–94]. Подчеркивая роль партнеров Турции по региональной интеграции, МИД ТР констатирует: «Тюркский совет продолжает свою деятельность во всех областях и на всех уровнях при тесном сотрудничестве стран-членов»¹.

Как бы то ни было даже ослабленный пантюркизм провоцирует агрессию у многих российских политологов и публицистов. Они продолжают нагнетать, по словам П. Э. Акопова, панические настроения: «турки наступают, в том числе и в зоне наших национальных интересов, а мы ничего не можем противопоставить, уступаем и отступаем! Турки в выигрыше, а мы в проигрыше!»². В этой связи заслуживает внимания положение кандидатской диссертации Ф. Л. Гумарова о том, что в русскоязычной литературе по-прежнему широко распространены и культивируются одиозные трактовки понятия «пантюркизм», направленные на запугивание российского обывателя турецкой угрозой [9, с. 6–7]³. Яркий пример такого рода — статья армянского политолога Сергея Шакарянца «Сегодняшняя Турция — это не неоосманизм, а пантюркизм» (2020), в которой проводится неконструктивная мысль

¹ Отношения Турции с республиками Центральной Азии.

² Акопов П. Зачем Путин и Эрдоган нужны друг другу.

³ Так, московский политолог А. А. Сваранц определяет пантюркизм как «расистскую национал-шовинистическую, фашистскую идеологию, политическое содержание которой имеет агрессивный, экспансионистский характер» (Сваранц А. Основные положения пантюркизма // Правовой портал: Библиотека Пашкова. 2017. 24 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://constitutions.ru/?p=12196>) (дата обращения: 26.02.2022).

о человеконенавистнической и преступной сущности пантюркизма как идеологической основе современной политики Турции¹.

При этом российские ученые, как правило, обнаруживают в региональной политике Анкары угрозу целостности России, а для тюркских государств Кавказа и Центральной Азии — угрозу их суверенитету [7, с. 78; 16, с. 5; 4, с. 5–10]. Так, говоря о вызовах национальной безопасности России со стороны проекта «Великого Турана» — создания «единого государства, в которое в будущем должны войти территории и население всех тюркских народов Закавказья, Средней Азии, Поволжья, Крыма, Северного Кавказа и Сибири», заместитель генерального секретаря Совета МПА СНГ В. Г. Когут и профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета Г. Н. Нурышев допускают в перспективе прямое поглощение суверенных тюркских государств. Демонизируя турецкую угрозу и заявляя о начале реализации Турцией «своего геополитического курса в качестве ведущего центра сборки новой геополитической конструкции взаимодействия всех евразийских государств, альтернативной российскому евразийскому проекту», они также утверждают, что «Турция собирается строить „Великий Туран“ в контексте пантюркизма и неоосманизма по Бжезинскому — „за счет России, и на обломках России“» [13, с. 105–106, 110].

При этом отдельные заявления турецких представителей подпитывают критической настрой российских ученых и публицистов. Так, преподаватель Отделения современных тюркских языков и литературы Университета Памуккале, профессор, доктор Бильге Озкан Налбант фактически признает, что культурная политика Анкары в тюркоязычных странах определяется ее своекорыстными интересами и предусматривает преодоление российского исторического влияния. «Тюркский мир, — отмечает она, — при переходе на латиницу должен избавить себя от большого количества букв, затрудняющего понимание. В процессе перехода на латинский алфавит тюркские республики пытаются ввести в систему письма множество букв, отражающих особенности их языков. Это негласно поддерживается в том числе российской политикой и ее сторонниками, что усложняет ситуацию. Тюркский мир не должен попадаться на эту удочку, и следует максимально придерживаться 29-буквенной системы письма, принятой Турцией... Еще один аспект опасности — вопрос о создании новых систем книгоиздательства в результате попадания в письменные системы тюркских республик слишком большого количества разных графем, не соответствующих фонетической системе турецкого языка»².

Незадолго до создания ОТГ в российских СМИ оживилась критика «Великого Турана». В частности, эксперт Института национальной стратегии Р. Р. Сулейманов разглядел в данном проекте намерение Анкары «переориентировать республики бывшего СССР на себя», укрепить свои позиции «в странах сферы российских интересов», а также субъектах РФ «с компактным проживанием тюркских народов»³. Конкретизируя данный подход, директор Центра геополитических исследований Института инновационного развития Д. Н. Родионов приписал Татарстану сомнительную славу давнего «форпоста турецких интересов в России»⁴. Реагируя на

¹ Шакарянц С. Сегодняшняя Турция — это не неоосманизм, а пантюркизм // ИА REGNUM. 2020. 20 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/3068261.html> (дата обращения: 26.02.2022).

² Синан М. А. «Алфавитный» хаос, поджидающий тюркский мир // Türkiye, Турция. 2021. 4 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/social/20210304/249253895.html> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Аксенов С. Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»?

⁴ Родионов Д. Казанский кремль вновь готовится к осаде: вспомним 1552 год? // EurAsiaDaily. 2021. 14 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/11/14/kazanskiy-kreml-vnov-gotovitsya-k-osade-vspomnim-1552-god> (дата обращения: 26.02.2022).

визиты министра обороны Турции Хулуси Акара летом 2021 г. в Киргизию, а затем в Таджикистан, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН В. А. Надеин-Раевский сравнил это событие с очередной попыткой вывести страны ОДКБ из-под влияния России¹.

Напротив, невысоко оценивая совокупную мощь Турции, А. В. Грозин называет ее страной с неясными перспективами. По его словам, в ресурсном отношении она уступает России и многим другим субъектам региональной политики, а в международной политике склонна проявлять авантюризм и действовать на пределе возможностей. Вместе с тем сильной стороной политики Турции автор признает ее «мягкую силу», посредством которой через культурные и научные программы, стажировки, обучение в турецких образовательных учреждениях Анкара зачастую добивается переориентации местных элит. Поэтому, не переоценивая угрозу проекта «Великого Турана», он совершенно справедливо призывает без «особого алармизма» сосредоточиться на преодолении отставания от Турции в деле культурного проникновения в страны ЦА². В унисон с ним заместитель директора Института Востоковедения РАН А. Ю. Скаков говорит об отсутствии у Турции «потенциала для каких-либо действий... в российских регионах»³.

Продолжение в следующем номере.

Литература

1. *Аватков В. А.* Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 543–554.
2. *Аватков В. А.* Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5. С. 162–176.
3. *Аватков В.* Роль Турции на постсоветском пространстве // Россия и мусульманский мир. 2010. № 11. С. 134–147.
4. *Аватков В. А., Бадранов А. Ш.* «Мягкая сила» Турции во внутренней политике России // Право и управление. XXI век. 2013. № 2 (27). С. 5–10.
5. *Бдоян Д. Г.* Трансформация российско-турецких отношений в условиях борьбы Турции за региональное лидерство: 2002–2017 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15 М., 2017. 30 с.
6. *Бурашников А. Б.* Неопантюркизм и неосоманизм во внешней политике Турции // Известия Саратовского университета. новая серия. серия: история. международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 65–69.
7. *Васильева С. А.* Пантюркизм на современном этапе: теоретическая база и практическая деятельность // Социум и власть. 2011. № 3 (31). С. 75–78.
8. *Васильева С. А.* Роль идеологии пантюркизма в политических процессах Республиканской Турции : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Екатеринбург, 2012. 22 с.
9. *Гумаров Ф. Л.* Внешнеполитические связи Турецкой Республики с тюркоязычными государствами Центральной Азии — членами ЕАЭС: 1991–2015 гг. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Казань, 2017. 26 с.
10. *Зубкова А. И.* Стратегия мягкой силы в контексте трансформации политической системы Турецкой Республики в период 2002–2014 гг. : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2015. 31 с.
11. *Иванова И. И.* Турция в Центральной Азии: партнер или соперник? // Азия и Африка сегодня. 2019. № 7. С. 39–47.

¹ *Кулагин В.* «Выбить из-под влияния России»: как Турция укрепляет позиции в Центральной Азии // Газета.ru. 2021. 5 июля [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/07/05_a_13703324.shtml (дата обращения: 26.02.2022).

² *Аксенов С.* Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»?

³ Активизация Турции в российских регионах маловероятна — мнение // ИА REGNUM. 2021. 14 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3370116.html> (дата обращения: 26.02.2022).

12. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. М. : МГИМО ; МИД РФ, 2008. 382 с.
13. Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Карабахский узел геополитических противоречий на Южном Кавказе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1. С. 104–111.
14. Кудаяров К. А. Политика Турции в образовательной сфере Киргизии // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2012. № 2 (2). С. 82–90.
15. Малышева Д. Б. Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3 (36). С. 46–58.
16. Терехов Р. С. Влияние идеологии пантюркизма на внешнюю политику Османской империи и Турецкой Республики в XX веке : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.15. Нижний Новгород, 2011. 30 с.
17. Хас К. Особенности внешней политики Турции в Центральной Азии // Научно-информационный журнал «Армия и общество». 2013. № 3 (35). С. 16–20.
18. Хас К. Внешняя политика Турецкой Республики и Российской Федерации в Центральной Азии: сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2016. 25 с.
19. Чесноков А. В. Пантюркизм в общественно-политической жизни Азербайджана и тюркоязычных стран Центральной Азии: 90-е годы XX — начало XXI в. : автореф. дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03. Иваново, 2005. 21 с.
20. Шлыков П. В. Турция и ЕС: политика Анкары накануне миграционного кризиса // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 53–65.
21. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58–76.
22. Fida Z. Central Asia's Place in Turkey's Foreign Policy // Policy Perspectives. 2018. Vol. 15. N 1. P. 113–125.
23. Fidan H. Turkish Foreign Policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. N 1. P. 109–121.
24. Çaman M. E., Akyur M. A. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // Alternatives: Alternatives Turkish Journal of International Relations. 2011. Vol. 10. N 2–3. P. 45–64.
25. Sucu A. E., Iskandarov Q. I., Mahmudov R. B., Chernov D. N. Does Turkey have a Central Asian Project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (3). С. 82–96.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. Avatkov V. A. Populism in the foreign policy of the Republic of Turkey // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhyby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2021. Vol. 21. N 3. P. 543–554 (in Rus).
2. Avatkov V. A. Post-Soviet space and Turkey: results of 30 years // Contours of global transformations: politics, economy, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]. 2021. Vol. 14. N 5. P. 162–176 (in Rus).
3. Avatkov V. The role of Turkey in the post-Soviet space // Russia and the Muslim world [Rossiya i musul'manskii mir]. 2010. N 11. P. 134–147 (in Rus).
4. Avatkov V. A., Badranov A. S. "Soft power" of Turkey in the domestic policy of Russia // Law and management. XXI century [Pravo i upravlenie. XXI vek. 2013. N 2 (27). P. 5–10 (in Rus).
5. Bdoyan D. G. Transformation of Russian-Turkish relations in the context of Turkey's struggle for regional leadership: 2002–2017: dissertation abstract. 30 p. (in Rus).
6. Burashnikova A. B. Neopanturkism and Neo-Osmanism in Turkish Foreign Policy // Izvestia of Saratov University. New series. Series: history. International relations [Izvestiya Saratovskogo universiteta. novaya seriya. seriya: istoriya. mezhdunarodnye otnosheniya]. 2013. Vol. 13. N 2. P. 65–69 (in Rus).
7. Vasilyeva S. A. Panturkism at the modern stage: theoretical basis and practical activity // Society and power [Sotsium i vlast']. 2011. N 3 (31). P. 75–78 (in Rus).

8. Vasilyeva S.A. The role of the ideology of pan-Turkism in the political processes of Republican Turkey: dissertation abstract. Yekaterinburg, 2012. 22 p. (in Rus).
9. Gumarov F.L. Foreign policy relations of the Republic of Turkey with the Turkic-speaking states of Central Asia — members of the EAEU: 1991–2015: dissertation abstract. Kazan, 2017. 26 p. (in Rus).
10. Zubkova A.I. Soft power strategy in the context of the transformation of the political system of the Republic of Turkey in the period 2002–2014: dissertation abstract. M., 2015. 31 p. (in Rus)
11. Ivanova I.I. Turkey in Central Asia: partner or rival? // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. 2019. N 7. P. 39–47 (in Rus).
12. Kazantsev A.A. “Big Game” with unknown rules: world politics and Central Asia. M.: MGIMO; Russian Foreign Ministry, 2008. 382 p. (in Rus)
13. Kogut V.G., Nuryshv G.N. Karabakh node of geopolitical contradictions in the South Caucasus // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. N 1. P. 104–111 (in Rus).
14. Kudayarov K.A. Policy of Turkey in the educational sphere of Kyrgyzstan // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Political Science. History. International relations [Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2012. N 2 (2). P. 82–90 (in Rus).
15. Malysheva D.B. International-political interaction of the states of Central Asia with Turkey and Iran // Russia and new states of Eurasia [Rossiya i novye gosudarstva Evrazii]. 2017. N 3 (36). P. 46–58 (in Rus).
16. Terekhov R.S. The influence of the ideology of pan-Turkism on the foreign policy of the Ottoman Empire and the Republic of Turkey in the 20th century: dissertation abstract. Nizhny Novgorod, 2011. 30 p. (in Rus).
17. Khas K. Features of Turkey’s foreign policy in Central Asia // Scientific Information Journal “Army and Society” [Nauchno-informatsionnyi zhurnal «Armiya i obshchestvo»]. 2013. N 3 (35). P. 16–20 (in Rus).
18. Khas K. Foreign Policy of the Republic of Turkey and the Russian Federation in Central Asia: Comparative Analysis: dissertation abstract. M., 2016. 25 p. (in Rus).
19. Chesnokov A.V. Panturkism in the socio-political life of Azerbaijan and the Turkic-speaking countries of Central Asia: 90s of the XX — beginning of the XXI century: dissertation abstract. Ivanovo, 2005. 21 p. (in Rus).
20. Shlykov P.V. Turkey and the EU: Ankara’s policy on the eve of the migration crisis // Modern Europe [Sovremennaya Evropa]. 2016. N 3 (69). P. 53–65 (in Rus).
21. Shlykov P.V. Eurasia and Eurasian integration in the political ideology and practice of Turkey // Comparative policy [Sravnitel'naya politika]. 2017. N 1. P. 58–76 (in Rus).
22. Fida Z. Central Asia’s Place in Turkey’s Foreign Policy // Policy Perspectives. 2018. Vol. 15. N 1. P. 113–125.
23. Fidan H. Turkish Foreign Policy towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. 2010. Vol. 12. N 1. P. 109–121.
24. Çaman M.E., Akyur M.A. Caucasus and Central Asia in Turkish Foreign Policy: The Time Has Come for a New Regional Policy // Alternatives: Alternatives Turkish Journal of International Relations. 2011. Vol. 10. N 2–3. P. 45–64.
25. Sucu A.E., Iskandarov Q.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey have a Central Asian Project? // MGIMO Review of International Relations. 2021. N 14 (3). P. 82–96.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

Взаимосвязь цифровой экономики и финансовой политики в Российской Федерации: пути совершенствования

Колесов А. С.¹, Катанандов С. Л.², *

¹Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *katanandov-sl@ranera.ru

РЕФЕРАТ

В настоящее время в ведущих странах большое значение приобретает разработка и внедрение во все отрасли экономики новых информационных и коммуникационных технологий. В полной мере эта тенденция имеет место и в Российской Федерации, в которой получает развитие цифровая экономика (ЦЭ). Цель исследования заключается в том, чтобы, исходя из наличия взаимосвязи между формированием цифровой экономики и совершенствованием финансовой политики (ФП), во-первых, проанализировать данное взаимодействие; во-вторых, на этой основе разработать пути ускорения становления ЦЭ, а также повышения результативности ФП на федеральном и региональном уровнях. В результате проведенного исследования расширен перечень задач по формированию цифровой экономики и проведению финансовой политики, а также предложены новые подходы к решению указанных задач.

Ключевые слова: Российская Федерация, цифровая экономика, финансовая политика

Для цитирования: Колесов А. С., Катанандов С. Л. Взаимосвязь цифровой экономики и финансовой политики в Российской Федерации: пути совершенствования // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 54–63.

The Relationship between the Digital Economy and Financial Policy in the Russian Federation: Ways to Improve

Alexander S. Kolesov¹, Sergei L. Katanandov², *

¹Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; *katanandov-sl@ranera.ru

ABSTRACT

At present, the development and implementation of new information and communication technologies in all sectors of the economy is of great importance in the leading countries. In full measure, this trend also takes place in the Russian Federation (RF), where the digital economy (DE) is developing. The main goal of the study is to, based on the relationship between the formation of the digital economy and the improvement of financial policy, firstly, to analyze this interaction. Secondly, on this basis, to develop ways to accelerate the formation of the DE, as well as to increase the effectiveness of the FP at the federal and regional levels. Because of the study, we considered it possible and necessary to supplement with a number of positions the list of tasks already available in a number of official documents for the formation of the digital economy and the conduct of financial policy.

Keywords: Russian Federation, digital economy, financial policy

For citing: Kolesov A. S., Katanandov S. L. The Relationship between the Digital Economy and Financial Policy in the Russian Federation: Ways to Improve // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 54–63.

Введение

Современное экономическое и социальное развитие в мире, как и во все времена, зависит от поиска, открытия и внедрения новых технологий в сферу производства товаров и услуг. В настоящее время в ведущих странах большое значение приобретают разработка и внедрение во все сферы деятельности информационных и коммуникационных технологий. В полной мере эта тенденция имеет место и в Российской Федерации (РФ), в которой получает развитие цифровая экономика (ЦЭ). Под ней сегодня понимается деятельность, «в которой ключевым фактором являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа», что позволяет «существенно повысить эффективность различных видов производств, технологий, оборудования, хранения, продаж, доставки товаров и услуг»¹.

В этой связи следует отметить, что в стране фактически формируется самостоятельная отрасль экономики — информационно-коммуникационная. В РФ много делается для ее развития в промышленности, в сельском хозяйстве, в строительстве, практически во всех других отраслях экономики, а также в социальной сфере и в государственном управлении². При этом надо сказать, что такое развитие зависит от многих факторов, но основным и решающим, по нашему мнению, является финансирование, которое выделяется в соответствии с проводимой финансовой политикой (ФП) государства. Именно ФП, регулируя финансовые потоки, не просто способствует развитию ЦЭ, а является его главным фактором развития. ФП позволяет реализовывать решения о развитии ЦЭ.

Одновременно, производя свою продукцию и услуги для всех отраслей экономики, ЦЭ оказывает влияние и на различные направления государственной политики, в том числе и финансовой политики. В настоящее время ФП в основном опирается на решения, выработанные преимущественно с использованием эмпирики и даже интуиции. Нововведения прежде всего коснулись автоматизации обработки плановых и отчетных показателей. В то же время, можно заметить, что за последние десятилетия каких-то «прорывных» методов в ее разработке не появилось. Использование искусственного интеллекта в сложнейших процессах выработки решений в ФП пока не наблюдается. При этом развитие научного подхода сдерживается тем, что огромные массивы данных требуют принципиально новых подходов к их обработке, анализу, интерпретации результатов и выработке на этой основе рекомендаций по принятию управленческих решений.

Однако в случае с финансовой политикой процесс перехода ее разработки и реализации на современные методы несколько затянулся. Тем не менее многие проблемы коренного улучшения качества ФП все-таки можно и нужно решать и решить при помощи соответствующего программного обеспечения и сверхмощной компьютерной техники. Можно даже утверждать, что дальнейший прогресс ФП, качественное улучшение ее содержания и повышение ее результативности во многом, если не полностью, зависят от развития цифровизации в сфере финансов государства.

Другими словами, следует констатировать, что между формированием ЦЭ и проведением ФП существует определенная, достаточно тесная взаимозависимость, которая уже влияет и все в большей степени будет влиять на их развитие. Актуальность исследования состоит в том, что и развитие цифровой экономики, и даль-

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: [www/kremlin.ru/acts/bank/41919](http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919) (дата обращения: 18.01.2022).

² Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом № 7 от 4 июня 2019 г. заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам.

нейшее совершенствование финансовой политики в Российской Федерации и ее субъектах на современном этапе развития являются одними из важнейших задач. При этом они оказывают влияние на развитие друг друга. Поэтому следует проанализировать такое взаимодействие между ними и на основе полученных результатов разработать практические предложения по дальнейшему повышению результативности обеих сфер деятельности.

Анализом проблем формирования ЦЭ в Российской Федерации, в том числе на региональном уровне, занимаются органы власти [4]¹. Их также рассматривает в своих работах ряд ученых, среди которых можно назвать таких, как Л. Г. Батракова, С. Д. Бодрунов, Д. С. Демиденко, О. В. Козловская, А. А. Козырев, М. В. Мирославская, В. А. Плотников [2; 3; 6 и др.²]. Однако исследованием вопросов взаимовлияния развития ЦЭ и осуществления ФП, в том числе на уровне регионов, занимаются пока лишь отдельные экономисты (Е. А. Антошина, А. С. Колесов, С. В. Шабаева и некоторые другие [1; 5; 7]). Можно сказать, что наука находится в самом начале изучения данной темы.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы, исходя из наличия взаимосвязи между формированием цифровой экономики и совершенствованием финансовой политики, во-первых, проанализировать процесс их взаимодействия как в Российской Федерации, так и в ее субъектах. Во-вторых, на этой основе разработать пути ускорения становления ЦЭ, а также повышения результативности ФП на федеральном и региональном уровнях.

Методы

Для достижения выбранной цели прибегнем к таким научным методам, как изучение содержания нормативных актов и научных публикаций, анализ и синтез, индукция и дедукция.

Анализ нормативных документов и научных публикаций является подготовительным этапом, началом всей работы по изучению выбранной темы. Логика работы заключается в реализации четырех основных этапов. На первом формулируется тема исследования, его гипотеза и цель. На втором этапе проводится краткий анализ формирования цифровой экономики в регионах и влияния этих процессов на осуществление их финансовой политики. На этом же этапе выявляются проблемы, которые тормозят эту работу. Третий этап включает в себя разработку путей ускорения формирования ЦЭ в субъектах РФ и подготовку практических предложений по усилению ее воздействия на увеличение финансовых возможностей их развития. На четвертом этапе делаются выводы из проведенного исследования.

Применение таких методов, как анализ и синтез, индукция и дедукция, а также использование официальных и статистических данных осуществлено в статье по

¹ См. также: Текущее развитие проектов в сфере цифровой экономики в регионах России // Аналитический центр при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://nang.org/analytics/analiticheskij-tsentr-pri-pravitelstve-pf-tekushchee-razvitie-proektov-v-sfere-tsifrovoj-ekonomiki-v-regionakh-rossii-iyun-2019-pdf> (дата обращения: 18.01.2022); Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: rosstat.gov.ru/anketa-1-4 (дата обращения: 18.01.2022); Система управления региональной цифровизацией в рамках реализации Национального проекта «Цифровая экономика» // Минкомсвязь России [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/sistema-upravleniya-regionalnoj-tsifrovizatsiej.pdf> (дата обращения: 18.01.2022) и др.

² См. также: Развитие цифровой экономики в регионах России. Потенциал и перспективы // Петербургский международный экономический форум — 2019 [Электронный ресурс]. URL: roscongress.org/sessions/spief-2019-razvitie-tsifrovoy-ekonomiki-v-regionakh-rossii-potencial-i-perspektivy/discussion/ (дата обращения: 18.01.2022).

мере необходимости для обоснования отдельных положений и аргументации авторских выводов.

Результаты краткого анализа проблем формирования цифровой экономики и совершенствования финансовой политики субъектов Российской Федерации

Прежде всего следует отметить, что процесс создания цифровой экономики не является простой, линейной и последовательной цепочкой принятия управленческих решений. В нем должна присутствовать некая логика последовательных действий. При этом, если внешние по отношению к ЦЭ цели вытекают из потребностей общества как определенный социальный заказ, то внутренние цели ее становления, по нашему мнению, формулируются не сами собой или по решению вышестоящего органа управления, а как реакция на выявление проблем ее развития и как направление работы по их решению. Затем уже каждая из них переформатируется в соответствующую цель. И наконец, для всех таких целей разрабатываются конкретные пути их достижения, включая составляющие их задачи, требуемые ресурсы, необходимые мероприятия и т. д.

Итак, начнем с проблем, требующих решения для развития цифровой экономики, так как в связке ЦЭ и ФП именно первая находится на этапе своего формирования, включая разработку ее целей. Не так давно (в пределах сохранения актуальности рассматриваемых вопросов) эксперты Петербургского международного экономического форума, рассмотрев потенциал и перспективы формирования цифровой экономики в регионах России, выделили три основных проблемы такой работы: отсутствие законодательной базы; бюрократизация процесса внедрения ЦЭ; неравномерность территориального развития¹. В то же самое время (2019 г.) Ассоциация инновационных регионов России в своем аналитическом исследовании о проблемах ускорения становления цифровой экономики в регионах пришла к выводам о том, что они заключаются в несогласованности между ведомствами и противоречивости нормативно-правовой базы, в недостаточности финансирования, в нехватке квалифицированных кадров и в некоторых других пока еще не решенных вопросах [4, с.11].

С момента опубликования вышеприведенных разработок прошло совсем мало времени, чуть больше двух лет. Поэтому за это время лишь небольшая их часть потеряла свое значение. В частности, в рамках реализации Программы «Цифровая экономика»² (далее — Программа) были формализованы задачи для регионов, возросло внимание к вопросам развития ЦЭ со стороны руководителей республик, краев и областей. В то же время можно сказать, что высказанные экспертами озабоченности процессом формирования ЦЭ в основном не потеряли своей важности. Исходя из понимания целей Программы «Цифровая экономика», учитывая мнение указанных выше двух групп экспертов, а также опираясь на собственное знание имеющейся ситуации в субъектах РФ, авторы полагают, что основными узкими местами, которые тормозят формирование ЦЭ в стране и в регионах, являются следующие три большие и комплексные проблемы.

Первая из них заключается в том, что для осуществления любого нового, а тем более крупного проекта необходимо создать соответствующую инфраструктуру

¹ Развитие цифровой экономики в регионах России. Потенциал и перспективы // Петербургский международный экономический форум — 2019 [Электронный ресурс]. URL: roscongress.org/sessions/spief-2019-razvitie-tsifrovoy-economiki-v-regionakh-rossii-potensial-i-perspektivy/discussion/ (дата обращения: 18.01.2022).

² Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 г. № 1632-р Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: www.government.ru/docs/28653 (дата обращения: 18.01.2022).

управления его реализацией. В стране имеется Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ; под его началом находятся 5 ведомств и 14 институтов и организаций, а также десятки территориальных структур. Кажется бы, создан достаточный контур руководства цифровизацией страны. Однако для реализации сложного и комплексного замысла формирования ЦЭ этого недостаточно. ЦЭ регионов еще не интегрированы в единую большую систему. Не развита сеть дата-центров. И так далее. Нерешенность организационных вопросов определяет первую проблему более быстрого формирования цифровой экономики в РФ.

Вторая проблема, также присущая всем масштабным начинаниям, состоит в том, что первоначально всегда отсутствуют условия институционального и инфраструктурного характера для их осуществления. В нашем случае речь идет о развитии цифровой экономики как на территории всего государства, так и каждого его региона. К этим условиям можно отнести потребность обеспечения проекта всеми необходимыми ресурсами (людскими, сырьевыми, полуфабрикатами и комплектующими, техническими и технологическими, а также некоторыми другими). В этот перечень следует добавить и необходимость создания соответствующей материально-технической базы.

Третьей проблемой является пока еще невысокое качество и незначительное количество товаров и услуг, производимых цифровой экономикой страны. ЦЭ должна способствовать повышению конкурентоспособности всей российской экономики на глобальных рынках. Пока же еще существует зависимость России от импорта высокотехнологичной продукции.

Опираясь на логику наших размышлений и в соответствии с данными тремя проблемами, следует согласиться с выделенными в Программе тремя основными целями, которые предполагают: создание системы цифровой экономики в масштабах всей страны; обеспечение необходимых и достаточных условий институционального и инфраструктурного характера ее развития; повышение на основе новейших информационно-коммуникационных технологий конкурентоспособности российской продукции на глобальных рынках.

Продолжим наше исследование. Суть результатов, представленных далее в статье, заключается в осмыслении целей формирования ЦЭ, в поиске путей ускорения ее развития на уровне Российской Федерации и субъектов РФ, а также в поиске путей совершенствования существующего механизма ее влияния на финансовую политику федерального центра и регионов.

Создание экосистемы ЦЭ в Российской Федерации

Под экосистемой понимается «партнерство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов, аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан»¹. Достижение данной цели, по нашему мнению, осуществляется достаточно успешно. В 2021 г. были приняты и опубликованы стратегии цифровой трансформации 84 субъектов РФ. Кроме того, Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ разработан проект Концепции цифрового развития регионов, благодаря которому федеральный центр усилит мониторинг данного направления работы

¹ Указ Президента РФ от 9.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL:[www/kremlin.ru/acts/bank/41919](http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919) (дата обращения: 18.01.2022).

субъектов РФ¹. Вместе с тем даже из самого определения сути «экосистемы ЦЭ» (или просто системы ЦЭ, так как нам непонятно стремление приравнять эту систему к экологической) видно, насколько сложным процессом является достижение данной цели. К тому же, взаимосвязь между формирующейся цифровой экономикой и финансовой политикой пока никак не формализована. Поэтому нельзя такое взаимодействие определить количественно и, следовательно, проанализировать его динамику и тенденции.

В то же время можно все-таки утверждать, что механизм взаимовлияния между ЦЭ и ФП страны, а также областей, краев и республик в составе РФ действует. В этой связи прежде всего следует сказать, что в РФ и во всех ее субъектах развита торговля компьютерами, программным обеспечением и другими товарами, способствующими развитию ЦЭ. В большинстве высших учебных заведений готовят специалистов, которые обладают компетенцией в различных ее областях. Все это приводит к созданию новых рабочих мест, к увеличению объемов производства и финансовых потоков, а также к росту доходов граждан и предприятий, поступлений налогов и сборов в доходные части федерального, региональных и местных бюджетов. Одновременно проведение финансовой политики также отражается на формировании цифровой экономики как непосредственно через выделение средств на ее развитие, так и опосредованно через принятие различных нормативных актов государства и субъектов РФ.

Несомненно, механизмы взаимовлияния системы цифровой экономики и финансовой политики находятся в стадии становления. В этой связи можно дополнить перечень задач по достижению первой цели Программы еще одной о необходимости разработки и внедрения в деятельность органов власти всех уровней комплекса мероприятий по укреплению взаимодействия между формированием ЦЭ и совершенствованием ФП.

Создание условий институционального и инфраструктурного характера для развития цифровой экономики

Данная цель является в определенной степени диалектической. С одной стороны, она говорит о том, что Программу необходимо выполнять с момента ее принятия и, следовательно, предполагает наличие уже неких органов управления и соответствующей материально-технической базы для ее осуществления, а с другой, одна из трех главных целей заключается в создании институтов и инфраструктуры реализации ЦЭ.

Во исполнение данной цели на федеральном уровне создано и работает соответствующее Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, а также подчиненная ему Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также целый ряд ведомств, институтов и организаций. Создается также сеть дата-центров. На региональном уровне действуют органы исполнительной власти, которые занимаются вопросами создания и регулирования ЦЭ. Можно также заметить, что значительная часть разработок в ЦЭ финансируется на региональном уровне, в том числе по линиям бюджетной, банковской, налоговой, таможенной и др. направлений финансовой деятельности. В то же время следует отметить, что основная работа по цифровизации экономики в регионах делается силами территориальных органов федеральной власти.

¹ Система управления региональной цифровизацией в рамках реализации Национального проекта «Цифровая экономика». Минкомсвязь России [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/sistema-upravleniya-regionalnoj-tsifrovizatsiej.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

По итогам краткого изучения имеющихся уже институциональных и инфраструктурных предпосылок формирования цифровой экономики, а также связанной с этим эволюции финансовой политики, можно сказать, что в настоящее время они находятся в процессе становления. По нашему мнению, необходимо особо выделить три задачи, от решения которых зависит достижение второй цели Программы.

Первая вытекает из конкретной ситуации. К примеру, в Северо-Западном федеральном округе из 11 субъектов РФ: в восьми регионах органы исполнительной власти, которые занимаются вопросами развития цифровизации, имеют высший статус — министерства или равного ему по значению комитета или департамента; в двух регионах они обладают средним статусом — комитета и управления (при наличии органов власти более высокого уровня: департаментов и комитетов); в одном регионе такой орган власти является только структурным подразделением в аппарате администрации главы субъекта. В этой связи можно предположить, что такое разнообразие в подходах регионов к формированию институтов цифровой экономики на их территориях связано не только со спецификой каждого из них, но и с недостаточным вниманием федеральной власти к координации данной работы. Поэтому, по нашему мнению, ее необходимо усилить.

Вторая задача состоит в том, чтобы сформулировать стандартные требования к институциональному и инфраструктурному обеспечению развития цифровой экономики РФ и в ее субъектах. Без такого понимания не ясно, что уже есть и что осталось сделать в каждом отдельном регионе. В этой связи на уровне государства следует разработать единый стандарт институционального и инфраструктурного обеспечения функционирования цифровой экономики в субъектах РФ.

Третья задача заключается в том, чтобы, исходя из важнейшей роли ФП в формировании ЦЭ, подумать о целесообразности создания в составе финансовых органов РФ отделов по финансированию цифровизации.

Повышение конкурентоспособности российской продукции на глобальных рынках вследствие цифровизации

Следует вспомнить, что в настоящее время уже существует устоявшийся и проверенный временем финансовый механизм поддержки государством продажи за рубеж товаров и услуг в виде возврата экспортерам налога на добавленную стоимость (НДС). Причем поскольку все 100% от НДС поступают в федеральный бюджет, постольку естественно из него и должно осуществляться основное стимулирование достижения данной цели. Однако региональные власти также могут и должны вносить свой вклад в выполнение данной позиции Программы. Их возможности в области повышения конкурентоспособности продукции, конечно, скромнее, чем у федеральных органов, но в их компетенцию входит решение многих важных практических вопросов создания любого производственного комплекса на их территории: от выделения земельного участка под строительство до принятия решения о выдаче разрешения на ввод его в эксплуатацию.

Кроме того, следует понять, что повышение конкурентоспособности продукции и развитие финансовой системы страны тесно связаны между собой. Чем выше технологический уровень товаров и услуг, тем лучше они продаются, в том числе на мировом рынке, следовательно, тем больше финансовые потоки, а также потребность в услугах всех составляющих финансовой системы (банковской, налоговой, страховой, таможенной и т. д.). И наоборот, развитость финансового сектора является дополнительной и важной предпосылкой в получении необходимых средств для развития производства новейших товаров и услуг, в том числе в сфере информационных и коммуникационных технологий.

Поэтому можно утверждать, что достижение третьей цели тоже предполагает объединение усилий органов власти всех уровней. В этой связи, по нашему мнению, следует обратить внимание на необходимость решения следующих трех задач, направленных на достижение третьей цели формирования ЦЭ.

Первая заключается в том, чтобы разработать и внедрить в практику хозяйствования дополнительные стимулы, предполагающие улучшение условий цифровизации за счет совершенствования финансовой политики. Среди них мы видим специальные льготные кредиты, бюджетные субсидии, налоговые льготы и некоторые другие, которые должны быть разработаны и внедрены как на федеральном, так и на региональном уровнях управления.

Вторая задача состоит в том, чтобы усилить обратную связь между влиянием ФП субъектов РФ на формирование ЦЭ, т.е. обеспечить получение реальной выгоды в финансовой сфере регионов от осуществления такой работы. Таким стимулом могло бы стать получение в бюджеты республик, краев и областей части от получаемых федеральным бюджетом доходов от уплаты НДС.

Третья задача вытекает из того, что в настоящее время значительная часть технологий и техники, в основе которых лежит ЦЭ и (или) которая направлена на ее формирование, завозится из-за рубежа. С учетом необходимости достижения третьей цели Программы, бюджетные средства государства и его субъектов, а также получаемые различные льготы от банков, страховых и таможенных структур должны ограничиваться исключительно отечественной сферой производства товаров и услуг. Кроме того, для усиления влияния отечественных финансов, включая региональные, на развитие цифровой экономики в стране следует ввести ограничения на закупку за рубежом техники, технологий, программного обеспечения и других компонентов ЦЭ (кроме отдельных исключений по определенному списку).

Обсуждение

В настоящее время все рассмотренные выше вопросы развития цифровой экономики остаются актуальными. Считаем, что, кроме уже сформулированных нами выше задач по достижению трех целей Программы «Цифровая экономика», их перечень возможно и необходимо еще дополнить. К ним, по нашему мнению, можно отнести ряд новаций.

1. Поскольку необходимо формировать систему цифровой экономики не только в стране в целом, но и в регионах, постольку следует дополнить соответствующими подразделами каждый раздел Программы.
2. Для дальнейшего повышения качества анализа проходящей цифровизации целесообразно изучить вопрос о совершенствовании информационного сопровождения данного процесса. Для этого желательно разработать новые формы статистической отчетности, которые отражали бы более полно вопросы финансирования ЦЭ, а также получаемые доходы от данного вида деятельности.
3. Как мы уже отмечали выше, необходимо также модернизировать механизм взаимодействия между формированием ЦЭ и проведением ФП. Для решения этой задачи необходимо разработать и принять соответствующие новеллы в Бюджетный, Налоговый и Таможенный кодексы, в другие законодательные акты.

Заключение

Обосновав существование взаимосвязи между развитием цифровой экономики и улучшением финансовой политики, мы проанализировали этот процесс. На базе данного исследования были сформированы новые дополнительные задачи формирования ЦЭ, а также дальнейшего совершенствования ФП в Российской Федерации

и в ее субъектах. Авторы надеются, что предлагаемые новации могут быть использованы как для разработки и принятия проектов новых решений по их осуществлению, так и для продолжения работы над данной темой.

Литература

1. Антошина Е. А., Колесов А. С. О финансировании цифровизации в регионе (на примере Республики Карелия) // *Финансы*. 2021. № 10. С. 11–16.
2. Батракова Л. Г. Развитие цифровой экономики в регионах России // *Социально-политические исследования*. 2019. № 4 (5). С. 51–64.
3. Бодрунов С. Д., Демиденко Д. С., Плотников В. А. Реиндустриализация и становление «цифровой экономики»: гармонизация тенденций через процесс инновационного развития // *Управленческое консультирование*. 2018. № 2. С. 43–54.
4. Козловская О. В. Мониторинг регионального законодательства в сфере развития цифровой экономики в регионах АИРР. Томск, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/47567516/> (дата обращения: 18.01.2022).
5. Колесов А. С., Антошина Е. А. Реализация национальных проектов как современная основа социально-экономического развития регионов: роль цифровизации // *Социально-экономическое развитие организаций и регионов в условиях цифровизации. Материалы докладов Международной научно-практической конференции (октябрь, 2020)*. Витебск : Витебский государственный технологический университет, 2020. С. 167–171.
6. Мирославская М. В., Козырев А. А. Цифровая экономика как инструмент устойчивого развития // *Управленческое консультирование*. 2021. № 3. С. 58–69.
7. Шабаетова С. В., Колесов А. С. Развитие цифровой экономики как вызов для уточнения финансовой политики государства в Арктической зоне России // *Многофакторные вызовы и риски в условиях реализации стратегии научно-технологического и экономического развития макрорегиона «Северо-Запад»*: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 23–24 октября 2018 г., Санкт-Петербург. ИПРЭ РАН. СПб. : ГУАП. 2018. С. 330–334.

Об авторах:

Колесов Александр Семенович, профессор Института экономики и права Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Российская Федерация), доктор экономических наук, dav1660@yandex.ru

Катанандов Сергей Леонидович, заведующий кафедрой Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук; katanandov-sl@ranera.ru

References

1. Antoshina E. A., Kolesov A. S. On financing digitalization in the region (using the example of the Republic of Karelia) // *Finance [Finansy]*. 2021. N 10. P. 11–16.
2. Batrakova L. G. Development of the digital economy in the regions of Russia // *Socio-political research [Sotsial'no-politicheskie issledovaniya]*. 2019. N 4 (5). P. 51–64 (in Rus).
3. Bodrunov S. D., Demidenko D. S., Plotnikov V. A. Reindustrialization and the formation of the “digital economy”: harmonization of trends through the process of innovative development // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2018. N 2. P. 43–54 (in Rus).
4. Kozlovskaya O. V. Monitoring of regional legislation in the field of digital economy development in the regions of AIRR [Electronic resource]. Tomsk, 2018. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/47567516/> (in Rus).
5. Kolesov A. S., Antoshina E. A. Implementation of national projects as a modern basis for the socio-economic development of regions: the role of digitalization // *Socio-economic development of organizations and regions in digitalization. Materials of the reports of the International Scientific and Practical Conference (October, 2020)*. Vitebsk: Vitebsk State Technological University, 2020. P. 167–171 (in Rus).
6. Miroslavskaya M. V., Kozyrev A. A. Digital economy as a tool for sustainable development // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 3. P. 58–69 (in Rus).

7. Shabaeva S. V., Kolesov A. S. Development of the digital economy as a challenge to clarify the financial policy of the state in the Arctic zone of Russia // Multifactorial challenges and risks in the context of the implementation of the strategy of scientific, technological and economic development of the North-West macro-region: Materials of the Russian scientific and practical conference, October 23–24, 2018, St. Petersburg. IPRE RAS. St. Petersburg: GUAP. 2018. P. 330–334 (in Rus).

About the authors:

Alexander S. Kolesov, Professor of Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation), Doctor of Economics, dav1660@yandex.ru

Sergey L. Katanandov, Head of the Department of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Philosophical Sciences; katanandov-sl@ranera.ru

Концепция устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов: новая реальность и новые возможности для бизнеса

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; jeakuklina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность темы статьи обусловлена значением концепции устойчивого развития для успешного функционирования предприятий в условиях новой реальности. **Целью** статьи является анализ концепции устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов. **Задачи:** рассмотреть эволюцию концептуальных положений устойчивого развития; выполнить анализ целей устойчивого развития ООН в контексте формирования «зеленой» повестки; оценить влияние тренда цифровой трансформации на цели устойчивого развития; выявить новые возможности реализации концепции в условиях новой реальности; определить риски ESG-трансформации и риски цифровой трансформации. **Методы.** Системный подход, логический анализ, синтез. **Результаты.** В современных условиях функционирования экономических систем цели устойчивого развития являются ориентиром для разработки стратегий не только на государственном уровне, но и на уровне отдельных компаний; новым вектором развития бизнеса является ESG-трансформация. Результатом развития глобализации и усиления влияния транснациональных корпораций стало смещение фокуса концепции устойчивого развития от национального уровня к корпоративному. Общее направление ESG-подхода к управлению развитием экономических систем всех уровней будут задавать международные тренды. В наибольшей степени цели устойчивого развития ООН соотносятся с социальным критерием (11 целей), в то время как на экологический критерий и критерий корпоративного управления приходится по 8 целей. Полное совпадение по всем ESG-критериям наблюдается по двум целям («Индустриализация, инновации и инфраструктура; «Ответственное потребление и производство»). Наиболее значимыми для компаний в краткосрочной перспективе являются экологические и социальные риски; в долгосрочной перспективе наиболее значим критерий «Оценка климатических рисков на уровне активов». При разработке и реализации корпоративных стратегий необходимо учитывать ESG-риски, а также возможные угрозы экономической безопасности (ресурсное замещение, рост интеллектуальной собственности, кибератаки, промышленный шпионаж). **Выводы.** Актуализированная концепция устойчивого развития позволяет обеспечить экономический рост при его сбалансированности с потребностями общества по улучшению качества жизни, предотвращения деградации окружающей природной среды, но при условии обеспечения безопасности и защищенности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-критерии, цифровая трансформация, бизнес, бизнес-модель, стратегия, риски, угрозы, экономическая безопасность

Для цитирования: Куклина Е. А. Концепция устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов: новая реальность и новые возможности для бизнеса // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 64–78.

The Concept of Sustainable Development in the Projection of Modern Transformational Trends: A New Reality and New Opportunities for Business

Evgenia A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; jeakuklina@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the topic of the article is due to the importance of the concept of sustainable development for the successful functioning of enterprises in the new reality. The purpose of the article is to analyze the concept of sustainable development in the projection of modern transformational trends. Tasks: to consider the evolution of the conceptual provisions of sustainable development; perform an analysis of the UN sustainable development goals in the context of the formation of the "green" agenda; assess the impact of the digital transformation trend on sustainable development goals; identify new opportunities for implementing the concept in a new reality; identify ESG transformation risks and digital transformation risks. Methods. System approach, logical analysis, synthesis. Results. In modern conditions of the functioning of economic systems, sustainable development goals are a guideline for developing strategies not only at the state level, but also at the level of individual companies; ESG transformation is a new vector of business development. As a result of the development of globalization and the strengthening of the influence of transnational corporations, the focus of the concept of sustainable development has shifted from the national level to the corporate one. The general direction of the ESG approach to managing the development of economic systems at all levels will be set by international trends. To the greatest extent, the UN Sustainable Development Goals correlate with the social criterion (11 goals), while the environmental criterion and the criterion of corporate governance account for 8 goals each. Full coincidence in all ESG criteria is observed for two goals ("Industrialization, innovation and infrastructure; Responsible consumption and production"). The most significant for companies in the short term are environmental and social risks; in the long term, the most significant criterion is "assessment of climate risks at the asset level". When developing and implementing corporate strategies, it is necessary to take into account ESG risks, as well as possible threats to economic security (resource substitution, growth of intellectual property, cyberattacks, industrial espionage). Findings. The updated concept of sustainable development makes it possible to ensure economic growth when it is balanced with the needs of society to improve the quality of life, prevent degradation of the natural environment, but subject to ensuring safety and security.

Keywords: sustainable development, ESG criteria, digital transformation, business, business model, strategy, risks, threats, economic security

For citing: Kuklina E. A. The Concept of Sustainable Development in the Projection of Modern Transformational Trends: A New Reality and New Opportunities for Business // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 64–78.

Введение

Термин «устойчивое развитие» (УР) впервые появился в 1987 г. после опубликования аналитического доклада «Наше общее будущее», в котором была зафиксирована необходимость обеспечения развития такого типа, при котором «удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [6]. Собственно концепция УР общества была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся на уровне глав государств и правительств в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро.

Россия присоединилась к процессу достижения УР, что, по нашему мнению, вполне естественно и закономерно, так как эта концепция возникла на основе учения русского философа В.И. Вернадского о ноосфере и соответствует как генетическому коду, так и менталитету русского человека. «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» как официальный документ была утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г. и предполагала последовательное решение ряда таких принципиальных задач, как: «обеспечение стабилизации экологической ситуации; коренное улучшение состояния окружающей среды за счет экологизации экономической деятельности в рамках институцио-

нальных и структурных преобразований; введение хозяйственной деятельности в пределы емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики, структуры личного и общественного потребления» [8].

В июне 2012 г., также в Рио-де-Жанейро, прошла очередная Конференция ООН по УР («Рио плюс 20»), в которой приняли участие 135 глав государств и правительств. К итоговому документу Конференции ООН «Рио плюс 20» Российская Федерация подготовила свои предложения, в том числе и предложение считать ключевыми элементами новой парадигмы УР изменение концепции потребления и концепции ведения бизнеса¹.

Практическая реализация концептуальных положений УР для бизнеса означает существенное увеличение и рост значимости факторов, которые усложняют внешние условия. К таким императивам внешнего окружения организации, как уровень конкуренции, стоимость ресурсов, требования безопасности и др., все активнее добавляются более жесткие экологические требования и социальные аспекты ведения бизнеса. Сейчас уже многие ведущие корпорации достаточно активно используют положения концепции УР в разработке своей корпоративной стратегии и считают важным отразить свою ответственность за сохранение биосферы в будущем [3, 4 и др.].

В третьем тысячелетии возникла необходимость в формировании нового курса по достижению УР, что привело к принятию в 2015 г. «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», включающей 17 целей УР (ЦУР ООН) и 169 задач УР. Сейчас ЦУР ООН служат основным ориентиром для достижения развития устойчивого типа и учитываются при разработке планов и стратегий компаниями как государственного, так и негосударственного (частного) сектора экономики.

Целью настоящего исследования является анализ концепции УР в проекции современных трансформационных трендов, один из которых обусловлен разработкой принципов ответственного инвестирования (в соответствии с ESG-подходом), а второй — процессом цифровой трансформации, отражающим реальности информационной эры.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: рассмотреть эволюцию концептуальных положений УР; выполнить анализ ЦУР ООН в контексте формирования «зеленой» повестки; оценить влияние тренда цифровой трансформации на цели УР; выявить новые возможности реализации концепции УР в условиях новой реальности; определить ESG-риски для бизнеса и угрозы цифровой трансформации экономики.

Материалы и методы

Теоретической и методологической основой исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам УР. Методологическое решение проблем предметной области исследования базируется на диалектических методах познания. В качестве методической основы исследования использовался системный подход, логический анализ, синтез. Информационную базу исследования составили научные публикации в специализированных журналах, интернет-ресурсы.

¹ Доклад о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития. Подготовка к «Рио+20» [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1048natreprus.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

Результаты

Прологом к возникновению концепции УР стало появление в середине XX в. новых взглядов и различных концепций, которые базировались на понятии «социальная ответственность» (концепция социальной ответственности бизнеса; концепция корпоративной социальной ответственности; концепция корпоративной социальной деятельности и др.). В 80-е годы XX в. появилась концепция заинтересованных сторон (стейкхолдеров) и концепция этики бизнеса, а к концу XX века получила признание и стала развиваться на фундаменте имевшегося к тому моменту научного бэкграунда концепция устойчивого развития.

Один из ведущих специалистов в сфере взаимоотношений бизнеса и общества А. Керолл (A. Carroll) справедливо рассматривает эти концепции в контексте развития теории корпоративной социальной ответственности (КСО) как некоего «ядра, согласованного с альтернативными концепциями или трансформирующегося в них» [12, р. 268]. Следует согласиться с тем, что именно «этот подход позволяет перевести проблему из общих рассуждений о роли бизнеса в развитии общества к анализу деятельности конкретного предприятия» [1, с. 19].

Можно сказать, что появлению и дальнейшему развитию концепции УР (как глобальной инициативы) способствовало появление КСО (как управленческой корпоративной инициативы). Но, в отличие от КСО, которая ориентировалась на удовлетворение, большей частью, текущих ожиданий стейкхолдеров, на обеспечение жизнеспособности в краткосрочной и среднесрочной перспективе, УР ориентировано на удовлетворение ожиданий заинтересованных сторон в долгосрочной перспективе. Перечень основных международных инициатив в области УР с характеристикой их значимости (результата) приведен в табл. 1.

Анализ международных инициатив в области УР позволяет сделать следующие выводы: ЦУР ООН стали ориентиром для разработки стратегий УР и социального развития не только на государственном уровне, но и на уровне отдельных компаний, выбирающих те цели, которые в большей степени сочетаются с реализуемой ими бизнес-моделью; новым вектором развития бизнеса в концепции УР является ESG-трансформация. Исследование KPMG показывает, что доля 250 крупнейших компаний, которая выстраивает бизнес-модель, исходя из ЦУР ООН, в 2020 г. составила 72%: 175 из 250 крупнейших компаний в мире ориентируются на ЦУР ООН при формировании бизнес-стратегии (табл. 2).

Основными отраслями, на которые приходится наибольшая доля компаний, выстраивающих бизнес-модель исходя из ЦУР ООН, являются автомобильная и нефтегазовая промышленность. Так, например, деятельность компании ПАО «Газпром нефть» затрагивает все 17 ЦУР ООН, при этом приоритетными являются такие цели, как «Хорошее здоровье и благополучие», «Недорогостоящая и чистая энергия», «Достойная работа и экономический рост», «Борьба с изменением климата».

ESG-подходы, сформулированные ООН, закреплены в документе «Принципы ответственного инвестирования»; перечень принципов постоянно увеличивался и сегодня он состоит уже из 17 позиций. Принципы ответственного инвестирования представляют собой комплекс добровольных принципов в целях минимизации рисков долгосрочного инвестирования посредством включения ESG-факторов в инвестиционные стратегии компаний. По данным британской аудиторско-консалтинговой компании EY, 97% инвесторов сегодня ориентируются на ESG-принципы, принимая решения в отношении инвестирования. ESG-инвестирование как форма социально ответственного инвестирования включает: зеленые облигации, средства от выпуска которых направляются на зеленые/экологические проекты; социальные облигации, средства от выпуска которых направляются на социальные проекты; зеленый кредит для финансирования зеленых/экологических проектов; социальный

**Международные инициативы в области устойчивого развития
и сопряженных областях**

Table 1. International Sustainable Development and Related Areas Initiatives

Год	Веха/Событие	Результат/Значимость
1980-е	Появление концепции КСО	Движение в направлении УР трансформирует бизнес-стратегию компании, выделяя важную роль КСО как стратегической функции предприятия
1992	Конференция ООН по окружающей среде и развитию	Формируется структурированная терминология УР. Принята «Повестка дня на XXI век», направленная на реализацию национальными правительствами концепции глобального УР
1995	Появление термина «цифровая экономика» (digital economy) и концепции электронной экономики	Показаны преимущества использования ИКТ в экономической деятельности
1997	Формирование Глобальной инициативы по отчетности (GRI) в области устойчивого развития	Отражает глобальные инициативы, единые стандарты и рекомендации нефинансовой отчетности компаний; руководство по отчетности в области УР построено таким образом, что оно гармонично сочетается с другими руководствами в области УР (например, «руководством Осло»)
2006	Основание Совета по стандартам раскрытия информации о экологических и природных аспектах деятельности организаций (CDSB)	Организация не занималась разработкой новых стандартов, а использовала уже существующие стандарты для создания своего руководства в помощь компаниям
2007	Представление принципов ответственного инвестирования (PRI), разработанных по инициативе Генерального секретаря ООН	PRI представляют собой комплекс добровольных принципов ответственного инвестирования с целью минимизации рисков долгосрочного инвестирования посредством включения ESG-факторов в инвестиционные стратегии
2011	Утверждение Директивы ЕЭК по нефинансовой отчетности для крупных компаний	Директива обязывает компании раскрывать информацию по социальному и экологическому воздействию на окружающую среду
2015	Формирование Целей устойчивого развития (ЦУР ООН) до 2030 г.	ЦУР направлены на ликвидацию бедности, наращивание экономического роста и решения целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбе с изменением климата и защите окружающей среды. Россия вошла в список из 193 стран, принявших эти цели

Год	Веха/Событие	Результат/Значимость
2016	Включение в структуру GRI трех модульных стандартов. На саммите G20 Рабочая группа по «зеленому» финансированию (GFSG) представила доклад, описывающий важность, цели и перспективы устойчивого развития	Модульные стандарты упростили процедуру подготовки отчетности компаний. Новая структура GRI содержала 33 специализированных стандарта, которые организации могут выбирать по своему усмотрению. В 2018 г. группа была преобразована в Рабочую группу по устойчивому финансированию (SFSG), а ее полномочия были расширены
2017	Разработка рекомендаций в отношении добровольного раскрытия информации о финансовых рисках компаний, которые возникают в связи с глобальным изменением климата (TCFD)	Создание группы по регулированию «зеленой» экономики (NGFS), в которую входят 83 центральных банка и другие органы финансового надзора
2018	На Экономическом форуме в Давосе была поставлена задача научного осмысления новой реальности, обусловленной очередной технологической революцией	Происходящие в мире изменения в связи с активным развитием цифровых технологий существенно меняют повседневную жизнь и ставят перед научным сообществом крайне важную задачу
2019	На ВЭФ была представлена ESG-карта (ESG Ecosystem Map). Публикация 6 принципов ответственного банковского дела, направленных на обеспечение единой основы для развития устойчивой банковской отрасли. Программа ООН по окружающей среде (UNEP FI)	В ESG-карте были объединены все важнейшие ESG-инициативы. Принципы определяют роль и ответственность банковского сектора в формировании устойчивого будущего в соответствии с ЦУР ООН, а также в соответствии с Парижским соглашением по климату 2015 г.
2020	В отчете Всемирного экономического форума впервые широко обсуждались риски, связанные с изменением климата. Принято положение о таксономии ЕС. В феврале 2020 г. на встрече Базельского комитета по банковскому надзору была создана Целевая группа по финансовым рискам (TCFR), связанным с изменением климата	Таксономия способствует достижению целей ЕС по повышению устойчивости к изменению климата, в частности, достижению к 2050 г. нулевых выбросов в атмосферу. Также она призвана обеспечивать наиболее полную картину возможностей для инвесторов, которые помогут выполнить климатические цели Европы (развить низкоуглеродистые сектора, снизить углеродный след в секторах с высоким уровнем выбросов)

Год	Веха/Событие	Результат/Значимость
2021	<p>В марте 2021 г. на встрече SFSG со странами G20 обсуждалась разработка многолетней дорожной карты по устойчивому финансированию с целью рассмотрения основных препятствий и ключевых действий в направлении устойчивого развития для стран G20.</p> <p>В апреле 2021 г. образована новая ассоциация для финансового сектора Net Zero Banking Alliance</p>	<p>С 01.03.2021 г. деятельность всех участников финансового рынка в ЕС должна соответствовать постановлению о раскрытии информации об устойчивом финансировании (SFDR).</p> <p>Net Zero Banking Alliance объединил 43 банка из 23 стран мира, которые к 2050 г. намерены привести свои инвестиционные портфели в соответствии с нулевыми выбросами</p>

Таблица 2

Доля компаний, ориентирующихся на глобальные цели ООН по странам, в порядке убывания (%)

Table 2. Percentage of companies targeting UN global targets by country, in descending order (%)

Страна	2017 г.	2020 г.
Япония	46	96
ФРГ	83	94
Франция	63	78
США	32	54
КНР	5	48
Всего по 250 крупнейших компаний мира	43	72

Источник: KPMG, Survey of Sustainability Reporting, 2020 г.¹

Таблица 3

Характеристика ESG-критериев
Table 3. Characteristics of ESG criteria

	Критерий	Характеристика критерия	ЦУР
Е	Экологический критерий (environmental)	Критерий определяет, насколько компания заботится об окружающей среде. Он включает влияние на изменение климата, учитывает выбросы парниковых газов и меры по его сокращению, расходы воды, соблюдение экологических законов, инициативы в экологии и использование природных ресурсов	№ 6, 7, 9, 11, 12, 13, 14, 15

¹ Рынок ESG-инвестирования в России: настоящее и будущее. FrankRG для Россельхозбанка, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rshb.ru/download-file/472115/> (дата обращения: 18.01.2022).

	Критерий	Характеристика критерия	ЦУР
S	Социальный критерий (social)	Критерий характеризует отношение компании к персоналу, поставщикам, клиентам и партнерам и соблюдение прав человека, условий труда и найма, охраны здоровья и безопасности, учет демографических изменений, борьба с социальной отверженностью и неравенством, поддержка волонтерской работы сотрудников и благотворительных инициатив	№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 16
G	Критерий корпоративного управления (governance)	Критерий отвечает на вопросы «кто управляет компанией и как?». Он связан с эффективностью работы руководства, обоснованностью вознаграждения топ-менеджмента, правами акционеров, структурой и гендерным составом руководителей, налоговой стратегией, эффективностью правовых норм, а также отсутствием мошенничества и коррупции	№ 5, 8, 9, 11, 12, 13, 16, 17

кредит для финансирования социальных проектов; ESG-кредит для финансирования зеленых/экологических и социальных проектов; ESG-облигации и др.¹

Общее направление ESG-подхода к управлению развитием экономических систем всех уровней — от национального до корпоративного — будут задавать международные тренды по УР. Анализ декомпозиции 17 ЦУРООН по ESG-критериям (табл. 3) и их совпадение (табл. 4) позволяет заключить следующее: в наибольшей степени совокупность ЦУР ООН соотносятся с социальным критерием (11 целей из 17), в то время как на экологический критерий и критерий корпоративного управления приходится по 8 целей; полное совпадение по всем ESG-критериям наблюдается по ЦУР № 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура») и ЦУР № 12 («Ответственное потребление и производство»).

Анализ матрицы ESG-критериев (показывающий степень значимости каждого критерия для бизнеса и заинтересованных сторон, а также сложность и сроки достижения данных критериев в стратегии компаний), выполненный FrankRG, показал следующее²:

- наиболее значимыми для компаний в краткосрочной перспективе являются экологические и социальные риски;
- критерий «Оценка климатических рисков на уровне активов» в долгосрочной перспективе не только значим для заинтересованных сторон, но и потенциально может оказать влияние на бизнес, так как затрагивает экологические риски и риски корпоративного управления в долгосрочной перспективе;
- критерий «Стратегия местного экономического влияния» имеет достаточно сложную структуру (включая в себя экологические риски, социальные риски и риски корпоративного управления), охватывая широкую область, поэтому данный ESG-

¹ Руководство по ESG-трансформации предприятий, проект: «Климатически нейтральная хозяйственная деятельность: внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) в РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.good-climate.com/materials/files/214.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

² Рынок ESG-инвестирования в России: настоящее и будущее. FrankRG для Россельхозбанка, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rshb.ru/download-file/472115/> (дата обращения: 18.01.2022).

Матрица ЦУР ООН в разрезе ESG-критериев
 Table 4. UN Sustainable Development Goals Matrix by ESG Criteria

	№ ЦУР ООН																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
E																	
S																	
G																	

критерий существенно не значим ни для заинтересованных сторон и не имеет потенциального влияния на бизнес.

Рассмотрим влияние цифровой трансформации на цели реализации концепции УР, что обусловлено появлением термина «цифровая экономика» (digital economy) и концепции электронной экономики как реалий информационной эры, пришедшей на смену промышленной эре. В 1995 г. на ВЭФ глава MediaLabs в Массачусетском технологическом институте Н. Негропonte в докладе, посвященном преимуществам использования информационно-коммуникационных технологий в экономической деятельности, ввел в оборот понятие digital economy, определив цифровую экономику как экономическую деятельность, основанную на цифровых технологиях. Залогом успеха компании в этой реальности стала гибкость, т.е. способность оперативно реагировать на изменение рыночной ситуации (табл. 5).

На признании ведущей роли ИКТ базируется один из наиболее распространенных подходов к глобализации (О. В. Братимов, Ю. М. Горский, М. Г. Делягин, А. А. Коваленко и др.). Так, например, М. Г. Делягин трактует глобализацию как «вступление

Таблица 5

Различия между промышленной и информационной эрами
 Table 5. Differences between the Industrial Era and the Information Era

Промышленная эра	Информационная эра
Рынок продавца	Рынок покупателя
Предсказуемость	Непредсказуемость
Эволюционное развитие	Скачкообразное развитие
Капитал — ограниченный ресурс	Менеджмент и информация — ограниченный ресурс
Рентабельность за счет эффекта масштаба	Рентабельность за счет гибкости
Ориентация на внутренний рынок	Ориентация на глобальный рынок
Постоянный рост	Быстрое реагирование
Максимизация прибыли на вложенный капитал	Расширение полномочий сотрудников
Планирование «сверху вниз»	Учет мнений всех сотрудников
Иерархическая структура	Децентрализация
Концентрация на финансовых показателях	Концентрация на финансовых и нефинансовых показателях
Согласованность действий	Свобода инноваций

в стадию постиндустриального общества, как качественное изменение характера экономики под воздействием компьютерных технологий» [2]. Это, конечно, так и есть, но сущность глобализации проявляется также в сращивании экономик стран мира в единую экономику при одновременном подчинении национальных экономик транснациональным (в основном, англо-американским корпорациям), что предметно рассмотрено в работе У. Г. Николаевой [7]. Этот факт, безусловно, необходимо учитывать при исследовании перспектив достижения УР. Результатом развития глобализации и усиления влияния транснациональных корпораций стало смещение фокуса концепции УР от национального уровня — к корпоративному уровню.

Понятие цифровой экономики можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В узком смысле слова цифровая экономика рассматривается как часть экономики или ее определенный сектор, характеризующийся бизнес-моделями, основанными исключительно на цифровых технологиях, т. е. сектор электронной коммерции. В более широком смысле слова цифровая экономика представляется не только как электронная коммерция, основанная на онлайн-технологиях, но и реальное производство, основанное на внедрении цифровых технологий непосредственно в процесс создания экономических благ.

По оценке, к 2030 г. рост ВВП будет более чем на 50% обусловлен процессом цифровизации (1,47% из 2,75% ежегодного прироста ВВП), в первую очередь, в результате повышения эффективности и конкурентоспособности всех секторов экономики [9, с. 38]. К 2030 г. цифровизация секторов экономики, согласно расчетам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, обеспечит 18,4% роста ВВП России, что больше, чем совокупный вклад всех прочих факторов; а если учитывать общий вклад цифровизации секторов экономики и вклад индустрии информации, то это составит 20,7% роста ВВП (табл. 6).

Мы согласны с мнением В. М. Кулькова о том, что современная экономика представляет собой, собственно, результат цифровой трансформации [5]. При этом цифровую трансформацию можно определить как совокупность качественных изменений в бизнес-процессах или бизнес-моделях в результате внедрения цифровых технологий, которые приводят к значительным социальным-экономическим эффектам. Внедрение цифровых технологий сокращает расстояния, ускоряет сделки, вытесняет с рынка посредников; все больше компаний стремятся перенести бизнес-процессы в цифровую среду, тем самым существенно снижая транзакционные издержки и значительно повышая уровень экономической деятельности.

Важнейшим конкурентным преимуществом компании становится способность обработки и анализа больших объемов данных, а предпосылкой УР-способность в разы быстрее, чем 20–30 лет назад, реагировать на изменяющиеся потребности клиентов и быстро выводить на рынок новую продукцию и новые услуги через электронные каналы продаж. Сегодня именно цифровые гиганты (Facebook, Google, Microsoft, Apple, Amazon) достигли рекордной рыночной капитализации, а их совокупная стоимость составляет значительную долю от всего биржевого индекса S&P 500 [10, с. 8]. Столь сильные рыночные изменения связаны с распространением бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях, примерами которых являются:

- цифровые платформы и экосистемы, позволяющие ускорить доступ и сократить затраты потребителей к товарам и услугам;
- новые системы финансирования, включая краудфандинг;
- монетизация персональных данных и профилей, обеспечивающая таргетированное предложение, включая ценообразование и формирование индивидуализированных пакетов продуктов и услуг;
- сервисные модели предоставления ресурсов (Bank-as-a-Service — BaaS; Infrastructure-as-a-Service — IaaS).

Оценка вклада цифровизации в рост ВВП Российской Федерации

Table 6. Assessment of the contribution of digitalization to gross domestic product growth in the Russian Federation

Год	Вклад цифровизации в рост ВВП России накопленным итогом, %		
	вклад цифровизации секторов экономики	вклад индустрии информации	за счет прочих факторов
2017	1,0	0,1	0,4
2018	2,2	0,2	0,9
2019	3,0	0,3	1,3
2020	4,3	0,4	1,9
2021	5,6	0,6	3,5
2022	6,9	0,8	5,2
2023	8,3	1,0	6,8
2024	9,7	1,2	8,5
2025	11,1	1,3	10,2
2026	12,5	1,5	11,9
2027	13,9	1,7	13,6
2028	15,3	1,9	15,2
2029	16,6	2,1	16,7
2030	18,4	2,3	17,8

Источник: [11, с. 12].

В качестве примера внедрения новой бизнес-модели, соответствующей цифровой трансформации компании добывающей отрасли, можно привести «Добычу как услугу» (Mining-as-a-Service). В соответствии с этой моделью, важной характеристикой которой является построение широкой партнерской сети, добычу и переработку полезных ископаемых осуществляет сервисная компания, а их продажу — владелец прав на ресурсы [13].

Компании будут активнее использовать преимущества цифровых технологий в своей деятельности, так как все большее число хозяйствующих субъектов интегрируют ESG-принципы в стратегии бизнеса. В новой реальности цифровая трансформация объективно является одним из ключевых факторов устойчивого развития, цифровые технологии позволяют прогнозировать результаты производственных процессов, обеспечивают прозрачность и эффективность деятельности, создают новые возможности роста. Недаром сегодня термин ESdIGital (синергия «ESG» и «Digital») логично встраивается в повестку ответственного ведения бизнеса.

Обсуждение

Несмотря на то, что ведущие компании мира уже восприняли ESG-трансформацию как объективную реальность и выстраивают свои бизнес-процессы в соответствии с принципами экологичности, социальности и корпоративности, существуют ESG-риски, которые необходимо учитывать при формировании корпоративных стратегий.

Основным E-риском является влияние климатического фактора. Во многих странах разработана и реализуется государственная политика защиты окружающей среды, накладывающая соответствующие ограничения на экономическую деятельность компаний. Введение углеродного налога на импортные товары, ввозимые в страны ЕС, будет оказывать негативное влияние на капитализацию компаний, если не принять должные меры.

S-риски обусловлены влиянием, которое компания оказывает на стейкхолдеров (сотрудников, клиентов, поставщиков, местные сообщества), и нарушение социальных критериев приводит к негативным последствиям для компаний. Улучшению ESG-рейтинга компании будут способствовать создание благоприятных условий труда, эффективная система мотивации персонала, внедрение корпоративных пенсионных программ, предотвращение недобросовестных продаж и т. д.

Развитие корпоративных G-принципов характеризуется ростом интереса к сбалансированному корпоративному управлению, которое становится более технологичным, точным и измеряемым. Нарушение нормативных требований, кодекса корпоративного управления, несоблюдение корпоративной этики, несвоевременное раскрытие информации и нарушение интересов акционеров могут повлечь за собой финансовый и репутационный ущерб компании.

Цифровая трансформация экономики влечет за собой существенные изменения в отношениях собственности, вносит коррективы в систему взаимодействия между собственниками и пользователями. Возможность получения доступа к благам ценится гораздо выше, чем обладание ими, а коммерциализация объектов личного пользования становится нормой. Этот феномен получил название «экономики совместного пользования», особенностью которой является то, что владение рыночными товарами устаревает, а право владения постепенно заменяется правом доступа к использованию ресурсов. Открытой платформой для заключения сделок вместо рынков выступают интернет-порталы и мобильные приложения, что несет серьезные риски для собственников и государства. Отсутствие юридически оформленных обязательств участников сделки ведет к риску ненадлежащего использования чужой собственности. Для государства новая модель сопровождается риском снижения налоговых поступлений в бюджет и увеличением объемов теневой экономики.

Цифровая трансформация несет также угрозы экономической безопасности бизнеса. Вне зависимости от национальных условий функционирования хозяйствующих субъектов, в качестве таких угроз можно отметить: ресурсное замещение, связанное с высокими альтернативными издержками; рост интеллектуальной собственности; атаки хакеров; промышленный шпионаж. Для преодоления этих угроз необходимо смещение акцента на нематериальную сферу, где первостепенны человеческие знания и навыки, внедрение систем кибербезопасности и защиты коммерческой тайны.

Заключение

В результате выполненного исследования сделаны следующие выводы.

1. В современных условиях функционирования экономических систем цели устойчивого развития, сформулированные ООН, являются ориентиром для разработки стратегий развития не только на государственном уровне, но и на уровне отдельных компаний; новым вектором развития бизнеса в концепции УР является ESG-трансформация.
2. Результатом развития глобализации и усиления влияния транснациональных корпораций стало смещение фокуса концепции УР от национального уровня — к корпоративному уровню.

3. Общее направление ESG-подхода к управлению развитием экономических систем всех уровней (от национального до корпоративного) будут задавать международные тренды по УР.
4. В наибольшей степени совокупность ЦУР ООН соотносятся с социальным критерием (11 из 17 целей), в то время как на экологический критерий и критерий корпоративного управления приходится по 8 целей; полное совпадение по всем ESG-критериям наблюдается по двум целям: «Индустриализация, инновации и инфраструктура»; «Ответственное потребление и производство».
5. Наиболее значимыми для компаний в краткосрочной перспективе являются экологические и социальные риски; в долгосрочной перспективе наиболее значим критерий «Оценка климатических рисков на уровне активов».
6. При разработке и реализации корпоративных стратегий необходимо учитывать ESG-риски, а также возможные угрозы экономической безопасности (ресурсное замещение, рост интеллектуальной собственности, кибератаки, промышленный шпионаж).

Осознание важности УР и пересмотр глобального взгляда на мир пришли в последней четверти XX в., когда стала очевидной степень обострения системных кризисов и глобальных вызовов общественному развитию, проявившихся в нарастании экологических проблем, изменении климата, уровне социального неравенства. Устойчивым (сбалансированным) развитием стали обозначать равновесное состояние социально-экономических систем различного уровня, которое возможно достигнуть при равновесии трех ключевых составляющих: экономический рост, экологический баланс и социальная ответственность.

Концепция УР эволюционно развивалась, впитывая в себя прогрессивные достижения человеческой мысли и к началу третьего тысячелетия стала более конкретной и осязаемой. Необходимо подчеркнуть, что ее становление и развитие проходило в других, более предсказуемых условиях, которых в настоящее время уже не существует. «Зеленая» повестка стала предельно политизированной, а инициатива нетто-нейтральности («нулевого» углеродного следа) ЕС превратилась в инструмент конкурентной борьбы за ресурсы и территории.

В современных условиях становления многополярного мира, глобального изменения прежней архитектуры мира, социально-экономического и политического ландшафта, концепция УР объективно не может не измениться. В этой реальности устойчивое, сбалансированное развитие социально-экономической системы достигается при равновесии трех ключевых составляющих (экономический рост, экологический баланс, социальная ответственность), но при одном необходимом условии: обеспечение безопасности и защищенности этой системы.

Таким образом, актуализированную концепцию УР можно охарактеризовать как концепцию, позволяющую обеспечить экономический рост при его сбалансированности с потребностями общества по улучшению качества жизни, предотвращению деградации окружающей природной среды, обеспечению безопасности и защищенности. По нашему мнению, именно в этом направлении будет осуществляться дальнейшая эволюция концепции УР.

Литература

1. Благов Ю. Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. 2004. № 3. С. 17–34.
2. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М. : Инфра-М, 2003. 768 с.
3. Камынин В. А. Устойчивое развитие компании: трактовка, методы и модели // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 4. С. 533–550.
4. Куклина Е. А. Стратегия цифровой трансформации как инструмент реализации бизнес-стратегии компании нефтегазового сектора современной России // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 40–53.

5. Кульков В. М. Цифровая экономика: надежды и иллюзии // *Философия хозяйства*. 2017. № 5. С. 145–156.
6. *Наше общее будущее*. Доклад субъектов Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / под ред. и с послесл. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. М. : Прогресс, 1989. 376 с.
7. Николаева У. Г. Экономическая архаика и современность. М.: «Дашков и К^о», 2005. 224 с.
8. *О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию*: Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 // *Российская газета*. 1996. № 67.
9. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение* / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг. М. : Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. С. 35–36.
10. *Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты*: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская, К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; науч. ред. Л. М. Гохберг, П. Б. Рудник, К. О. Вишнеvский, Т. С. Зинина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 239 с.
11. *Цифровая трансформация экономики: государство, бизнес, общество*: монография / науч. ред. Н. П. Кононкова. М. : ТЕИС, 2019. 160 с.
12. Carroll A. B. (1999). Corporate social responsibility: Evolution of definitional construct // *Business and Society*. 1999. P. 268–295.
13. Dunbar W., Fraser J., Reynolds A., Kunz N. Mining Needs New Business Models // *The Extractive Industries a. Soc.* 2020. Vol. 7. N 2. P. 263–266.

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; jeakuklina@mail.ru

References

1. Blagov Yu. E. Concept of Corporate Social Responsibility and Strategic Management // *Russian Management Journal [Rossiiskii zhurnal menedzhmenta]*. N 3. 2004. P. 17–34 (in Rus).
2. Delyagin M. G. World crisis. General theory of globalization. M.: Infra-M, 2003. 768 p. (in Rus).
3. Kamynin V. A. Sustainable development of the company: interpretation, methods and models // *Russian entrepreneurship [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]*. 2017. Vol. 18. N 4. P. 533–550 (in Rus).
4. Kulkina E. A. Digital transformation strategy as a tool for implementing the business strategy of a company in the oil and gas sector of modern Russia // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 6. P. 40–53 (in Rus).
5. Kulkov V. M. Digital economy: hopes and illusions // *Philosophy of economy [Filosofiya khozyaistva]*. 2017. N 5. P. 145–156 (in Rus).
6. *Our shared future*. Report of the actors of the International Commission on Environment and Development (ICAD): Translation from English/Ed. of S. A. Evteeva and R. A. Perelet. M.: Progress, 1989. 376 p. (in Rus).
7. Nikolaeva U. G. Economic Archaic and Modernity. M.: “Dashkov and Co.,” 2005. 224 p. (in Rus).
8. *On the Concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development*: Decree of the President of the Russian Federation of April 01, 1996 N 440 // *Rossiyskaya Gazeta*. 1996. N 67. (in Rus).
9. *What is the digital economy? Trends, competencies, measurement* / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg and others; scientific. ed. L. M. Gohberg. M.: Ed. House of the Higher School of Economics. 2019. P. 35–36 (in Rus).
10. *Digital transformation of industries: starting conditions and priorities*: report to XXII April international scientific. conf. on the development of the economy and society, Moscow, April 13–30, 2021 / G. I. Abdrakhmanova, K. B. Bykhovsky, N. N. Veselitskaya, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg and others. Higher School of Economics. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 239 p. (in Rus).

11. Digital transformation of the economy: state, business, society: Monograph/collective of authors: under scientific. ed. N. P. Kononkova. M.: TEIS, 2019. 160 p. (in Rus).
12. Carroll A. B. (1999). Corporate social responsibility: Evolution of definitional construct // Business and Society. 1999. P. 268–295.
13. Dunbar W., Fraser J., Reynolds A., Kunz N. Mining Needs New Business Models // The Extractive Industries a. Soc. 2020. Vol. 7. N 2. P. 263–266.

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Associate Professor; jeakuklina@mail.ru

Ментальные карты стратегических альянсов

*Лапыгин Ю. Н. *, Розенков М. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал), г. Владимир, Российская Федерация; *lapugin.y@gmail.com

РЕФЕРАТ

Актуальность задач построения партнерских отношений организаций, участвующих в цепочке создания ценности, с одной стороны, определяется стремлением снизить транзакционные издержки, а с другой стороны, необходимостью получить конкурентные преимущества на рынке товаров и услуг. Стратегические намерения взаимодействующих организаций согласовываются при формировании альянсов путем договоренностей о взаимных обязательствах. Свои достоинства и недостатки имеют такие формы объединения организаций, как метаорганизации, кластеры и бизнес-экосистемы. Целью настоящего исследования выступает определение основного содержания указанных форм объединения участников совместной деятельности, что открывает возможности выделить отличительные признаки для корректировки определений каждой из форм. В числе методов исследования использованы модели построения ментальных карт, метода парных сравнений и формирования блоков характеристик, логического анализа и синтеза информации в рамках предметной области исследования. В настоящей работе определено основное содержание указанных форм объединения организаций, а также их достоинства и недостатки как исходных категорий. В итоге даны новые определения указанных категорий, а также показаны их взаимосвязи, общие и особенные характеристики.

Ключевые слова: альянс, метаорганизация, кластер, бизнес-экосистема, достоинства, недостатки

Для цитирования: *Лапыгин Ю. Н., Розенков М. А.* Ментальные карты стратегических альянсов // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 79–87.

Mental Maps of Strategic Alliances

Yury N. Lapugin, Mikhail A. Rozenkov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir Branch of the RANEPА), Vladimir, Russian Federation; *lapugin.y@gmail.com

ABSTRACT

The relevance of the tasks of building partnerships between organizations participating in the value chain, on the one hand, is determined by the desire to reduce transaction costs, and on the other hand, by the need to gain competitive advantages in the market of goods and services. The strategic intentions of interacting organizations are coordinated when forming alliances through agreements on mutual obligations. Such forms of association of organizations as meta-organizations, clusters and business ecosystems have their advantages and disadvantages. The purpose of this study is to determine the main content of these forms of association of participants in joint activities, which opens up the possibility of identifying distinctive features for adjusting the definitions of each of the forms. Among the research methods, models for constructing mental maps, the method of paired comparisons and the formation of blocks of characteristics, logical analysis and synthesis of information within the subject area of research were used. This paper defines the main content of these forms of association of organizations, as well as their advantages and disadvantages as initial categories. As a result, new definitions of these categories are given, as well as their interrelations, general and special characteristics.

Keywords: alliance, meta-organization, cluster, business ecosystem, advantages, disadvantages.

Альянс как социально-экономическая система представляет собой объединение на основе партнерских обязательств по сотрудничеству участников цепочки создания ценности для достижения согласованных целей. Анализ научных публикаций свидетельствует о том, что альянсы обеспечивают реализацию синергических эффектов, которые проявляются в снижении транзакционных издержек, росте доходов и улучшении в целом показателей участников альянса. Альянсы позволяют расширять рыночные возможности как за счет освоения новых рынков, так и в силу роста конкурентоспособности участников. А кооперация и обмен лучшими практиками делают доступными инновационные решения для всех участников альянса, что открывает новые возможности для развития и укрепления репутации альянса, подтверждая устойчивость его функционирования.

Для координации взаимодействия участников альянса и решения коллективных задач могут создаваться управляющие компании, которые в рамках концепции метаорганизации [14], предложенной Йораном Арне и Нильсом Брунссоном, по своим характеристикам будут отличаться от самих организаций участников альянса, созданных физическими лицами. Метаорганизации не только обеспечивают эффективное функционирование цепочки создания ценности, но и по наблюдениям исследователей улучшают циркуляцию информационных потоков в части внедрения новшеств. То есть метаорганизация представляет собой формализованное объединение нескольких юридических лиц, принадлежащих либо к одной отрасли, либо связанных географически, либо объединенных схожим родом деятельности [8].

Если описания метаорганизации, полученные в результате обзора литературных источников, сгруппируем в блоки, представленные на рис. 1, то полученная ментальная карта даст общее представление об основных элементах рассматриваемого явления, что обеспечит построение формулировки метаорганизации как категории менеджмента. Таким образом, метаорганизация — организация, обеспечивающая кооперацию самостоятельных участников-учредителей в реализации согласованных решений.

Достоинства метаорганизации базируются на координации механизмов достижения согласованных целей стратегического развития в процессе сотрудничества конкурирующих между собой организаций-учредителей. Причем сотрудники указанных организаций могут работать на принципах краудсорсинга для решения сложных задач, а принятие решений основано на консенсусе участников. Передача инноваций и лучших практик среди участников обеспечивает проявление новых положительных качеств, которые можно объяснить реализацией закона синергии.

Однако разнообразие метаорганизаций не позволяет вывести универсальных правил создания таких структур, что требует всякий раз выработать принципы взаимодействия участников, как в соглашениях о создании альянсов. Разнородная корпоративная культура создает почву для возможности оппортунистического поведения участников, в том числе — невыполнение взятых на себя обязательств и утечки конфиденциальной информации конкурентам.

В некоторых случаях метаорганизации рассматриваются исследователями как координационный орган кластера, способный обеспечить достижение согласованных целей развития организаций [1].

Первоначально Альфред Маршал, а вслед за ним и Майкл Портер [29] сформулировали основные положения о таком явлении, как кластер, которое представляет собой объединение организаций, географически близко расположенных друг

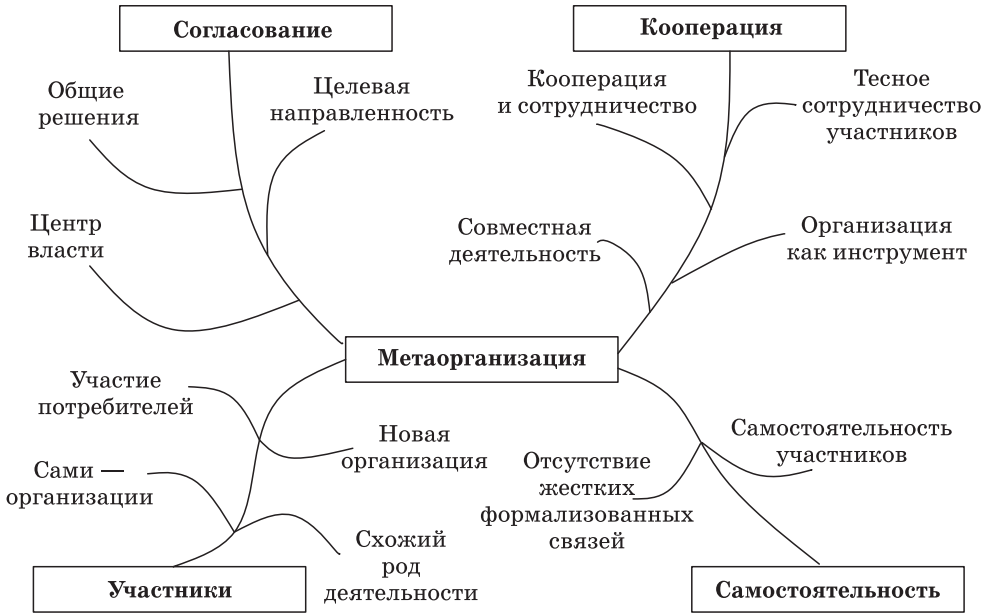

Рис. 1. Ментальная карта метаорганизации
 Fig. 1. Mental map of meta-organization

Источник: построено авторами по: [1; 5; 6; 17; 22].

относительно друга и связанных общей сферой деятельности. Причем, кооперируясь, участники кластера реализуют синергические эффекты и повышают свою инновационную активность.

Вслед за ними, рассматривая указанное явление с разных точек зрения, исследователи сформулировали большое разнообразие определений кластера, среди которых можно привести результаты разработок таких зарубежных исследователей, как М. Энрайт [19], С. Розенфельд [31], Э.Дж. Фезер [20], Т. Руланд [30], Э. Бергман [16], Т. Андерсон [15]. Причем, как отмечают Н. М. Розанова и Е. Д. Костенко [10, с. 46], наблюдается постоянное совершенствование процедур наращивания конкурентных преимуществ участниками кластеров.

Описания особенностей кластера, полученные в результате анализа публикаций исследователей, упорядочены построением блоков методом парных сравнений, а содержание блоков отражает то особенное, что составляет основу ментальной карты, представленной на рис. 2.

Содержание полученной схемы позволяет дать такое определение. Кластер — сеть организаций цепочки создания ценности, в которой управляющая компания обеспечивает реализацию кластерных эффектов на базе партнерских коммуникаций интегрированных участников.

К достоинствам кластерных структур исследователи относят эффекты, основанные на законе синергии, который проявляется и в снижении издержек (как прямых — например, транспортных, так и косвенных — транзакционных), и минимальное дублирование работ со стороны участников кластера, а также возможность привлечения лучших партнеров к совместной деятельности.

Что касается конкурентных преимуществ в части инновационности, то здесь отмечается не только прирост новых знаний и их трансляция среди участников, но и передача инноваций из других отраслей. Особо выделяется рост человеческого

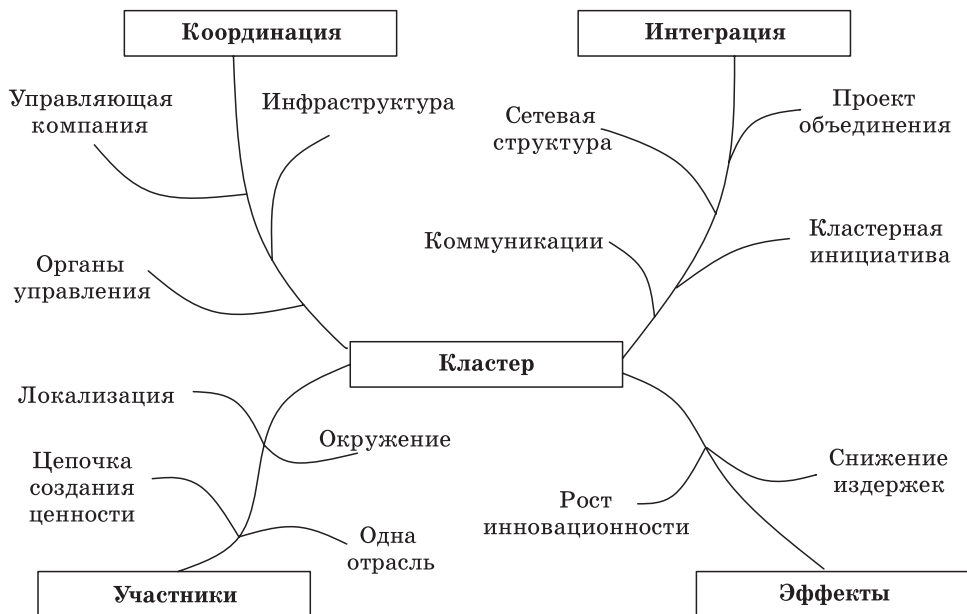

Рис. 2. Ментальная карта кластера
 Fig. 2. Cluster mental map

Источник: построено авторами по: [3; 4; 21; 23; 24; 25; 27].

капитала и рациональное разделение труда, что обеспечивает устойчивую работу кластера. А рост объемов выпускаемой продукции ведет к увеличению числа новых рабочих мест.

Однако вертикальная интеграция участников кластера при их чрезмерной специализации создает зависимость от партнеров, а разные целевые ориентации участников требуют обязательной выработки правил взаимодействия, иначе разнородная корпоративная культура будет создавать много проблем в сфере коммуникаций и способствовать утечки информации за пределы кластера.

Но, как подводит итог своего анализа группа отечественных исследователей из МИСИС, «кластерные объединения имеют потенциал перерождения в экосистему» [13, с. 130], которую авторы склонны считать следующим этапом в развитии кластерных структур, еще далее отстоящим от иерархических построений связей внутри организаций и за их пределами [14].

В этом случае экосистема представляется, как отмечают В. В. Стаценко и И. И. Бычкова [12], как открытая и саморазвивающаяся сетевая система участников, отличающаяся от стратегических альянсов тем, что система концентрирует свое внимание не на продукте, а на креативных решениях; приоритетом выступают инновационность и скорость реализации креативных решений; традиционные цепочки создания ценности замещаются мобильными сетями, стирающими географические и кросскультурные границы и развивающими межотраслевое взаимодействие участников экосистемы. При этом все участники экосистемы получают выгоду как в продолжительной, так и кратковременной формах сотрудничества.

Категорию «экосистема» ввел в научный оборот американский ученый Джеймс Мур, который предложил по аналогии с биологией рассматривать совокупность взаимодействующих организаций и отдельных физических лиц как организм делового мира [28]. То есть экосистему Дж. Мур рассматривал как биосистему: сово-

купность живых организмов, связанных между собой и размещенных в среде обитания. Причем связи между организмами обеспечивают обмен ресурсами (энергией). Дж. Мур предлагал рассматривать хозяйствующие субъекты как системы, которые относятся к нескольким отраслям хозяйственной деятельности, что позволяет «на стыке отраслей» создавать новые инновационные решения.

Развивая идеи Дж. Мура, последователи рассматривают уже бизнес-экосистемы как «свободные сети поставщиков, дистрибьюторов, аутсорсинговых компаний, производителей сопутствующих продуктов и услуг, поставщиков технологий и множества других организаций, которые влияют на создание и реализацию собственных предложений компании» [11; 26].

Построим определение экосистемы как социально-экономической категории, исходя из описаний, полученных в результате обзора научной литературы, для чего группируем вербальные блоки характеристик, из которых затем построим ментальную карту (рис. 3), которая позволит дать следующее определение. Экосистема — кластер, обеспечивающий коэволюцию участников, клиентов и внешней среды в процессе стратегического развития и партнерского взаимодействия участников.

Среди сильных сторон экосистемы выделяется возможность получения быстрого доступа к информации и инновационным решениям, получаемым извне, поэтому все больше речь среди исследователей заходит об объединении участников экосистем вокруг цифровых платформ, повышающих к тому же гибкость их взаимодействия. Быстрое и комплексное масштабирование уникальных интегрированных инновационных решений становится возможным в силу создания условий для проявления синергических эффектов. Кроме того, уникальный опыт взаимодействия с клиентом, который становится частью экосистемы, обеспечивает гибкое сотрудничество в струк-

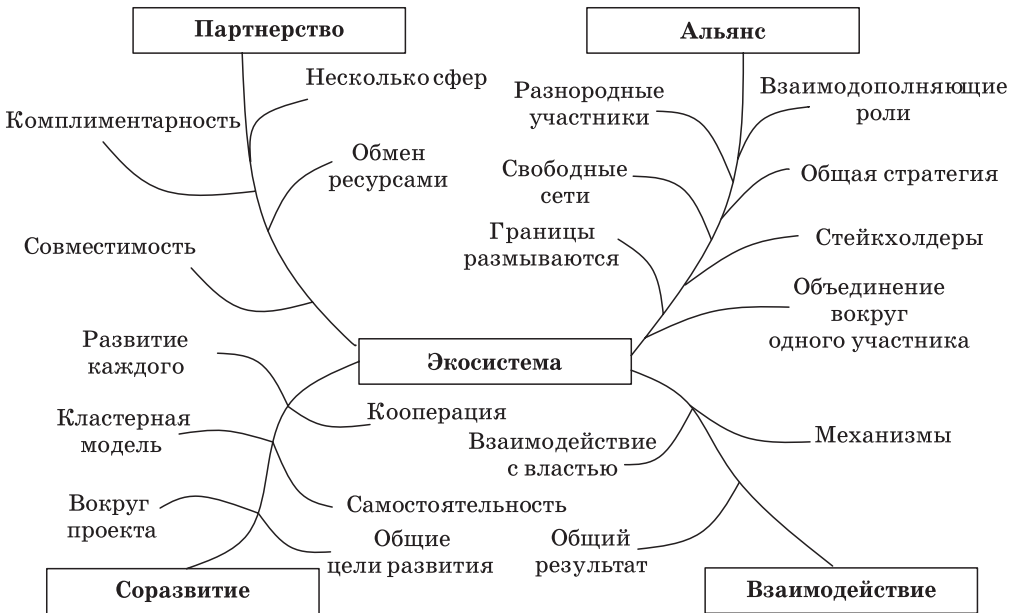

Рис. 3. Ментальная карта бизнес-экосистемы
Fig. 3. Mental map of the business ecosystem

Источник: построено авторами по: [2; 7; 9; 12; 18].

туре экосистемы. Причем сотрудничество вне географических и культурных барьеров, что укрепляет межотраслевое взаимодействие экосистемы и открывает широкий доступ к возможностям в части комбинаций ресурсов участников и получения ими большей ценности от совместной деятельности. Сами участники меняются, чтобы лучше соответствовать требованиям внешней среды, которая отчасти становится частью экосистемы. Экосистема становится высоко адаптивной сетью, ценность которой растет за счет присоединения к ней каждого последующего участника.

Одновременно с достоинствами исследователи отмечают, что динамизм перемен экосистем требует постоянных корректировок. В качестве негативных аспектов называются и замыкание системы самой на себя, и монополизация рынка экосистемой. К числу недостатков относят риски в деятельности системы (налоговый, стратегический, репутационный, социокультурный, кибератак), а также то, что за конечный результат отвечает главный участник экосистемы. Независимость участников рассматривается, с одной стороны, как достоинство для участников, но, с другой стороны, это же качество для системы в целом требует дополнительных усилий по координации взаимодействия, что делает необходимым создание дополнительной структуры (подразделения) по контролю и обмену лучшими практиками. В условиях самоорганизации экосистемы значительно возрастает потребность в компетенциях командной работы соратников.

Таким образом, установлено, что экосистема как организационная форма представляет собой стадию развития, следующую за кластером, но в отличие от него включает в число участников и потребителя, и иные элементы внешней среды, что характерно для метаорганизаций.

Общим для рассмотренных структур выступает кооперация в достижении согласованных целей участников в реализации совместных проектов.

Литература

1. *Бакаленко А. В.* Использование краудсорсинга для создания метаподразделений // Вестник Омского ун-та. Сер.: Экономика. 2019. Т. 17. № 1. С. 49–62. DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(1).49-62.
2. *Быстров А. В., Толстых Т. О., Агаева А. М.* Модель экосистемных рисков экономической безопасности предприятий промышленной экосистемы // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2020. № 2 (34). С. 14–28.
3. *Зотов В. Б.* Кластерные системы в экономике города // Научные труды Вольного экономического общества России. 2007. Т. 82. С. 206–220.
4. *Ковалев Е. А.* Кластер как метаорганизация // Ученые записки: Научно-практический журнал. 2021. № 4. С. 35–39.
5. *Ковалев Е. А.* Связь типологии метаорганизаций с кластерным подходом // Вестник ВлГУ. Сер.: Экономические науки. 2021. № 3 (29). С. 5–9.
6. *Котляров И. Д.* Эволюция подходов к пониманию природы хозяйственной ячейки // Вестник Московского ун-та. Сер. 6. Экономика. 2016. № 5. С. 3–24.
7. *Никитаева А. Ю., Сердюков Р. Д.* Развитие цифровых экосистем промышленных предприятий в регионах Юга России // Региональная экономика. Юг России. 2020. Т. 8. № 3. С. 105–117.
8. *Осокин Н. А.* Механизм стимулирования инновационной деятельности профессиональных спортивных организаций : дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. [Место защиты: ФГБОУВО Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации]. М., 2021. 180 с.
9. *Портер М. Э.* Конкуренция : пер. с англ. : учеб. пособие. М. : Издательский дом «Вильямс», 2006. 495 с.
10. *Розанова Н. М., Костенко Е. Д.* Инновационные кластеры и кластерная политика государства: провалы рынка vs провалы государства // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 1. С. 41–52.
11. *Сердюков Р. Д.* Сущность и структурные компоненты цифровой экосистемы промышленного предприятия // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 29 (3). С. 300–304.

12. Стаценко В. В., Бычкова И. И. Экосистемный подход в построении современных бизнес-моделей // Индустриальная экономика. 2021. № 1. С. 45–61.
13. Толстых Т. О., Шмелева Н. В., Агаева А. М. Методика оценки уровня зрелости экономической безопасности предприятий в промышленных экосистемах // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 4 (51). С. 126–143.
14. Ahrne G., Aspers P., Brunsson N. The organization of markets // Organization Studies, 2015. N 36 (1). P. 7–27.
15. Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik J., Hansson E. W. The Cluster Policies Whitebook // Malmö, Sweden: International organisation for knowledge economy and enterprise development. 2004. 250 p. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/08/08/1256387033/The_Cluster_Policies_Whitebook_-_IKED.pdf (дата обращения: 18.01.2022).
16. Bergman E. M., Feser E. J. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications. Regional Research Institute, WVU, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/chapter3.htm> (дата обращения: 18.01.2022).
17. Berkowitz H. (2018). Meta-organizing firms' capabilities for sustainable innovation: A conceptual framework // Journal of Cleaner Production. N 175. P. 420–430.
18. Camarinha-Matos L. M., Afsarmanesh H. 2008. Collaborative Networks: Reference Modeling. Springer Science & Business Media. DOI: 10.1007/978-0-387-79426-6.
19. Enright M. et al. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results // Working Paper Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program University of Hong Kong and the Competitiveness Institute Barcelona, Spain. 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://www.paca-online.org/cop/docs/Michael_Enright_Survey_on_the_characterization_of_regional_clusters.pdf (дата обращения: 18.01.2022).
20. Feser E. J., Sweeney S. H. A test for the coincident economic and spatial clustering of business enterprises // Journal of Geographical Systems. 2000. Vol. 2. P. 349–373.
21. Ganne B., Yveline L. Asian Industrial Clusters, Global Competitiveness and New Policy Initiatives. Singapore, SG: World Scientific, 2009.
22. Garaudel P. Exploring meta-organizations' diversity and agency: A meta-organizational perspective on Global Union Federations // Scandinavian Journal of Management. Vol. 36. Is. 1. March 2020.
23. Grashof N. Firm-specific cluster effects: A meta-analysis // Pap Reg Sci. 2020. N 99. P. 1237–1260. DOI: 10.1111/pirs.12526.
24. Hamel G. What matters now: How to win in a world of relentless change, ferocious competition, and unstoppable innovation. Bass, Wiley, 2012.
25. Henn S., Bathelt H. Cross-local knowledge fertilization, cluster emergence, and the generation of buzz. Industrial & Corporate Change. Jun 2018, Vol. 27. Is. 3. P. 449–466. DOI: 10.1093/icc/dtx036.
26. Iansiti M., Levien R. Strategy as Ecology // Harvard Business Review. March 2004 [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr.org/2004/03/strategy-as-ecology> (дата обращения: 29.04.2020).
27. Lapygin Y. N., Kovalev E. A., Kuznetsova S. N., Garina E. P., Kozlova E. P. (2022) Clustering as a Model of Regional Development // Cooperation and Sustainable Development. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 245 (0,6/0,45). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_184.
28. Moore J. F. The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems. New York : HarperCollins, 1996. 297 p.
29. Porter M. Location, competition, and economic development: local clusters in a global economy // Economic Development Quarterly. 2000. Vol. 14. N 1. P. 15–34.
30. Roelandt T., den Hertog P. Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making in OECD Countries: An Introduction to the Theme // Boosting Innovation: The Cluster Approach, Paris: OECD. 1999. P. 9–23.
31. Rosenfeld S. et al. A Governor's Guide to Cluster-Based Economic Development. Washington D. C.: National Governor's Association, 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nga.org/cda/files/AM02Cluster.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).
32. Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N., Lapygin Y. Regional Development in Russia: An Ecosystem Approach to Territorial Sustainability Assessment. Sustainability2020, 12, 6424. DOI: 10.3390/su12166424.

Об авторах:

Лапыгин Юрий Николаевич, профессор кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте

Российской Федерации (г. Владимир, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; lapygin.y@gmail.com

Розенков Михаил Алексеевич, аспирант кафедры менеджмента Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Владимир, Российская Федерация); Mehel33@mail.ru

References

1. Bakalenko A.V. Using crowdsourcing to create metadivisions // Bulletin of Omsk University [Vestnik Omskogo un-ta]. Ser. "Economy".2019. Vol. 17. N 1. P. 49–62. DOI: 10.25513/1812-3988.2019.17(1).49-62. (In rus)
2. Bystrov A.V., Tolstykh T.O., Agaeva A.M. Model of ecosystem risks of economic security of industrial ecosystem enterprises // Models, systems, networks in economics, technology, nature and society [Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve 2020. N 2 (34). P. 14–28. (In rus)
3. Zotov V.B. Cluster systems in the city economy // Scientific works of the Free Economic Society of Russia [Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii]. 2007. Vol. 82. P. 206–220. (In rus)
4. Kovalev E. A. Cluster as a meta-organization // Uchenye zapiski: Scientific and practical journal [Uchenye zapiski: Nauchno-prakticheskii zhurnal]. 2021. N 4. P. 35–39. (In rus)
5. Kovalev E. A. Communication of the typology of meta-organizations with the cluster approach. Bulletin of the Vladimir State University [Vestnik VIGU]. Series: Economic Sciences.2021. N 3 (29). P. 5–9. (In rus)
6. Kotlyarov I.D. Evolution of approaches to understanding the nature of the economic unit // Bulletin of Moscow University [Vestnik Moskovskogo Un-ta]. Ser. 6. Economy. 2016. N 5. P. 3–24. (In rus)
7. Nikitaeva A.Yu., Serdyukov R. D. Development of digital ecosystems of industrial enterprises in the regions of the South of Russia // Regional Economics. South of Russia [Regional'naya ekonomika. Yug Rossii]. 2020. Vol.8. N 3. P. 105–117. (In rus)
8. Osokin N.A. The mechanism for stimulating the innovative activity of professional sports organizations: Ph.D. dissertation: 08.00.05 [Place of defense: FGOBUVO Financial University under the Government of the Russian Federation]. M., 2021. 180 p. (In rus)
9. Porter M.E. Competition: translate from English: manual. M. : Publishing house "Williams", 2006.495 p. (In rus)
10. Rozanova N.M., Kostenko E.D. Innovation clusters and state cluster policy: market failures vs state failures // Terra Economicus. 2014. Vol. 12. N 1. P. 41–52. (In rus)
11. Serdyukov R. D. The essence and structural components of the digital ecosystem of an industrial enterprise // Natural Humanitarian Research [Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya]. 2020. N 29 (3). P. 300–304. (In rus)
12. Statsenko V.V., Bychkova I.I. Ecosystem approach in building modern business models // Industrial Economics [Industrial'naya ekonomika]. 2021. N 1. P. 45–61. (In rus)
13. Tolstykh T.O., Shmeleva N.V., Agaeva A.M. Methodology for assessing the level of maturity of the economic security of enterprises in industrial ecosystems // Region: systems, economics, management [Region: sistemy, ekonomika, upravlenie]. 2020. N 4 (51). P. 126–143. (In rus)
14. Ahrne G., Aspers P., Brunsson N. The organization of markets // Organization Studies, 2015. N 36 (1). P. 7–27.
15. Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik J., Hansson E.W. The Cluster Policies Whitebook // Malmö, Sweden: International organisation for knowledge economy and enterprise development. 2004. 250 p. [Electronic source]. URL: http://www.hse.ru/data/2012/08/08/1256387033/The_Cluster_Policies_Whitebook_-_IKED.pdf (accessed: 18.01.2022).
16. Bergman E.M., Feser E.J. Industrial and Regional Clusters: Concepts and Comparative Applications. Regional Research Institute, WVU, 1999 [Electronic source]. URL: <http://www.rri.wvu.edu/WebBook/Bergman-Feser/chapter3.htm> (accessed: 18.01.2022).
17. Berkowitz H. (2018). Meta-organizing firms' capabilities for sustainable innovation: A conceptual framework // Journal of Cleaner Production. N 175. P. 420–430.
18. Camarinha-Matos L.M., Afsarmanesh H. 2008. Collaborative Networks: Reference Modeling. Springer Science &Business Media. DOI: 10.1007/978-0-387-79426-6.
19. Enright M. et al. Survey on the Characterization of Regional Clusters: Initial Results// Working Paper Institute of Economic Policy and Business Strategy: Competitiveness Program University

- of Hong Kong and the Competitiveness Institute Barcelona, Spain. 2000 [Electronic source]. URL: http://www.paca-online.org/cop/docs/Michael_Enright_Survey_on_the_characterization_of_regional_clusters.pdf (accessed: 18.01.2022).
20. Feser E. J., Sweeney S. H. A test for the coincident economic and spatial clustering of business enterprises // *Journal of Geographical Systems*. 2000. Vol. 2. P. 349–373.
 21. Ganne B., Yveline L. *Asian Industrial Clusters, Global Competitiveness and New Policy Initiatives*. Singapore, SG: World Scientific, 2009.
 22. Garaudel P. Exploring meta-organizations' diversity and agency: A meta-organizational perspective on Global Union Federations // *Scandinavian Journal of Management*. Vol. 36. Iss. 1. March 2020.
 23. Grashof N. Firm-specific cluster effects: A meta-analysis // *Pap Reg Sci*. 2020. N 99. P. 1237–1260. DOI: 10.1111/pirs.12526.
 24. Hamel G. *What matters now: How to win in a world of relentless change, ferocious competition, and unstoppable innovation*. Bass, Wiley, 2012.
 25. Henn S., Bathelt H. Cross-local knowledge fertilization, cluster emergence, and the generation of buzz. *Industrial & Corporate Change*. Jun 2018, Vol. 27. Iss. 3. P. 449–466. DOI: 10.1093/icc/dtx036.
 26. Iansiti M., Levien R. *Strategy as Ecology* // *Harvard Business Review*. March 2004 [Electronic source]. URL: <https://hbr.org/2004/03/strategy-as-ecology> (accessed: 29.04.2020).
 27. Lapygin Y. N., Kovalev E. A., Kuznetsova S. N., Garina E. P., Kozlova E. P. (2022) Clustering as a Model of Regional Development // *Cooperation and Sustainable Development. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 245 (0,6/0,45). Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-77000-6_184.
 28. Moore J. F. *The death of competition: Leadership and strategy in the age of business ecosystems*. New York : HarperCollins, 1996. 297 p.
 29. Porter M. Location, competition, and economic development: local clusters in a global economy // *Economic Development Quarterly*. 2000. Vol. 14. N 1. P. 15–34.
 30. Roelandt T., den Hertog P. *Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making in OECD Countries: An Introduction to the Theme* // *Boosting Innovation: The Cluster Approach*, Paris: OECD. 1999. P. 9–23.
 31. Rosenfeld S. et al. *A Governor's Guide to Cluster-Based Economic Development*. Washington D. C.: National Governor's Association, 2002 [Electronic source]. URL: <http://www.nga.org/cda/files/AM02Cluster.pdf> (accessed: 18.01.2022).
 32. Tolstykh T., Gamidullaeva L., Shmeleva N., Lapygin Y. *Regional Development in Russia: An Ecosystem Approach to Territorial Sustainability Assessment*. *Sustainability* 2020, 12, 6424. DOI: 10.3390/su12166424.

About the authors:

Yury N. Lapygin, Professor of the Department of Management of the Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir, Russian Federation), Doctor of Economics, Professor; lapygin.y@gmail.com

Mikhail A. Rozenkov, Post-Graduate Student of the Department of Management of the Vladimir branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir, Russian Federation); Mehel33@mail.ru

Стратегирование развития и реализации финансовых технологий в национальных инновационных системах

Хабеева М. К.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; madina@khabekova.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены процессы стратегирования национальных инновационных систем в условиях внедрения финансовых технологий, а также систематизированы этапы развития финансовых технологий в мире. В результате работы были систематизированы этапы и стратегические тенденции возникновения финансовых технологий в инновационных системах разных стран. Необходимо выделить США в качестве страны-лидера по созданию и реализации финансовых технологий. В результате исследования было выявлено, что компании различных секторов не просто используют финансовые технологии для повышения качества своих услуг, но и активно внедряют данные технологии в долгосрочные корпоративные стратегии развития. В статье также исследованы стратегические особенности реализации финансовых технологий в инновационных системах США, Китая и стран Европейского союза. Приведены основные стратегические решения по созданию инновационных экосистем, взаимодействия крупных компаний, представителей финансовой системы, государства и науки. Внедрение и реализация финансовых технологий трансформируют не только финансовую и инновационную системы, но также всю национальную экономику. Во всем мире страны уделяют все большее внимание стратегии цифровой трансформации экономических систем и расширения доступа к финансовым технологиям.

Методологическая база исследования опирается на труды основоположника отечественной теории стратегирования — д. э. н., профессора, иностранного члена РАН, Заслуженного работника высшей школы РФ, лауреата премии М. В. Ломоносова I степени за научные работы — В. Л. Квинта.

Ключевые слова: стратегирование инновационных систем, финансовые технологии, национальные инновационные системы

Для цитирования: Хабеева М. К. Стратегирование развития и реализации финансовых технологий в национальных инновационных системах // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 88–97.

Strategizing the Implementation and Development of Financial Technologies in National Innovation Systems

Madina K. Khabekova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; madina@khabekova.ru

ABSTRACT

This article considers the strategic processes of national innovation systems in the context of the introduction of financial technology, as well as systematized stages of development of financial technology in the world. As a result of the work the stages and strategic trends in the emergence of financial technologies in the innovation systems of different countries were systematized. It is necessary to allocate the USA as the country-leader on creation and realization of financial technologies. The research revealed that companies of different sectors not only use financial technologies to improve the quality of their services, but also actively implement these technologies in long-term corporate development strategies. The article also explored the strategic features of the implementation of financial technologies in the innovation systems of the United States, China and the European Union. The main strategic decisions on

creation of innovation ecosystems, interaction of large companies, representatives of financial system, state and science are given. Introduction and realization of financial technologies transforms not only financial and innovation systems, but also the whole national economy. Around the world, countries are paying increasing attention to the strategy of digital transformation of economic systems and increasing access to financial technology.

Keywords: innovation systems strategy, financial technology, national innovation systems

For citing: Khabekova M.K. Strategizing the implementation and development of financial technologies in national innovation systems // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 88–97.

Глобальные стратегические тенденции перехода на высокотехнологичный курс развития стали причиной существенных изменений в глобальном экономическом пространстве. Структурные изменения коснулись и инновационных систем, в особенности с появлением сектора финансовых технологий. Технологические достижения, несомненно, позволяют быстро и эффективно внедрять инновации в деятельность физических лиц и организаций.

Теории формирования и развития инноваций в науке уделяется большое внимание с начала XX в., фундамент которой заложил Н. Д. Кондратьев, выдвинувший теорию о больших циклах конъюнктуры [6] и обосновавший связь экономического роста и падения с волнами технологических изобретений.

Продолживший основные идеи исследования Н. Д. Кондратьева американский экономист Й. Шумпетер [10] представил типологизацию инноваций, а также отметил роль предпринимателя — новатора в экономическом развитии и прогрессе. Исследования инновационно-циклической теории экономического развития также находят свое отражение в работах таких российских ученых, как академик С. Ю. Глазьев [2] и академик А. А. Акаев [1], подтверждающих влияние инновационного развития на национальную экономику.

Профессор Кембриджского и Лондонского университетов, английский физик и социолог Дж. Бернал [8] предположил, что пик экономической активности общества напрямую связан с научными прорывами, техническим прогрессом и внедрением инноваций. Развил эту идею в своем исследовании лауреат нобелевской премии С. Кузнец [9], сделавший основной акцент на влиянии инновационной активности на темпы и объем экономического роста.

В своих трудах основоположник теории стратегии и методологии стратегирования, д. э. н., профессор, иностранный член РАН, Заслуженный работник высшей школы РФ В. Л. Квинт также большое внимание уделяет созданию и внедрению инноваций и отмечает, что именно инновации могут обеспечить огромные стратегические преимущества [3; 4] и являются ключевым фактором развития бизнеса и экономического роста в любой стране [5].

По результатам исследований¹ на январь 2022 г. доля проникновения сети Интернет достигла 62,5%, при этом 67,1% населения мира регулярно используют смартфоны для своей деятельности. Данная статистика говорит о том, что большая часть мира имеет постоянный доступ к технологиям, позволяющим использовать различные виды цифровых услуг, что имеет решающее значение для создания цифровой экономики. Потребители финансовых технологий предъявляют все более высокие требования к экономическим и финансовым институтам, рассчитывая на все более высокое качество услуг, повышение скорости оказания этих услуг, расширение каналов обслуживания и рост эффективности инвестиций и вложений. Регуляторы, в свою очередь, также повышают требования к представителям рынка финан-

¹ Данные информационно-аналитического портала DigitalReport [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 06.02.2022).

совых технологий, которые с технологической точки зрения способны выполнять практически все основные операции, предоставляемые финансовой системой.

Для того чтобы оценить интенсивность внедрения финансовых технологий в национальные инновационные системы, необходимо выявить исторический путь возникновения и развития финансовых технологий в различных странах (табл.).

Таблица

Этапы развития финансовых технологий
Table. Stages of Financial Technology Development

Этапы	Период	Технологии	Эффект
FinTech 1.0	1918	Федеральная автоматизированная система денежных переводов	Возможность осуществления электронных переводов между банками, Федеральной резервной системой и Казначейством
	1950	Кредитная карта	Введение кредитных карт для пользователей финансовой системы
FinTech 2.0	1967	Банкомат	Проведение некоторых финансовых операций вне банковского отделения
	1971	Цифровая фондовая биржа	Расширение финансового рынка
	1973	Международная система SWIFT	Безопасный обмен информацией финансовыми учреждениями
	1983–1985	Онлайн-банкинг	Упрощение доступа к финансовой системе
	1997	Мобильные платежи	Проведение финансовых операций с помощью мобильного устройства
	1998	Платежная система PayPal	Крупнейшая электронная дебетовая система, позволяющая оплачивать счета и совершать переводы
FinTech 3.0	2008–2009	Интернет вещей	Сеть передачи данных между физическими объектами
	2009	Блокчейн и криптовалюта Bitcoin	Децентрализованный характер платежей, позволяющий осуществлять расчеты и платежи без контроля со стороны монетарных институтов
	2010–2011	Рынки онлайн финансирования	Прямое взаимодействие заемщика и кредитора без посредничества финансовых институтов
	2010	Роботизированная торговля	Автоматизированные консультации для инвесторов на основе анализа больших данных
	2013	Биометрия и удаленная идентификация	Идентификация пользователей с помощью распознавания лиц, голоса и отпечатков пальцев
	2014	Необанки	Реализация полного спектра финансовых услуг в цифровом формате
	2014	Системы мобильных платежей и электронные кошельки	Совершение бесконтактных платежей без использования кредитной или дебетовой карты

Этапы	Период	Технологии	Эффект
	2016	Банкинг как услуга (BaaS)	Инновационная услуга для бизнеса, позволяющая создать собственную финансовую инфраструктуру на базе существующего банка или компании отрасли финансовых технологий
	2020	Токенизация	Перевод ценных бумаг и других финансовых инструментов в цифровой формат
	2021	«Зеленый» финтех	Технологические решения, направленные на улучшение экологической ситуации в мире

Источник: составлено автором.

Этапом первой волны инноваций, оказавшей влияние на появление и апробацию финансовых технологий, считается период с 1866 по 1967 г. В этот период технологический прогресс и финансовый сектор были объединены, и в условиях глобализации телеграф, так же как и железные дороги и пароходы позволили передавать информацию, связанную с финансовыми операциями между странами. Создание первого трансатлантического кабеля в США принято считать первым шагом в развитии финансовых технологий, обеспечивший фундаментальную инфраструктуру на период интенсивной глобализации с 1866 по 1913 г. [8].

Позже, в 1918 г., Федеральный резервный банк США создал первую в мире систему электронных денежных переводов. В 1934 г. IBM создает машину для учета чеков, позволяющую значительно повысить эффективность процесса клиринга чеков. В 50-х годах DinersClub становится первой в мире многофункциональной кредитной картой. Эта эпоха между 1866 и 1967 г. называется **FinTech 1.0**, где финансовые услуги, хотя и тесно связаны с технологиями, оставались в основном аналоговыми.

В период с 1967 г. переход от аналогового к цифровому формату осуществлялся традиционными финансовыми учреждениями, когда банк Barclays в Лондоне представляет свой банкомат. В 1971 г. NASDAQ создает первую в мире цифровую фондовую биржу, чем, по сути, изобретает электронную торговлю и кладет начало развитию финансового рынка и IPO.

С 1973 по 1998 г. происходит значительная технологическая трансформация финансового сектора и экономики ведущих стран мира. Появление международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей SWIFT (1973), онлайн-банкинга (1983–1985), развитие рынка электронной торговли (1990-е), первые мобильные платежи (1997), создание крупнейшей в мире дебетовой электронной платежной системы PayPal (1998).

Внутренние процессы и общение с клиентами полностью оцифровываются, и наблюдается заметный сдвиг в том, как люди взаимодействуют с финансовыми учреждениями. Мировой финансовый кризис 2008 г. знаменует собой конец этой эпохи. Этот период получил название **FinTech 2.0.**, когда процесс оцифровки финансов ускорился в связи с развитием цифровых технологий связи и транзакций, а онлайн-банкинг существенно изменил отношения между людьми и финансовыми учреждениями.

В 2008 г. берет начало следующий этап развития финансовых технологий **FinTech 3.0** — период, в котором мы сейчас находимся. В связи с мировым финансовым кризисом население стран испытывает большее недоверие к традиционным банковским услугам и это дает возможность для появления новых игроков на рынке. Появляются новые стартапы, и уже известные и устоявшиеся технологические компании начинают предоставлять финансовые продукты и услуги бизнесу, банкам и другим участникам инновационных систем. В 2009 г. появилась первая валюта, созданная на основе технологии распределенного реестра Bitcoin, за которым последовали и другие криптовалюты.

Значимость сектора финансовых технологий растет с каждым годом. В 2015 г. общий объем мировых инвестиций в отрасль составил около 68 млрд долл., а только за первое полугодие 2021 г. глобальные инвестиции достигли 98 млрд долл.¹

В области финансовых технологий происходят радикальные изменения, затрагивающие всю инфраструктуру финансового сектора. Эти изменения предполагают повышение уровня автоматизации, открытости и клиентоориентированности. Количество транзакций, построенных на обмене продуктами или на использовании альтернативных валют в рамках онлайн-платформ, постоянно растет. Также широко распространена совершенно новая форма финансовых операций между устройствами без вмешательства человека. Эти процессы, с одной стороны, открывают более широкие стратегические возможности для удовлетворения потребностей клиентов, но с другой — создают новые риски и угрозы. Развитие технологий искусственного интеллекта, обработки больших объемов данных, появление новых

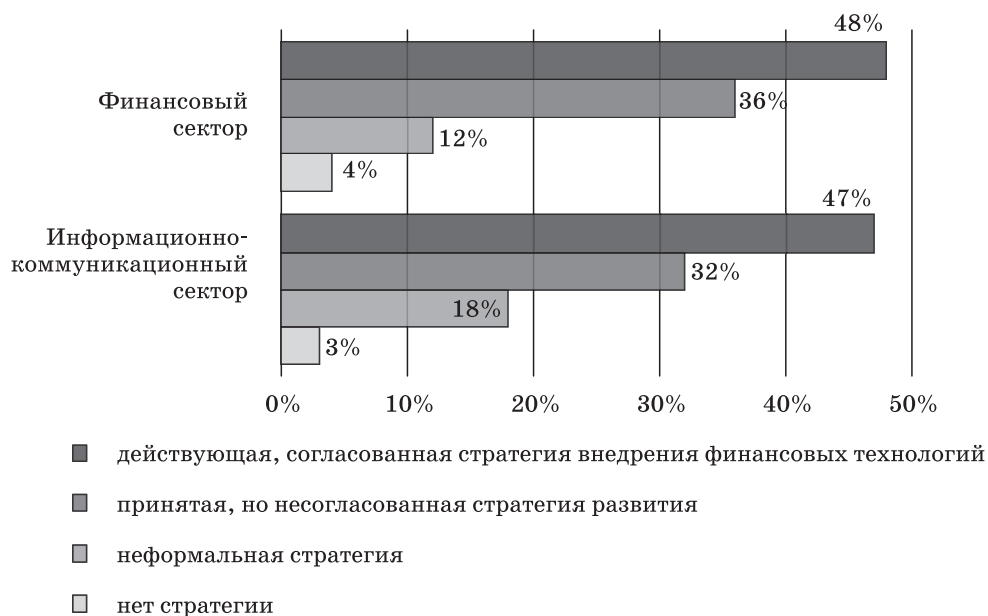

Рис. 1. Данные опроса о внедрении финансовых технологий в стратегии развития компаний (2019)

Fig. 1. Survey data on the implementation of financial technologies in company development strategies (2019)

¹ Отчет консалтинговой компании KPMGPulse of Fintech H1 2021 Global [Электронный ресурс]. URL: <https://home.kpmg/xx/en/home/insights/2021/08/pulse-of-fintech-h1-2021-global.html> (дата обращения: 06.02.2022).

аналитических инструментов стали ключевыми факторами стремительного развития финансовых технологий в национальных инновационных системах.

Согласно глобальному опросу, проводимому аудиторско-консалтинговой компанией PriceWaterhouseCoopers¹, половина всех опрошенных фирм как финансового сектора, так и информационно-коммуникационных компаний внедрила финансовые технологии в свои стратегии развития, а также многие из них имеют свои продукты и услуги, основанные на финансовых инновациях (рис. 1).

Для того чтобы сравнить интенсивность внедрения финансовых технологий в мировых экономиках, рассмотрим стратегические подходы к развитию и поддержке финансовых технологий в национальных инновационных стратегиях некоторых стран.

Стратегирование финансовых технологий в США

Внедрение финансовых технологий в инновационные стратегии США и Европы предполагает создание уникальной экосистемы для стимулирования технологических инноваций и увеличения эффективности финансовых рынков и систем. Инфраструктура таких экосистем представляет собой совместную деятельность государственных органов, финансовых учреждений и предпринимателей, поддержка которых приведет к активизации развития экономики и даст толчок для развития творческого мышления и роста деловой активности.

США добились наибольших успехов в развитии индустрии финансовых технологий, получив большую долю мировых инвестиций. Среди финансирующих компаний — крупнейшие представители финансового сектора в мире — Goldman Sachs, Barclays, Bank of America и Wells Fargo.

Рост компаний, предоставляющих финансовые технологии в США, частично обусловлен усилиями таких институтов, как нью-йоркская Инновационная лаборатория FinTech. Лаборатория — это программа наставничества, разработанная для того, чтобы помочь предпринимателям в отрасли финансовых технологий взаимодействовать с лидерами крупных компаний. Компании, вышедшие из лаборатории, привлекли десятки миллионов долларов финансирования.

Ключевыми стратегическими факторами эффективного развития отрасли финансовых технологий в США можно назвать следующие:

- 1) положение страны как ведущего мирового финансового центра;
- 2) близость к крупной потенциальной клиентской базе финансовых учреждений и институтов;
- 3) кадровый потенциал отрасли;
- 4) развитая система венчурного финансирования.

Несмотря на то что американская экономика представляет собой одну из крупнейших в мире экосистем финансовых технологий, США отстают от других крупных стран в обеспечении согласованной и последовательной стратегии развития для отрасли финансовых технологий.

В марте 2018 г. Счетная палата США (Government Accountability Office) выпустила отчет², в котором оцениваются риски и преимущества внедрения финансовых технологий, а также защита потребителей финансовых услуг и надзор за нормативно-правовой базой для компаний и продуктов. Отчет был выпущен через два года после того, как Конгресс США запросил обновленную информацию о деятель-

¹ Отчет консалтинговой компании PriceWaterhouseCoopers Global Fintech Report 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/industries/financial-services/assets/pwc-global-fintech-report-2019.pdf> (дата обращения: 06.02.2022).

² Financial Technology: Additional Steps by Regulators Could Better Protect Consumers and Aid Regulatory Oversight, GAO-18-254, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gao.gov/assets/700/690803.pdf> (дата обращения: 06.02.2022).

ности индустрии финансовых технологий¹, а также отчет опирается на ранее проведенные Счетной палатой США исследования об отрасли².

В отчете исследуются риски и преимущества внедрения финансовых технологий в следующих секторах:

- платежи;
- кредитование;
- рекомендации по вопросам финансового благосостояния клиентов отрасли;
- технология распределенного реестра, которая включает в себя анализ технологии блокчейн.

Стратегирование финансовых технологий в Европе

В 2019 г. инвестиции в европейские компании, работающие в сфере высоких технологий, достигли 58,1 млрд долл., за год было заключено 753 сделки³. Отрасль финансовых инноваций является крупнейшей в Европе категорией венчурных инвестиций. Она получает 20% всего венчурного капитала в Европе: более высокий процент, чем в Азии (17%) и США (11%) (рис. 2).

Признавая роль финансовых технологий и инноваций, позволяющих повысить качество обслуживания клиентов, европейские банки и финансовые институты начали активную разработку собственных продуктов.

Главным стратегическим фактором стремительного роста финансовых технологий в Европе является использование концепции открытого банковского обслуживания, предусмотряемой Директивой Европейского союза⁴. Согласно этому документу,

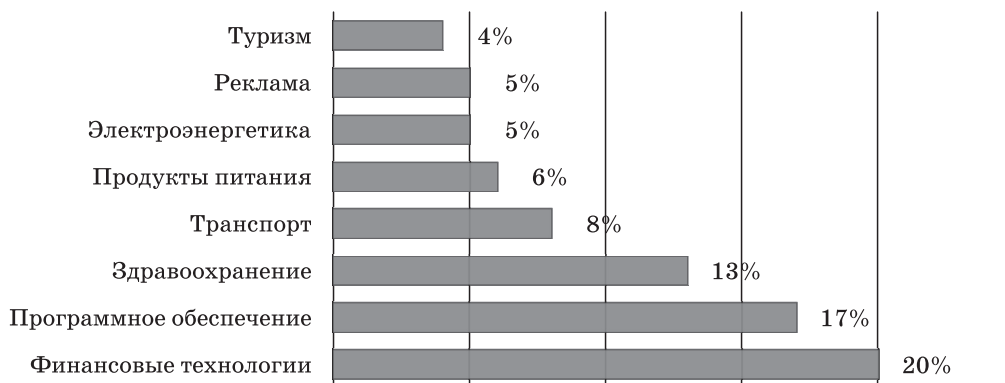

Рис. 2. Доля венчурных инвестиций в финансовые технологии по секторам экономики (2019, %)

Fig. 2. Share of venture capital investments in financial technologies by economic sector (2019, %)

¹ Letter from Senators Jeff Merkley (D-OR), Sherrrod Brown (D-OH), and Jeanne Shaheen (D-NH) to Gene L. Dorado, Comptroller General of the United States, requesting an updated report on the financial technology marketplace, 2016.

² Financial Technology: Information on Subsectors and Regulatory Oversight, GAO- 17-361 (Apr. 19, 2017), 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gao.gov/assets/690/684187.pdf> (дата обращения: 06.02.2022).

³ Pulse of Fintech H2'19, Global Analysis of Investment in Fintech, KPMG International [Электронный ресурс] URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2020/02/pulse-of-fintech-h2-2019.pdf> (дата обращения: 08.02.2022).

⁴ Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015L2366&from=EN>

банки обязаны создавать открытые интерфейсы прикладных программ (API), которые позволяют клиентам беспрепятственно обмениваться своими данными со сторонними провайдерами, включая компании отрасли финансовых инноваций, которые могут предложить им более качественные и экономичные услуги. Согласно опросу, проводимому аудиторско-консалтинговой компанией Ernst&Young, 46% пользователей финансовых технологий заявили, что они готовы делиться своими банковскими данными с другими организациями в обмен на более выгодные предложения и услуги.

Концепция¹ включает в себя три уровня действий: стратегический (внедрение на уровне государственной стратегии развития), тактический (например, департамент, в котором принимаются решения о распределении ресурсов) и операционный (процесс внедрения API).

Директива Европейского союза стимулирует активное развитие инноваций в финансовой системе, способствуя созданию таких инструментов, которые объединяют на одной платформе как традиционные банковские услуги, так и услуги страхования и управления активами.

Отраслевые и корпоративные стратегии развития, ориентированные на будущее, характеризуются целенаправленным сотрудничеством на всех уровнях. Привлечение специализированных партнеров к разработке цифровых процессов не только создает ценные импульсы и ресурсы для собственных инновационных процессов, но и значительно повышает точность работы с потребителями услуг.

Влияние инноваций на европейскую финансовую систему заставляет всех участников экономических процессов объединять свои усилия для формирования инновационных экосистем. Банки, агрегаторы, приложения для управления финансами все чаще предлагают рыночные модели, при которых потребители услуг — частные лица и предприятия — имеют прямой доступ к финансовым услугам, таким как кредитование, инвестиции, страхование и многое другое. Выбирая стратегию совмещения, современные высокотехнологичные компании объединяются с традиционными финансовыми институтами для наиболее эффективного удовлетворения индивидуальных потребностей.

Стратегирование финансовых технологий в Китае

Экономика Китая является примером феноменальных темпов роста внедрения инноваций в национальную финансовую систему. С 2013 г. основные сегменты рынка финансовых технологий — онлайн-кредитование, управление капиталом, цифровое страхование и платежи третьих лиц — с каждым годом демонстрируют колоссальный рост. Однако, в отличие от своих конкурентов, китайская финансовая система не является столь развитой и не отличается сложной инфраструктурой, о чем говорит такой показатель, как количество филиалов банков на 100 000 чел. В Китае на 2019 г. по данным Всемирного банка, количество филиалов коммерческих банков на 100 000 чел. составило 8,9, в то время как в США этот показатель составляет 30,5 и 14,6 в Индии². Несмотря на это, в 2019 г. Китай привлек 1,8 млрд долл. в рамках 146 сделок³. Среди развива-

¹ Joint Research Centre (JRC), the European Commission's science and knowledge service «An Application Programming Interface (API) framework for digital government», 2020 [Электронный ресурс] URL: https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/bitstream/JRC120715/final_version_pdf_version.pdf

² Данные международной финансовой организации Всемирный банк (TheWorldBank) [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FB.CBK.BRCH.P5> (дата обращения: 06.02.2022).

³ Отчет аудиторско-консалтингового агентства Ernst&Young EY Global FinTech Adoption Index, 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/en_gl/topics/financial-services/ey-global-fintech-adoption-index-2019.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

ющихся рынков Китая занял второе место по общему объему полученного финансирования (Индия — первое место), но при этом занял первое место по количеству сделок.

Стратегическим фактором, оказывающим значительное влияние на активное развитие отрасли финансовых технологий в Китае, является благоприятная нормативно-правовая среда. С 2013 г. Народный банк Китая поддерживает инициативы технологических компаний в отрасли интернет-финансирования. Также необходимо отметить высоко развитый сектор электронной коммерции в стране и высокий спрос на инклюзивное финансирование. 8 марта 2019 г. состоялось первое заседание Комитета по технологиям Народного банка Китая, на котором была подчеркнута необходимость укрепления исследований и планирования в области технологий и повышения уровня их применения и управления, с тем чтобы придать импульс преобразованию и модернизации финансовой отрасли¹.

Финансовый сектор китайской экономики позволяет сгруппировать основных ее участников следующим образом: 1) высокотехнологичные компании различных отраслей электронной коммерции; 2) традиционные финансовые институты; 3) нефинансовые институты.

Наибольшую долю рынка финансовых инноваций и технологий представляют крупнейшие компании электронной торговли. Китай обладает уникальной конкурентной средой, в которой основную роль играет несколько цифровых компаний, создавших комплексные финансовые экосистемы. В качестве нефинансовых игроков рынка финансовых технологий в Китае можно выделить розничные компании и компании реального сектора, создающих собственные продукты для привлечения клиентов и повышения качества обслуживания.

Таким образом, необходимо отметить, что финансовые технологии в национальных инновационных системах представляют собой новую категорию продуктов и услуг, которые часто заменяют традиционные банковские и финансовые услуги. Такие технологии, как искусственный интеллект, машинное обучение, идентификация и аутентификация на основе биометрических данных, облачные вычисления и технологии распределенного реестра, обеспечивают активное развитие инноваций в секторе финансовых технологий. Внедрение и активное использование таких технологий подразумевает наличие эффективной стратегии развития, направленной на повышение конкурентоспособности национальной инновационной системы, рост кадрового потенциала и повышение качества жизни населения.

Литература

1. Акаев А. А. Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера — Кондратьева // Экономическая наука современной России. 2013. № 2 (61). С. 7–29.
2. Глазьев С. Ю. Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. 2012. № 2. С. 27–42.
3. Квинт В. Л., Трачук А. В., Дзгоев В. Д. Стратегирование национальных и региональных инновационных систем. М. : Издательский дом «Бюджет», 2021. 199 с.
4. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. 170 с.
5. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1 (Сер. «Библиотека стратега»). СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
6. Кондратьев Н. Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. 1925. Т. 1. Вып. 1. С. 28–79.

¹ BOC Research Institute Global Banking Industry Outlook, Annual Report 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://pic.bankofchina.com/bocappd/rareport/201912/P020191227788896671693.pdf> (дата обращения: 06.02.2022).

7. Arner D. W., Barberis J., Buckley R. P. The evolution of Fintech: A new post-crisis paradigm // *Geo. J. Int'l L.* 2015. Vol. 47. P. 1271.
8. Bernal J. D. et al. *The social function of science.* Hertford : Stephen Austin and Sons, 1939.
9. Kuznets S. Schumpeter's Business Cycles // *American Economic Review.* 1940. Vol. 30. P. 257–271.
10. Schumpeter J. A. The Explanation of the Business Cycle // *Economica.* N 21. 1927. P. 286–311.

Об авторе:

Хабеева Мадина Крымовна, преподаватель кафедры Экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); madina@khabekova.ru

References

1. Akaev A. A. Great cycles of conjuncture and Schumpeter-Kondratiev's innovation-cyclical theory of economic development // *Economic science in modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii].* 2013. N 2 (61). P. 7–29. (In rus)
2. Glaz'ev S. Y. Modern theory of long waves in the development of the economy // *Economic science of modern Russia [Ekonomicheskaya nauka sovremennoi Rossii].* 2012. N 2. С. 27–42. (In Rus)
3. Kvint V. L., Trachuk A. V., Dzgoev V. D. *Strategizing national and regional innovation systems.* Publishing house "Budget", 2021. 199 p. (In rus)
4. Kvint V. L. *The concept of strategizing.* Kemerovo : Kemerovo State University, 2020. 170 p. (In rus)
5. Kvint V. L. *The concept of strategizing.* Vol. 1 (Ser. "Library of the Strategist"). SPb. : NWIMRANEPА, 2019. 132 p. (In rus)
6. Kondrat'ev N. D. Great cycles of conjuncture // *Issues of Conjuncture [Voprosy konjunktury].* 1925. Vol. 1. P. 28–79. (In rus)
7. Arner D. W., Barberis J., Buckley R. P. The evolution of Fintech: A new post-crisis paradigm // *Geo. J. Int'l L.* 2015. Vol. 47. P. 1271.
8. Bernal J. D. et al. *The social function of science.* Hertford : Stephen Austin and Sons, 1939.
9. Kuznets S. Schumpeter's Business Cycles // *American Economic Review.* 1940. Vol. 30. P. 257–271.
10. Schumpeter J. A. The Explanation of the Business Cycle // *Economica.* N. 21. 1927. P. 286–311.

About the authors:

Madina K. Khabekova, Lecturer of Department of Economic and Financial Strategy, Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); madina@khabekova.ru

Бережливое инвестирование как инструмент устойчивого развития в эпоху постковида*

Гаибова Т. В., Башкирова О. В.*

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация;
*ovbashkirova@fa.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуется возможность применения концепции бережливого мышления к выбору направлений инвестирования проектов технологического предпринимательства в эпоху постковида с целью снижения глобальных и проектных рисков и обеспечения устойчивого развития. Проведен анализ современных инструментов ответственного инвестирования и обоснована целесообразность объединения подхода устойчивого развития и бережливого мышления для создания комплексной поддержки эффективного внедрения инноваций в неопределенных и сложных условиях. Сформулированы требования к методическому инструментарию отбора проектов для инвестирования, которые учитывают роль организации в экосистеме инвестирования, поддерживают социальный и экологичный подход к выбору проектов, могут быть реализованы в условиях социального дистанцирования и способствуют построению инклюзивной экономики экосистем. Представлена концепция методики выбора направлений инвестирования проектов технологического предпринимательства, содержащая два уровня принятия решений, — уровень проекта и уровень портфеля проектов. Сформулированы базовые принципы бережливого инвестирования в контексте устойчивого развития экономики: необходимость учитывать отдаленные последствия реализации технологического проекта; необходимость оценки возможности реализации проекта исходя из связей и отношений между участниками экосистемы инвестирования; снижение рисков финансовых вложений для неподготовленных инвесторов.

Ключевые слова: стратегическое развитие, технологическое предпринимательство, бережливое мышление, ответственное финансирование, трансформационные процессы, новая нормальность, экосистема инвестирования

Для цитирования: Гаибова Т. В., Башкирова О. В. Бережливое инвестирование как инструмент устойчивого развития в эпоху постковида // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 98–115.

Lean Investment as a Tool for Sustainable Development in the Post-Covid Era

Tatyana V. Gaibova, Olga V. Bashkirova*

Financial University under the Government of Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
*ovbashkirova@fa.ru

ABSTRACT

This study explores the possibility of applying the concept of lean thinking to the choice of investment directions for technological entrepreneurship projects in the post-era era to reduce global and project risks and ensure sustainable development. The analysis of modern tools for responsible investment carried away, and the feasibility of combining an approach of sustainable development and lean thinking to create comprehensive support for the effective implementation of innovations in uncertain and complicated conditions is substantiated. Requirements for the methodological tools for selecting projects for investment formulated. They take into account the role of the organization in the investment ecosystem, support a social and environmentally friendly approach to the selection of projects, can be implemented in conditions of social distancing, and contribute to the construction of an inclusive economy of ecosystems. The concept of the methodology for choosing the directions of investment of

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

technological entrepreneurship projects is presented, which contains two levels of decision-making — the project level and the project portfolio level. The basic principles of lean investment in the context of sustainable economic development formulated: the need to consider the long-term consequences of the implementation of a technological project; the need to assess the feasibility of the project based on the connections and relationships between the participants in the investment ecosystem; reducing the risks of financial investments for unprepared investors.

Keywords: Strategic Development, Technology Entrepreneurship, Lean Thinking, Responsible Financing, Transformation Processes, New Normality, Investment Ecosystem

For citing: Gaibova T.V., Bashkirova O.V. Lean Investment as a Tool for Sustainable Development in the Post-Covid Era // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 98–115.

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19 потребовала кардинального переосмысления прежних принципов управления развитием экономики и социума для выхода из кризиса в условиях «новой нормальности»¹, а также создания новых механизмов повышения деловой активности, эффективных даже в условиях полной неопределенности и потенциальных глобальных угроз [8; 24]. Уникальные особенности нынешнего кризиса обусловлены наложением шоков от COVID-19 на следующие сложные вопросы глобальной повестки дня²:

- неравномерное восстановление экономики после глобального кризиса 2008–2009 гг. и внутренние противоречия экономической и политической системы [8];
- быстрое развитие и влияние новых технологий (в основном, информационных и коммуникационных) на экономику и социум [33], обеспечивающее как положительные эффекты, так и угрозы неравенства [30];
- растущая сложность современного общества, пересмотр ценностей и приоритетов социальной ответственности отдельного человека, организаций, государств, в том числе и в связи с изменением климата и экологическими угрозами [11].

COVID-19 продемонстрировал взаимосвязанный характер возникших глобальных проблем и подтвердил правильность курса устойчивого инклюзивного роста и неизбежность возникновения новых моделей развития бизнеса, политики и социума, сопровождающихся как новыми возможностями на пути перехода к новой нормальности, так и новыми угрозами³. Запущены сложные трансформационные процессы, затрагивающие все стороны жизни человеческого общества, выбор приоритетов и определение точек повышения деловой активности и роста экономики глубоко переплетаются с задачами социального характера [17; 24].

В различных исследованиях [12; 27] важными факторами выхода из кризиса считают технологическое предпринимательство и инвестиции [33]. Финансовые организации, рынки и модели инвестирования традиционно играли [9] центральную роль в распределении ресурсов в экономике, повышении деловой активности и стимулировании экономического роста. Технологическое предпринимательство как «объект инвестирования» признано международным научным сообществом как критический

¹ Новая нормальность — состояние общества и экономики после кризиса, при котором восстановление оказывается невозможно.

² Даже старшее поколение перешло в онлайн: что ждет финтех в 2021 году // РБК Тренды, 25.02.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6036a1fc9a79473e9d95cfe3> (дата обращения: 18.09.2021).

³ Доклад о целях в области устойчивого развития, 2020 // ООН, 2020. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

фактор развития инновационного потенциала стран [14], способный оказать существенный социальный и экономический вклад в их устойчивое развитие. Данный факт обусловлен быстрым ростом малых инновационных компаний в высокотехнологичных отраслях [15] и возможностью ускоренной адаптации крупных компаний к изменяющимся внешним условиям. Развитие новых технологий способствует появлению новых отраслей экономики и созданию новых рабочих мест, повышает конкуренцию на разных рынках в стране [1] и на мировом рынке.

В ряде исследований финансовая доступность названа одним из ключевых факторов развития технологического предпринимательства [2], что указывает на важность выполнения этого условия для выхода из кризиса, а также обозначает острую необходимость в современных, доступных и эффективных инструментах финансирования технологических проектов.

Мировой финансовый кризис 2008 г. повлек за собой нехватку доступного банковского финансирования для инноваций [4] и стал поворотной точкой для развития новых финансовых сервисов, а также способствовал изменению их восприятия и повышению легитимности [13]. Все это вызвало необходимость пересмотра классических принципов инвестирования *финансовых организаций, а также форм освоения инноваций, моделей и инструментов поддержки процесса инвестирования*. Инвестиции в данном случае выступают инструментом управления. Необходим новый подход, чтобы гарантировать, что при реализации технологических изменений приоритетное внимание уделяется людям.

Концепция устойчивого развития и ответственное инвестирование

На пути решения обозначенной проблемы возрастает необходимость уделять повышенное внимание *результатам инвестиционных проектов*, их влиянию и вкладу как в процессы развития экономических систем (от микроуровня организации до макроуровня — экономики страны), так и в процессы социального развития, сохранения экологии как среды обитания человека. *Ответственное инвестирование* (концепция устойчивых финансов, устойчивых инвестиций) как методологический подход к оценке инвестиционных проектов призвано отразить процессы трансформации финансовых систем, использующих гибкие, максимально индивидуализированные механизмы повышения деловой активности, и учитывать экономические, социальные и экологические последствия технологических инноваций [3].

В табл. 1 перечислены документы, в которых отражены концепции и инструменты глобального уровня, имеющие отношение к устойчивому развитию и инвестированию, а также соотнесенные с ними национальные ориентиры.

Для реализации целей устойчивого развития разработаны принципы ответственного инвестирования (PRI — *principles for responsible investment*) — подход к инвестированию, который направлен на учет экологических, социальных и управленческих (ESG — *Environmental, Social, Governance*) факторов в инвестиционных решениях, чтобы лучше управлять рисками и генерировать устойчивую, долгосрочную отдачу¹.

Проблемы интеграции ESG-принципов в процесс инвестирования до и после наступления пандемии рассмотрены в аналитических отчетах². Показано, что на момент инвестиционные решения принимаются практически безотносительно аспектов экологической и социальной ответственности. Во многом это обусловлено непрозрач-

¹ Environmental, Social, and Governance Issues in Investing. A Guid for Investment Professional. Position paper // CFA, CIPM, October 2015. URL: <https://www.cfainstitute.org/en/advocacy/policy-positions/environmental-social-and-governance-issues-in-investing-a-guide-for-investment-professionals> (дата обращения: 10.09.2021).

² ESG-интеграция: рынки, методы и данные // CFA Institute, 2019. URL: <https://clck.ru/Rsexy> (дата обращения: 09.09.2021).

Соответствие глобальных и национальных ориентиров в области устойчивого инклюзивного роста

Table. Compliance of global and national benchmarks in the field of sustainable inclusive growth

Международное сообщество	Российская Федерация
Концепция устойчивого развития ООН, 17 Целей устойчивого развития (ЦУР) ¹	Цели Национального развития РФ до 2030 г. ²
<ul style="list-style-type: none"> ▪ Принципы ответственного инвестирования (PRI) [7]; ▪ ESG-инвестирование³ 	Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России ⁴
Зеленое инвестирование [35]	Зеленое инвестирование ⁵
<ul style="list-style-type: none"> ▪ Положение о таксономии устойчивого финансирования ЕС 2020 (EU Таксоному) — экологические цели⁶, компас таксономии ЕС; ▪ тестирование EU Таксоному на банковских продуктах⁷ 	Таксономия «зеленых» и адаптационных проектов, модельная методология по проведению верификации зеленых и переходных финансовых инструментов и переходных финансовых инструментов, стандарты по отнесению финансовых инструментов к финансовым инструментам, направленным на финансирование устойчивого развития ⁸
<ul style="list-style-type: none"> ▪ Анализ возможности распространения на социальные цели⁹; ▪ Социальная таксономия¹⁰; ▪ Создание классификаций навыков рабочей силы [36] 	Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», Национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости» ¹¹

¹Доклад о целях в области устойчивого развития, 2020 // ООН, 2020. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

²Указ о национальных целях развития РФ до 2030 г. // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 18.09.2021).

³Environmental, Social, and Governance Issues in Investing. A Guid for Investment Professional. Position paper // CFA, CIPM, October 2015. URL: <https://www.cfainstitute.org/en/advocacy/policy-positions/environmental-social-and-governance-issues-in-investing-a-guide-for-investment-professionals> (дата обращения: 10.09.2021).

⁴Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России [6].

⁵Индустрии включают зеленый свет // Российская газета. Спецвыпуск № 121 (8472), 2021. URL: <https://rg.ru/2021/06/02/v-rossii-poiavitsia-standart-zelenogo-finansirovaniia.html> (дата обращения: 19.09.2021).

⁶EU taxonomy for sustainable activities. What the EU is doing to create an EU-wide classification system for sustainable activities [21].

⁷Testing the application of the EU Taxonomy to core banking products: high level recommendations [34].

⁸Там же.

⁹Зеленое финансирование // ВЭБ.РФ, 2021. URL: <https://veb.ru/ustojchivoe-razvitie/zeljonoe-finansirovanie/> (дата обращения: 18.09.2021).

¹⁰Draft Report by Subgroup 4: Social Taxonomy [20].

¹¹Национальные проекты // Портал Правительства России. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/section/2641/> (дата обращения: 18.09.2021).

ностью бизнеса и отсутствием или недоступностью нефинансовой (экологической, социальной и управленческой) информации [5].

Изменившаяся системная картина мира диктует:

- обновление инструментов и методик управления;
- создание механизмов получения информации — мир сейчас меняется настолько быстро, что должны появляться инструменты управления, адекватные времени, — на основе использования передовых цифровых технологий.

Также не хватает инструментария для измерения нематериальной стороны влияния инноваций и проектов технологического предпринимательства на окружающую среду, общество и развитие человечества в целом, что ставит под угрозу само понятие устойчивого развития, особенно в перспективе. Важны методики, не только позволяющие снизить риски ранних стадий технологических проектов в условиях трансформации и неопределенности, но и учитывающие отдаленные последствия реализации и использования финансируемых технологий.

В статье исследуется проблема формирования методики выбора направлений инвестирования проектов технологического предпринимательства в контексте устойчивого развития. Авторами предложена гипотеза о возможности применения бережливого мышления к выбору направлений инвестирования в эпоху постковида.

Анализ возможности применения бережливого подхода к выбору направлений инвестирования

Оценить будущий экономический и стратегический эффекты как при реализации внутренних проектов финансовых организаций, так и при поддержке внешних проектов для повышения деловой активности непросто. В исследованиях [19] подчеркивается, что общей причиной недостаточной эффективности различных форм освоения инноваций является отсутствие эффективной методологии, позволяющей определять направление инвестирования. Разработка такой методологии сегодня осложняется необходимостью учета принципов ответственного инвестирования [19]. В [32] показано, что в условиях озабоченности по поводу социальных и экологических проблем существующие и создаваемые компании обязаны уменьшить свое негативное воздействие на окружающую среду путем внедрения инновационных устойчивых бизнес-моделей, что влечет за собой ряд сложностей, связанных с риском и неопределенностью при принятии решений, а также с тем, что устойчивые бизнес-модели должны следовать социальной, экологической и коммерческой логике и противоречивым целям, которые трудно согласовать [25]. Комплексную основу для поддержки своевременного эффективного внедрения инноваций может представлять объединение подхода устойчивости и бережливого мышления [32], которое возникло как способ направлять инновационные процессы в неопределенных и сложных условиях [29]. В [26; 31] показано, что принципы бережливого мышления применимы к финансовой отрасли и могут являться потенциальным резервом повышения результативности финансовых организаций и качества принимаемых ими решений, однако подчеркивается, что адаптация бережливого подхода является сложной задачей. Одновременное создание прибыли и социально-экологической ценности трудно реализовать, необходим комплексный подход [32]. Различные исследователи [16; 18] используют разные разрозненные инструменты и практики бережливого мышления, не анализируя картину в целом. В рамках статьи авторами исследуется возможность применения бережливого подхода к процедурам выбора направлений инвестирования проектов технологического предпринимательства в финансовой отрасли. Совместное использование бережливого подхода и процессов построения устойчивой инновационной бизнес-модели финансовой организации для повышения деловой активности в условиях социального дистанцирования сводится к преобразованию принципов бережливого мышления в принципы

бережливого инвестирования, позволяющие комплексно учитывать современные постановки задач принятия инвестиционных решений в соответствии с целями ответственного инвестирования и с ролью финансовой организации в экосистеме технологического предпринимательства.

Устойчивость и способность меняться и раньше определяла выживаемость компаний финансовой отрасли, но в более долгосрочном аспекте. Последствия глобальной пандемии и последующих возможных кризисов отличаются мгновенными проявлениями, что требует от компаний безотлагательного перехода к новым бизнес-моделям и формам развития и адаптации, чтобы максимально эффективно использовать возможности текущего кризисного и посткризисного периода и быть готовыми к новому кризису.

Результаты: методический инструментарий выбора направлений бережливого инвестирования

На основе проведенного анализа были получены следующие результаты:

- сформулированы требования к методическому инструментарию выбора направлений инвестирования;
- предложена концепция методики выбора направлений инвестирования;
- предложены формулировки принципов бережливого инвестирования в рамках концепции устойчивого развития.

Проведенный анализ позволил сформулировать следующие требования к методическому инструментарию выбора направлений инвестирования в финансовых организациях:

- 1) методический инструментарий должен быть направлен на повышение деловой активности и учитывать глобальную повестку дня, связанную с построением новой высокотехнологичной устойчивой инклюзивной экономики экосистем и соответствовать Целям устойчивого развития ООН¹, Национальным целям развития РФ², ESG-принципам инвестирования³, а также новые тренды адаптации экономики и рынка труда к условиям социального дистанцирования;
- 2) определение социального инструментария в принятии инвестиционных решений должно быть согласовано с инструментарием экологическим [21; 34];
- 3) разработка и реализация проектов технологического предпринимательства, особенно связанных с прорывными инновациями, характеризуются повышенным уровнем риска и неопределенности [28], поэтому инструменты поддержки принятия инвестиционных решений должны обеспечивать возможность снижения рисков на ранних этапах разработки проекта;
- 4) методический инструментарий должен обладать возможностью адаптации для особенностей целеполагания в зависимости от роли финансовой организации в экосистеме инвестирования проектов технологического предпринимательства;
- 5) методический инструментарий должен учитывать возможность его использования в условиях социального дистанцирования на основе информационно-коммуникационных технологий;

¹ Доклад о целях в области устойчивого развития, 2020 // ООН, 2020. URL: https://unstats.un.org/sdgs/report/2020/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2020_Russian.pdf (дата обращения: 18.09.2021).

² Указ о национальных целях развития РФ до 2030 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 18.09.2021).

³ Environmental, Social, and Governance Issues in Investing. A Guid for Investment Professional. Position paper // CFA, CIPM, October 2015. URL: <https://www.cfainstitute.org/en/advocacy/policy-positions/environmental-social-and-governance-issues-in-investing-a-guide-for-investment-professionals> (дата обращения: 10.09.2021).

б) методический инструментарий должен стать одним из источников информации и извлечения уроков на фоне нарастающего и затихающего процесса пандемии и неоднозначности развития цифровых технологий для рынка занятости и образовательного сектора.

Концепция предлагаемой методики выбора направлений инвестирования проектов технологического предпринимательства представлена схематично на рис. 1. В рамках предлагаемой методики Цели устойчивого развития ООН, Национальные цели развития РФ и Принципы ответственного инвестирования представляют собой требования внешней среды при выборе направлений инвестирования. Выделены два уровня принятия решений — на уровне отдельного проекта технологического предпринимательства и на уровне портфеля проектов.

Методика выбора направлений инвестирования должна отдавать приоритет тем проектам, которые наиболее полно отвечают глобальным интересам устойчивого развития, обеспечивая при этом согласование собственных коммерческих интересов внешним требованиям ответственного инвестирования в соответствии с бережливым подходом в контексте разработки устойчивой инновационной бизнес-модели [25]. Поэтому на уровне отдельного проекта необходимы инструменты формирования проектных альтернатив, их анализа, оценки и поддержки принятия инвестиционных решений текущего раунда инвестирования с учетом оценки последствий влияния проекта на глобальный контекст, в частности оценки показателей социальной группы. К таким показателям можно отнести возможности создания рабочих мест в рамках проекта, предоставление временной занятости, возможность удаленной работы и гибридного формата, оценку уровня автоматизации, потребность в обучении.

При принятии решений на уровне портфеля проектов обобщаются результаты инвестирования множества проектов, отобранных в текущий портфель, анализируется воронка заявок и потенциальное влияние портфеля проектов на рынок труда и деловую активность. По итогам анализа возможны корректировки процедуры выбора направлений инвестирования, установление риск-аппетита и приоритетов для отбора проектов следующей итерации инвестирования.

В процессе инвестирования проектов технологического предпринимательства для повышения деловой активности и выхода из кризиса финансовые организации могут выступать в двух основных ролях:

- 1) как заказчик внутренних инноваций для обеспечения адаптации и устойчивого развития самой финансовой организации в условиях социального дистанцирования и других глобальных угроз, а также с учетом особенностей экосистемного этапа развития;
- 2) как соинвестор и провайдер финансирования проектов технологического предпринимательства в сотрудничестве с краудинвестиционными платформами или корпоративными венчурными фондами для поддержки развития малого и среднего бизнеса и перехода к новой высокотехнологичной устойчивой нормальности. Разработка методического инструментария выбора направлений инвестирования проводилась с учетом особенностей этих двух ролей.

Для разработки принципов инвестирования были использованы две концепции подхода бережливого мышления — «Бережливый стартап» (Lean Startup) и «Бережливое управление портфелем» (Lean Portfolio Management), применимые для компании любой отрасли, если она действует в обстановке высокой рискованности.

«Бережливый стартап» (Lean Startup) в рамках предлагаемой методики выбора направлений инвестирования позволяет учесть особенности принятия инвестиционных решений на различных этапах отдельного проекта технологического предпринимательства, а «Бережливое управление портфелем» (Lean Portfolio Management) — учесть особенности принятия инвестиционных решений на основе агрегирования

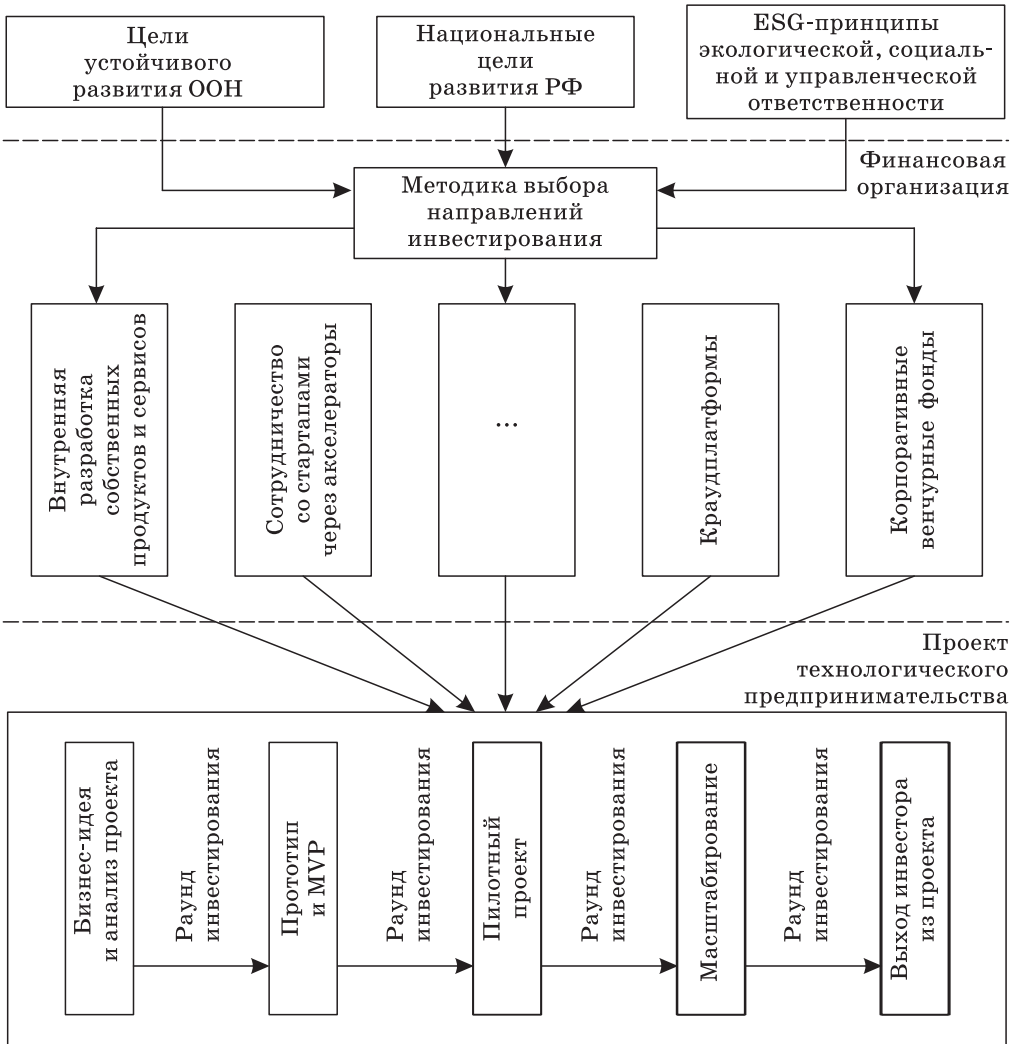

Рис. 1. Концепция методики выбора направлений инвестирования
 Fig. 1. The concept of the methodology for choosing investment areas

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

информации об отдельных проектах, включаемых в инвестиционный портфель, рассматривать ротацию команд, и общее развитие команды команд.

В качестве основы формирования принципов бережливого инвестирования были взяты принципы бережливого мышления: «Долговременная философия», «Консенсус», «Непрерывное улучшение на пути к совершенствованию», «Уменьшайте вариативность и перегруженность», «Управляйте нормативами», «Простое визуальное управление», «Помогайте партнерам быть бережливыми, помогайте им улучшаться и расти вместе для долгосрочной взаимной выгоды». Рассмотрение особенностей адаптации всех принципов бережливого мышления выходит за рамки настоящей статьи, далее будут представлены предложенные формулировки принципов бережливого инвестирования, имеющие непосредственное отношение к кон-

цепции устойчивого развития, — «Долговременная философия», «Консенсус», «Помогайте партнерам».

Ниже представлены формулировки базовых принципов бережливого инвестирования, адаптированных к контексту устойчивого развития, и даны их краткие характеристики.

Принцип 1. Цели инвестирования проектов технологического предпринимательства базируются на понимании парадигмы приоритетов общественного развития в долгосрочном периоде, отраженных в Целях устойчивого развития ООН, Национальных целях развития РФ, ESG-принципах ответственного инвестирования.

Реализация данного принципа означает необходимость встраивания в механизм принятия инвестиционных решений факторов, влияющих на отдаленные последствия финансовой и нефинансовой природы, имеющие значимость для всего человечества.

Для формирования показателей, характеризующих поддержку проектов, обладающих заметным положительным влиянием на деловую активность и рынок труда, был проведен анализ раскрываемой отчетности традиционных финансовых организаций¹. По результатам анализа установлено, что банки предоставляют следующий перечень показателей о персонале:

- численность работников (в том числе со срочным трудовым договором, с бессрочным трудовым договором, на условиях полной занятости, на условиях частичной занятости);
- количество работников, принятых на работу в банк (в разбивке по полу, возрасту и по региону);
- количество работников, покинувших банк (по полу, возрасту и региону);
- коэффициент оборота по приему на работу (по полу, возрасту и региону);
- коэффициент оборота по выбытию работников (по полу, возрасту и региону).

С точки зрения банка как участника процесса инвестирования при поддержке внешних проектов в качестве измерителя социальной составляющей проектов, получивших поддержку, указывается только количество создаваемых рабочих мест.

Эта информация не позволяет прогнозировать последствия внедрения новых технологий на рынок занятости.

Поэтому предлагается дополнить показатели, которые используются традиционными финансовыми организациями для учета социальных аспектов собственной деятельности следующим перечнем показателей, выявленных на основе анализа социальных таксономий [22] и перечней показателей для измерения цифровой экономики и структуры рынка занятости [10]:

- вклад проекта в рост ВВП, руб.;
- доля вклада проекта в рост ВВП за счет цифровизации, %;
- количество сокращаемых рабочих мест;
- доля снижения рабочих часов в профессиях, под которые будут созданы рабочие места в рамках проекта, %.

Для принятия взвешенного решения о поддержке проекта необходима информация не только о создаваемых проектом рабочих местах, но и о структуре задач и деятельности в рамках этих рабочих мест. Метрики оценки качества рабочих мест могут быть сформированы на основе адаптации комплексной таксономии задач для оценки воздействия новых технологий на работу, например, предложенной в [10], к российскому рынку занятости. Собранный таким образом информация может быть также использована при составлении Национального индекса развития цифровой экономики России².

¹ Годовые отчеты за 2020 г. семи крупнейших банков РФ.

² На сегодняшний день разработанный рейтинг цифровизации регионов России является

Принцип 2. Комплексная оценка возможностей и реализуемости проекта с учетом целеполагания участников экосистемы¹ инвестирования, а также связей и отношений между ними в процессе инвестирования, разработки и реализации проекта.

При принятии решения об инвестировании необходимо проверить соответствие целей и условий реализуемости проекта технологического предпринимательства стратегическим целям развития финансовой организации с учетом ее роли в процессе инвестирования и в экосистеме. Для проектов освоения внутренних инноваций — стратегическим бизнес-целям финансовой организации на пути к устойчивости в условиях социального дистанцирования, решая вопрос о балансе постепенных и прорывных инноваций, а также уделяя особое внимание проблемам интеграции предлагаемых проектом продуктов или сервисов в существующую архитектуру. Цели ответственного инвестирования будут в данном случае дополнительным ограничением. Для внешних проектов технологического предпринимательства, иницируемых, в основном, компаниями малого и среднего бизнеса и подающих заявки на финансирование проекта через краудинвестинговую платформу по причине несоответствия требованиям программ банковского кредитования [2], традиционные финансовые организации могут выступать в роли соинвестора или якорного инвестора. Остальными участниками процесса инвестирования могут быть частные профессиональные и непрофессиональные инвесторы в поисках получения более высокой прибыли на имеющийся капитал по сравнению с низкими ставками депозитов в банках [23]. В этом случае финансовая организация как соинвестор может рассматривать предложенные проекты, руководствуясь целями ответственного инвестирования и риск-аппетитом, проводя детальный анализ проекта совместно с платформой и инициатором проекта, рассматривая финансовые показатели результативности проекта в качестве ограничений.

Для совмещения прорывных и постепенных инноваций может быть использована концепция «три горизонта»², подразумевающая рассмотрение проектов технологического предпринимательства в рамках короткого горизонта планирования Н1 для быстрой адаптации финансовой организации к изменяющимся условиям пандемии и новым регуляторным воздействиям; затем в рамках долгосрочного горизонта планирования Н3 с учетом целей ответственного инвестирования, а затем — в рамках горизонта переходного периода Н2, самого сложного с точки зрения принятия решений, так как он должен балансировать между существующими инновациями сегодня и теми, которые считаются важными для будущего. Наличие разных точек зрения улучшит инновационную деятельность, обеспечив сочетание интересов менеджеров, ответственных за достижение сегодняшних результатов, максимизацией прибыли и поддержанием эффективности и результативности организации, предпринимателя, который стремится экспериментировать, пробовать

пилотным, планируется в будущем учитывать в методологии еще большее количество данных, интегрировав в нее статистику крупных банков и рекрутинговых интернет-компаний.

¹ Экосистема инвестирования включает в себя следующих участников: традиционные финансовые институты; краудплатформы и обеспечивающие их сервисные компании; венчурные фонды, профессиональные инвесторы, корпоративные венчурные фонды; внешние и корпоративные акселераторы, инкубаторы и другие формы поддержки и развития проектных инициатив; финтех-компании, неолбанки и стартапы; финансовые маркетплейсы; частные непрофессиональные инвесторы; бизнес-ангелы; предприниматели, иницирующие проекты.

² Управление рисками: испытание кризисом и грядущие изменения работы в новых условиях: Опрос руководителей функции управления рисками, апрель 2020 г. // PwC, 2020. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/collection/covid-19-erm-results.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).

новое, исследовать и расширять, отбрасывая гипотезы, которые не сработали, а также интересы будущих поколений, которые могут быть полностью несовместимыми с реальностью сегодняшнего дня.

Принцип 3. Содействие развитию партнеров по экосистеме инвестирования и повышению прозрачности принятых инвестиционных решений — сбор и раскрытие информации о результатах ESG-оценки отобранных для инвестирования проектов, а также конечных результатов реализации проектов:

- заинтересованным группам общества и регуляторным органам государства с целью обобщения, мониторинга и оптимизации регуляторной политики;
- соинвесторам, другим участникам финансового рынка, субъектам предпринимательства-инициаторам, разработчикам и владельцам проектов — для обучения и повышения осведомленности;
- сотрудникам финансовой организации — для вовлечения в процесс инициирования инноваций.

Сегодняшняя ситуация характеризуется полной неопределенностью, поскольку нет надежной информации о том, каково взаимное влияние экологических, пандемийных, экономических и технологических факторов на устойчивость развития, а также высокой динамикой изменений, требующей быстрой адаптации механизмов управления. Чем раньше будет сформирована система сбора необходимой информации для анализа на различных уровнях принятия решений — на уровне отдельного проекта, отдельной организации, на национальном и глобальном уровнях — тем скорее будут получены результаты ее обобщения и построения прогностических моделей развития, более качественными будут принимаемые решения. И тем полнее можно будет использовать возможности снижения глобальных угроз и частных трагедий за счет правильного выбора проектов технологического предпринимательства.

Цифровые технологии должны поддерживать взаимодействие партнеров по экосистеме инвестирования, информировать с фокусировкой на процесс принятия решения, помогать принимать решение и обучать менее подготовленных участников процесса инвестирования. Мобильные приложения для экспресс-оценки и выявления возможностей проекта для инициатора проекта, а также мобильные приложения для финансовых советников, квалифицированных и неквалифицированных частных инвесторов способствуют снижению уровня риска всех участников экосистемы.

На рис. 2 представлен пример шаблона экранной формы для мониторинга этапа формирования проектных альтернатив перед этапом масштабирования для конкретного проекта технологического предпринимательства.

ESG-метрик может быть достаточно много, поэтому при согласовании целей в соответствии с принципом бережливого инвестирования 13, возникает задача снижения размерности признакового пространства бережливого инвестирования и последующего согласования обобщенных метрик. В качестве инструментов снижения размерности при рассмотрении метрик одного уровня принятия решений (например, только на уровне проекта), может быть использован метод взвешенных сумм, обеспечивающий свертку ESG-метрик в два обобщенных показателя ответственного инвестирования — для оценки влияния проекта на рынок труда и для оценки влияния на климат и экологию. Для согласования двух полученных обобщенных метрик можно использовать принцип оптимальности по Парето. В общем случае в качестве ESG-метрик могут быть предложены не только метрики для оценки отдельного проекта, но и для оценки портфеля проектов в целом.

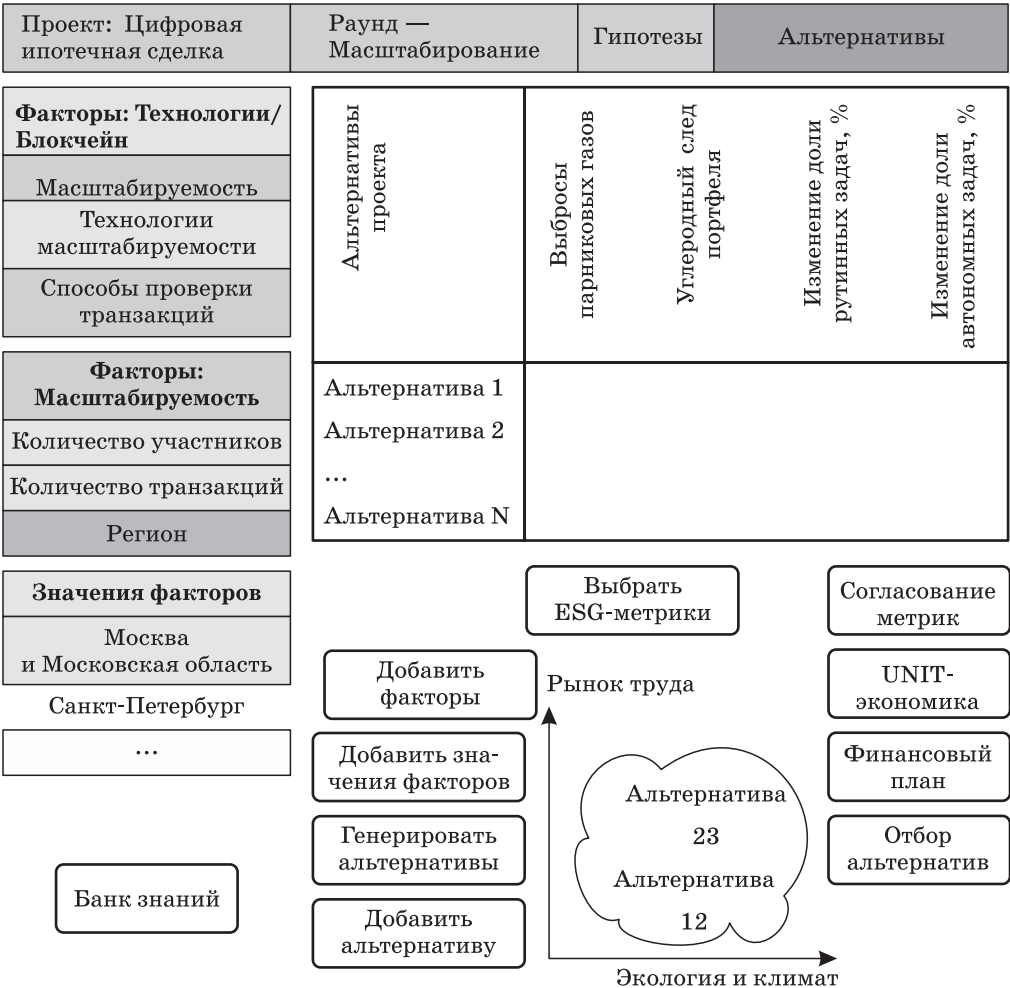

Рис. 2. Шаблон экранной формы онлайн-сервиса для мониторинга этапа формирования альтернатив проекта цифровой ипотечной сделки на этапе масштабирования

Fig. 2. An online service screen template for monitoring the stage of forming alternatives to a digital mortgage transaction project at the scaling stage

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Обсуждение результатов и дальнейшие направления исследования

Текущая ситуация с COVID-19 оказывает огромное давление на технологические возможности финансовых организаций (например, удаленная работа, новые угрозы кибербезопасности), и в то же время, требует постоянного развития в условиях высоких рисков и неопределенности.

Сочетание бережливого мышления, устойчивого развития и ответственного финансирования при принятии решения о реализации проекта призвано одновремен-

но усовершенствовать существующие сервисы и финансовые продукты, получая прибыль на зрелых рынках, и параллельно разрабатывать новые технологии и подходы, способные вывести компанию на принципиально иной уровень устойчивого развития.

Реализация принципа 1 означает необходимость встраивания в механизм принятия инвестиционных решений факторов, влияющих на отдаленные последствия финансовой и нефинансовой природы, имеющие значимость для всего человечества.

Принцип 2 учитывает роль организации в процессе инвестирования и экосистеме и соответствие этой роли стратегическим целям развития. Цели ответственного инвестирования будут в данном случае дополнительным ограничением и фактором снижения риска.

Принцип 3 способствует повышению компетентности малых форм — партнеров по экосистеме инвестирования за счет повышения их информированности, предоставления возможностей, недоступных для них как для самостоятельных/отдельных экономических субъектов.

В качестве направления дальнейших исследований можно выделить следующие задачи:

- адаптация комплексной таксономии задач для оценки воздействия новых технологий на работу, предложенной в [10], к российскому рынку занятости;
- формирование полных и информативных перечней метрик для оценки отдельного проекта технологического предпринимательства, а также для портфеля проектов с учетом целей устойчивого развития и роли компании-инвестора в экосистеме инвестирования;
- разработка методического инструментария поддержки принятия инвестиционных решений по проектам технологического предпринимательства для достижения целей устойчивого развития в условиях новой нормальности, в том числе инструментов снижения размерности признакового пространства, образованного на основе метрик оценки отдельного проекта и портфеля проектов.

Выводы

В данной статье представлены результаты исследования возможности использования бережливого подхода к отбору проектов технологического предпринимательства в условиях новой нормальности для достижения целей устойчивого развития. Показано, что для выхода из кризиса требуются новые модели и инструменты поддержки процесса инвестирования, адаптированные в соответствии с новыми требованиями и глобальными интересами.

Предложенный подход и методический инструментарий базируются на объединении принципов бережливого мышления, устойчивого развития и ответственного финансирования, что позволяет учитывать решения по проекту как его непосредственные результаты, так и влияние на социальную и экологическую составляющую в средне- и долгосрочной перспективе.

Методический инструментарий не только определяет требования к проекту, но и способен стать источником информации (знаний) о портфеле проектов экосистемы инвестирования.

Сформулированные принципы бережливого инвестирования способствуют развитию всех участников экосистемы инвестирования, и, следовательно, созданию инклюзивной экономики экосистем.

Реализация предложенной авторами концепции методики выбора направлений инвестирования позволит повысить качество принимаемых инвестиционных решений и сделать более прозрачным и управляемым процесс снижения глобальных

угроз за счет правильного выбора проектов технологического предпринимательства в условиях неопределенности.

Литература

1. Бургюмова Н. Н., Карпычева С. А., Назаров М. Г., Сидоров Д. В. Исследование эволюции технологического предпринимательства Нижегородской области // *Инновации*. 2015. № 7 (201). С. 80–90.
2. Качанов О. В. Минцифры России подвели итоги работы платформы обратной связи в 2020 году. 05.02.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40354/> (дата обращения 25.02.2021).
3. Львова Н. А., Коршунов О. Ю., Рахимов З. Ю. Внедрение парадигмы устойчивых финансов в стратегию развития финансового рынка ЕАЭС // *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент*. 2021. № 1. С. 35.
4. Новые инструменты привлечения финансирования для развития технологических компаний: практика использования и перспективы развития в России: аналитический доклад // Центр стратегических разработок. НИУ ВШЭ. Москва, 2018. С. 53–55. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/d43/d43abe96c5e5a9cc5dea8c673f5028e1.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).
5. Петренко Л. Д. ESG-критерии в практике принятия инвестиционных решений // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 11 (101) Ч. 2. С. 100–102. URL: <https://research-journal.org/economical/esg-kriterii-v-praktike-prinyatiya-investicionnyx-reshenij/> (дата обращения: 17.09.2021).
6. Практические рекомендации банковского сообщества по внедрению ESG-банкинга в России // Ассоциация банков России, февраль, 2021. 14 с. URL: <https://asros.ru/upload/iblock/160/prakticheskie-rekomendatsii-bankovskogo-soobshchestva-po-vnedreniyu-esg-bankinga-v-rossii.pdf> (дата обращения: 10.09.2021).
7. Принципы ответственных инвестиций. Внедрение, оценка и руководство. Финансовая инициатива ЮНЕП. М., 2008. 40 с.
8. *Российская экономика в 2020 году. Тенденции и перспективы* (вып. 42) / под ред. А. Л. Кудрина, В. А. Мау, А. Д. Радыгина, С. Г. Синельникова-Мурылева // М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. 712 с.
9. Столбов М. И. Финансовый рынок и экономический рост: контуры проблемы. М. : Научная книга, 2008. 201 с.
10. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение : доклад к XX Апрельскому международному научному конференция по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
11. Шкарупета Е. В., Бачурин Д. Н. Концептуальные положения экосистемного подхода к управлению развитием экономических систем в условиях цифровой трансформации // *Организатор производства*. 2020. Т. 28. № 3. С. 7–15. DOI: 10.25987/VSTU.2020.32.34.001.
12. Aghion Ph., Antonin C., Bunel S. The Power of Creative Destruction: Economic Upheaval and the Wealth of Nations // *Belknap Press, Cambridge, MA*, 2021. 400 p.
13. Arner D. W., Barberis J., Buckley R. P. The Evolution of Fintech: A New Post-Crisis Paradigm? // *Georgetown Journal of International Law*. 2016. 47: pp. 1271–1319.
14. Audretsch D. B. Capitalism and democracy in the 21st Century: from the managed to the entrepreneurial economy // *Journal of Evolutionary Economics*. 2000. Vol. 10, pp. 17–34.
15. Audretsch D. B. Innovation, growth, and survival // *International Journal of Industrial Organization*. 1995. Vol. 13, issue 4, pp. 441–457.
16. Baag P. K., Sarkar A. Application of Lean Tool for Process Improvement of Bank Branches // *IIM Kozhikode Society & Management Review* — 2019. 8(2):131–142. doi:10.1177/2277975219836502.
17. Building Back Better: A Sustainable, Resilient Recovery after COVID-19 // *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)* / Gartner, 05.06.2020. pp. 1–15. URL: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/building-back-better-a-sustainable-resilient-recovery-after-covid-19-52b869f5/> (дата обращения 18.09.2021).
18. Cabrera M., Santos J. Lean Banking: Application of lean concepts and tools to the banking industry // *The 2016 International Conference on Systematic Innovation*. 17 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/308294242_Lean_Banking_Application_of_lean_concepts_and_tools_to_the_banking_industry (дата обращения: 14.10.2021).

19. *Commercialising innovation: a systematic new approach* // Cartezia Whitepaper on Commercialising Innovation, Nov. 2019. 6 p. URL: <http://vyakarnam.com/wp-content/uploads/2020/02/The-Triple-Chasm-Approach-to-Commercialising-Innovation-White-Paper-Dec-2019.pdf> (дата обращения: 18.09.2021).
20. *Draft Report by Subgroup 4: Social Taxonomy* // Platform on sustainable finance. July, 2021, pp. 19–28. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/sf-draft-report-social-taxonomy-july2021_en.pdf (дата обращения: 05.09.2021).
21. *EU taxonomy for sustainable activities. What the EU is doing to create an EU-wide classification system for sustainable activities* // European Commission, 2020. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/sustainable-finance/eu-taxonomy-sustainable-activities_en (дата обращения: 18.09.2021).
22. *Fernández-Macías E., Bisello M. A. Taxonomy of Tasks for Assessing the Impact of New Technologies on Work* // JRC Working Papers Series on Labour, Education and Technology, N 2020/04. 32 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/231336/1/jrc-wplet202004.pdf> (дата обращения: 20.09.2021).
23. *Ghezzi A. Digital startups and the adoption and implementation of lean startup approaches: Effectuation, bricolage and opportunity creation in practice. Technological // Forecasting and Social Change. 2019. N 146, pp. 945–960.*
24. *Global Economic Effect of COVID-19* // Congressional Research Service, 09.07.2021. pp. 17–23. URL: <https://crsreports.congress.gov> (дата обращения: 20.09.2021).
25. *Gregori P., Holzmann P. Digital sustainable entrepreneurship: a business model perspective on embedding digital technologies for social and environmental value creation* // J Clean Prod 272:122817. 2020. 9 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122817> (дата обращения: 14.10.2021).
26. *Implementing Lean Tools to Streamline Banking Operations: A Case Study of a Small Lebanese Bank* // Management Studies and Economic Systems (MSES). 2019. 4 (2), pp. 131–144. URL: http://www.msae.org/article_85824_f5f4dcd76c58fddafab05aadfa4ccf67.pdf (дата обращения: 14.10.2021).
27. *Innovation in a crisis: Why it is more critical than ever* // McKinsey & Company 17.06.2020. 11 p. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/innovation-in-a-crisis-why-it-is-more-critical-than-ever> (дата обращения: 20.09.2021).
28. *Leong C., Ter F., Tan Ch., Tan B., Faisal F. The emancipatory potential of digital entrepreneurship: A study of financial technology-driven inclusive growth* // Information & Management. 2022, 103384.
29. *Owens T., Fernandez O. The lean enterprise: how corporations can innovate like startups* // John Wiley & Sons, Inc, New Jersey. 2014. pp. 83–118.
30. *Reinhart C. This Time Truly Is Different* // Project Syndicate, 23.03.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-crisis-has-no-economic-precedent-by-carmen-reinhart-2020-03> (дата обращения: 10.09.2021).
31. *Roussel J. The Principles of Lean in Banking* / KaiNexus Blog. 22.09.2020. URL: <https://blog.kainexus.com/improvement-disciplines/lean/how-banks-are-applying-the-principles-of-lean> (дата обращения: 14.10.2021).
32. *Schwarz E. J., Gregori P., Kraiger I. et al. Entrepreneurial lean thinking for sustainable business modeling: a workshop design for incumbent firms. Nachhaltigkeits Management Forum 29, 2021, pp. 41–55. URL: https://doi.org/10.1007/s00550-020-00508-y* (дата обращения: 14.10.2021).
33. *Technology and innovation report 2021. Catching technological waves. Innovation with equity* // United Nation, Geneva, 2021, pp. 12–17. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020_en.pdf (дата обращения: 15.09.2021).
34. *Testing the application of the EU Taxonomy to core banking products: high level recommendations* // United Nations Environment Program Finance Initiative & The European Banking Federation (EBF), January, 2021, pp. 18–26. URL: <https://www.ebf.eu/wp-content/uploads/2021/01/Testing-the-application-of-the-EU-Taxonomy-to-core-banking-products-EBF-UNEPFI-report-January-2021.pdf> (дата обращения: 10.09.2021)
35. *The Green Investment Principle (GIP) for the Belt and Road Initiative* // IIGF, CUFE, 2021. URL: <https://green-bri.org/green-investment-principle-gip-belt-and-road-initiative/> (дата обращения: 15.09.2021).
36. *Xu W., Qin X., Li X. et al. Developing China's workforce skill taxonomy reveals extent of labor market polarization* // Humanit Soc Sci Commun 8, 187, 2021, pp. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00862-2> (дата обращения: 18.09.2021).

Об авторах:

Гаибова Татьяна Викторовна, доцент департамента «Бизнес-информатика» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент; tvgaibova@fa.ru

Башкирова Ольга Владимировна, старший преподаватель департамента «Бизнес-информатика» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; ovbashkirova@fa.ru

References

1. Bugryumova N. N., Karpucheva S. A., Nazarov M. G., Sidorov D. V. Study of the evolution of technological entrepreneurship in the Nizhny Novgorod region // *Innovations [Innovatsii]*. 2015. N 7 (201), pp. 80–90 (in Rus).
2. Kachanov O. V. The Russian Ministry of Digital Development summed up the results of the feedback platform in 2020. 02/05/2021. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40354/> (date of access: 25.02.2021) (in Rus).
3. Lvova N. A., Korshunov O. Yu., Rakhimov Z. Yu. Implementation of the sustainable finance paradigm into the EAEU financial market development strategy // *Scientific journal NRU ITMO. Series Economics and environmental management [Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya Ekonomika i ekologicheskii menedzhment]*. 2021. N 1. p. 35 (in Rus).
4. New tools for attracting financing for the development of technology companies: practice of use and development prospects in Russia: an analytical report // Center for Strategic Research. NRU HSE. Moscow, 2018. 98 p. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/d43/d43abe96c5e-5a9cc5dea8c673f5028e1.pdf> (date of access: 20.09.2021) (in Rus).
5. Petrenko L. D. ESG-criteria in the practice of making investment decisions // *International Research Journal [Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal]*. 2020. N 11 (101). Part 2. P. 100–102. URL: <https://research-journal.org/economical/esg-kriterii-v-praktike-prinyatiya-investitsionnykh-reshenij/> (date of access: 17.09.2021) (in Rus).
6. Practical recommendations of the banking community on the implementation of ESG banking in Russia // Association of Banks of Russia, February, 2021. URL: https://asros.ru/upload/iblock/160/prakticheskie-rekomendatsii-bankovskogo-soobshchestva-po-vnedreniyu-esg_bankinga-v-rossii.pdf (date of access: 10.09.2021) (in Rus).
7. Principles of responsible investments. Implementation, evaluation and leadership. UNEP Finance Initiative. M., 2008. 40 p. (in Rus).
8. Russian economy in 2020. Trends and prospects (issue 42) / eds. A. L. Kudrin, V. A. Mau, A. D. Radygin, S. G. Sinelnikov-Murylev // Moscow: Publishing house of Institute of Gaidar, 2021. 712 p. (in Russ).
9. Stolbov M. I. Financial market and economic growth: the contours of the problem. M. : Scientific book, 2008. 201 p. (in Rus).
10. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: report. to XX Apr. intl. scientific conf. on Problems of Development of the Economy and Society, Moscow, 9–12 April. 2019 / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg et al. M. : Publishing house of Higher School of Economics, 2019. 82 p. (in Rus).
11. Shkarupeta E. V., Bachurin D. N. Conceptual provisions of the ecosystem approach to managing the development of economic systems in the context of digital transformation // *Organizer of production [Organizator proizvodstva]*. 2020. V. 28. N 3. P. 7–15. DOI: 10.25987/VSTU.2020.32.34.001. (date of access: 15.09.2021) (in Rus).
12. Aghion Ph., Antonin C., Bunel S. The Power of Creative Destruction: Economic Upheaval and the Wealth of Nations // Belknap Press, Cambridge, MA, 2021. 400 p.
13. Arner D. W., Barberis J., Buckley R. P. The Evolution of Fintech: A New Post-Crisis Paradigm? // *Georgetown Journal of International Law*. 2016. 47: pp. 1271–1319.
14. Audretsch D. B. Capitalism and democracy in the 21st Century: from the managed to the entrepreneurial economy // *Journal of Evolutionary Economics*. 2000. Vol. 10. pp. 17–34.
15. Audretsch D. B. Innovation, growth, and survival // *International Journal of Industrial Organization*. 1995. Vol. 13, issue 4, pp. 441–457.
16. Baag P. K., Sarkar A. Application of Lean Tool for Process Improvement of Bank Branches // *IIM Kozhikode Society & Management Review* — 2019. 8(2):131–142. doi:10.1177/2277975219836502.
17. Building Back Better: A Sustainable, Resilient Recovery after COVID-19 // *OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)* / Gartner, 05.06.2020. pp. 1–15. URL: <https://www.oecd.org/coronavi->

- rus/policy-responses/building-back-better-a-sustainable-resilient-recovery-after-covid-19-52b869f5/ (date of access: 18.09.2021).
18. Cabrita M., Santos J. Lean Banking: Application of lean concepts and tools to the banking industry // The 2016 International Conference on Systematic Innovation. 17 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/308294242_Lean_Banking_Application_of_lean_concepts_and_tools_to_the_banking_industry (date of access: 14.10.2021).
 19. Commercialising innovation: a systematic new approach // Cartezia Whitepaper on Commercialising Innovation, Nov. 2019. 6 p. URL: <http://vyakarnam.com/wp-content/uploads/2020/02/The-Triple-Chasm-Approach-to-Commercialising-Innovation-White-Paper-Dec-2019.pdf> (date of access: 18.09.2021).
 20. Draft Report by Subgroup 4: Social Taxonomy // Platform on sustainable finance. July, 2021, pp. 19–28. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/business_economy_euro/banking_and_finance/documents/sf-draft-report-social-taxonomy-july2021_en.pdf (date of access: 05.09.2021).
 21. EU taxonomy for sustainable activities. What the EU is doing to create an EU-wide classification system for sustainable activities // European Commission, 2020. URL: https://ec.europa.eu/info/business-economy-euro/banking-and-finance/sustainable-finance/eu-taxonomy-sustainable-activities_en (date of access: 18.09.2021).
 22. Fernández-Macías E., Bisello M. A. Taxonomy of Tasks for Assessing the Impact of New Technologies on Work // JRC Working Papers Series on Labour, Education and Technology, N 2020/04. 32 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/231336/1/jrc-wplet202004.pdf> (date of access: 20.09.2021).
 23. Ghezzi A. Digital startups and the adoption and implementation of lean startup approaches: Effectuation, bricolage and opportunity creation in practice. Technological // Forecasting and Social Change. 2019. N 146, pp. 945–960.
 24. Global Economic Effect of COVID-19 // Congressional Research Service, 09.07.2021. pp. 17–23. URL: <https://crsreports.congress.gov> (date of access: 20.09.2021).
 25. Gregori P., Holzmann P. Digital sustainable entrepreneurship: a business model perspective on embedding digital technologies for social and environmental value creation // J Clean Prod 272:122817. 2020. 9 p. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122817> (date of access: 14.10.2021).
 26. Implementing Lean Tools to Streamline Banking Operations: A Case Study of a Small Lebanese Bank // Management Studies and Economic Systems (MSES). 2019. 4 (2), pp. 131–144. URL: http://www.msaes.org/article_85824_f5f4dcd76c58fddafab05aadfa4ccf67.pdf (date of access: 14.10.2021).
 27. Innovation in a crisis: Why it is more critical than ever // McKinsey & Company 17.06.2020. 11 p. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/innovation-in-a-crisis-why-it-is-more-critical-than-ever> (date of access: 20.09.2021).
 28. Leong C., Ter F., Tan Ch., Tan B., Faisal F. The emancipatory potential of digital entrepreneurship: A study of financial technology-driven inclusive growth // Information & Management. 2022, 103384.
 29. Owens T., Fernandez O. The lean enterprise: how corporations can innovate like startups // John Wiley & Sons, Inc, New Jersey. 2014. pp. 83–118.
 30. Reinhart C. This Time Truly Is Different // Project Syndicate, 23.03.2020. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-crisis-has-no-economic-precedent-by-carmen-reinhart-2020-03> (date of access: 10.09.2021).
 31. Roussel J. The Principles of Lean in Banking / KaiNexus Blog. 22.09.2020. URL: <https://blog.kainexus.com/improvement-disciplines/lean/how-banks-are-applying-the-principles-of-lean> (date of access: 14.10.2021).
 32. Schwarz E. J., Gregori P., Krajger I. et al. Entrepreneurial lean thinking for sustainable business modeling: a workshop design for incumbent firms. Nachhaltigkeits Management Forum 29, 2021, pp. 41–55. URL: <https://doi.org/10.1007/s00550-020-00508-y> (date of access: 14.10.2021).
 33. Technology and innovation report 2021. Catching technological waves. Innovation with equity // United Nation, Geneva, 2021, pp. 12–17. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2020_en.pdf (date of access: 15.09.2021).
 34. Testing the application of the EU Taxonomy to core banking products: high level recommendations // United Nations Environment Program Finance Initiative & The European Banking Federation (EBF), January, 2021, pp. 18–26. URL: <https://www.ebf.eu/wp-content/uploads/2021/01/>

Testing-the-application-of-the-EU-Taxonomy-to-core-banking-products-EBF-UNEPFI-report-January-2021.pdf (date of access: 10.09.2021)

35. The Green Investment Principle (GIP) for the Belt and Road Initiative // IIGF, CUFЕ, 2021. URL: <https://green-bri.org/green-investment-principle-gip-belt-and-road-initiative/> (date of access: 15.09.2021).
36. Xu W., Qin X., Li X. et al. Developing China's workforce skill taxonomy reveals extent of labor market polarization // Humanit Soc Sci Commun 8, 187, 2021, pp. 1–10. URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-021-00862-2> (date of access: 18.09.2021).

About the authors:

Tatyana V. Gaibova, Associate Professor of the Business Informatics Department of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor; tvgaibova@fa.ru

Olga V. Bashkirova, Senior Lecturer, Department of Business Informatics, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ph.D., Candidate of Economic Sciences; ovbashkirova@fa.ru

Стратегическая ориентированность развития киноорганизации в цифровую эпоху

Колобова Е. Ю.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Российская Федерация; jenechos@list.ru

РЕФЕРАТ

Развитие киноиндустрии неразрывно связано с технологическими изменениями. Так, для цифрового общества уже характерны различные достижения в области производства интерактивных фильмов на основе виртуальной реальности, частое использование смартфонов в качестве фотоаппаратов, появление полностью цифровых съемочных площадок. Современная цифровая реальность повлияла на деятельность киноорганизаций, изменяя основную цепочку создания стоимости кинопродукта за счет появления новых цифровых платформ в процессе распространения и создания кинопродукции, что создало необходимость совершенствования стратегии развития кинобизнеса. В статье проведена связь между стратегическим управлением и стратегической ориентацией на основе исследований российских и зарубежных ученых в области экономики. В работе предложены компоненты процесса стратегической ориентации в кинобизнесе на базе цепочки создания стоимости, поскольку связи между отдельными этапами влияют на конкурентное преимущество кинокомпании. Представленная стратегическая ориентация киноорганизации состоит из существующей бизнес-модели развития бизнеса, миссии, ценностей каждого кинопроекта, целей, SWOT-анализа, различных уровней стратегий и обратной связи, присутствующей на всех этапах разработки и реализации стратегии.

Ключевые слова: цифровизация, киноиндустрия, стратегическая ориентация, стратегия, кинобизнес

Для цитирования: Колобова Е. Ю. Стратегическая ориентированность развития киноорганизации в цифровую эпоху // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 116–126.

Strategic Orientation of Film Organization Development in the Digital Age

Evgenia Yu. Kolobova

Saint Petersburg State Institute of Film and Television, Saint Petersburg, Russian Federation; jenechos@list.ru

ABSTRACT

The development of the film industry is inextricably linked with technological changes. Thus, the digital society is already characterized by various achievements in the production of interactive films based on virtual reality, the frequent use of smartphones as cameras, the emergence of fully digital film sets. Modern digital reality has influenced the activities of film organizations, changing the main value chain of film products due to the emergence of new digital platforms in the process of distribution and creation of film products, which created the need to improve the development strategy of the film business. The article draws a connection between strategic management and strategic orientation based on the research of Russian and foreign scientists in the field of economics. The paper proposes the components of the process of strategic orientation in the film business based on the creation of a value chain, since the links between the individual stages affect the competitive advantage of a film company. The presented strategic orientation of the film organization consists of the existing business model of business development, mission, values of each film project, goals, SWOT analysis, various levels of strategies and feedback present at all stages of strategy development and implementation.

Keywords: digitalization, film industry, strategic orientation, strategy, film business

For citing: Kolobova E.Yu. Strategic Orientation of Film Organization Development in the Digital Age // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 116–126.

В условиях новой цифровой реальности на глобализированном рынке информация играет важную роль. Новые информационные технологии в сети Интернет способствовали выдвиганию медиаиндустрии в мировой экономике на первый план, повлияв на ее бизнес-трансформацию, и внедрению интегрированных бизнес-моделей [2]. Изучение и понимание указанных процессов необходимо для решения важнейших национальных задач в области управления народным хозяйством, а также менеджмента в медиасфере, в которую входят телекоммуникационная отрасль и СМИ, информационные технологии (ИТ), а также индустрия культуры и развлечений, одним из важнейших компонентов которой является киноиндустрия. Вместе с этим кинематография является не только структурной составляющей национальной экономики, но и фактором целевой ориентации на достижение экономических и социальных результатов.

Российский кинобизнес представляется высокорискованным, и потому, инвестиционно не привлекательным, оставаясь при этом полностью зависимым от государственной поддержки, что, в свою очередь, не является достаточным условием для успешного развития отрасли. Государство, будучи заинтересованным в развитии национального кинематографа, стремится к увеличению доли кассовых сборов отечественных фильмов в общем объеме поступлений от проката кинолент, демонстрируемых в кинотеатрах.

Министерство культуры РФ отвечает за субсидирование дебютного, экспериментального, детского и документального кино, а Фонд кино осуществляет финансирование коммерческих игровых и анимационных картин¹. Так, несмотря на то, что объем государственной поддержки растет с каждым годом (рис. 1), качество отечественных фильмов не позволяет им конкурировать с высокобюджетными зарубежными фильмами, а доля отечественного кино в кинопрокате не превышает 30% (рис. 2), только в 2020 г. этот показатель достиг 49% ввиду внешних экономических воздействий на экономику, вызванных пандемией COVID-19.

Так, если в 2019 г. общие кассовые сборы составили 55,5 млрд рублей, то в 2019 г. — 22,8 млрд рублей². Кроме того, после закрытия на четыре месяца кинотеатров в России и введения ограничений по их посещаемости, основные конкуренты российских кинокартин — голливудские — вынуждены прийти к временному отказу от стратегии одновременных глобальных премьерных показов блокбастеров по всему миру, что определяет причину такой высокой доли российского кино в общих сборах.

В период весеннего локдауна в России зрительская аудитория перешла на онлайн-формат, уделив большее влияние стриминговым сервисам, которые предложили пользователям бесплатные подписки, нежели онлайн-кинотеатрам, которые утратили свою популярность. Разница между этими двумя платформами состоит в том, что стриминг как потоковое онлайн-вещание ввиду конкуренции предоставляет оригинальный или эксклюзивный контент. Часто при стриминговых сервисах даже есть свои студии (например, у Netflix), на которых производство и осуществляется. Онлайн-кинотеатры между собой слабо дифференцированы, только оформлением приложения, а стриминговые сервисы ведут конкурентную борьбу с помощью скорости выкупа фильмов и сериалов у других студий и качеством собственного оригинального контента. Долгое время онлайн-кинотеатры работали по принципу реальных кинотеатров, то есть продавали фильмы по отдельности или

¹ О Федеральном фонде социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии: Постановление Правительства РФ от 31.12.2009 № 1215 (ред. от 08.04.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 36. Ст. «Собрание законодательства РФ», 03.09.2018, ст. 5628.

² Кинопрокат России. Итоги 2020 года [Электронный ресурс] // Фонд Кино. URL: <https://www.fond-kino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2020-godu/> (дата обращения: 10.08.2021).

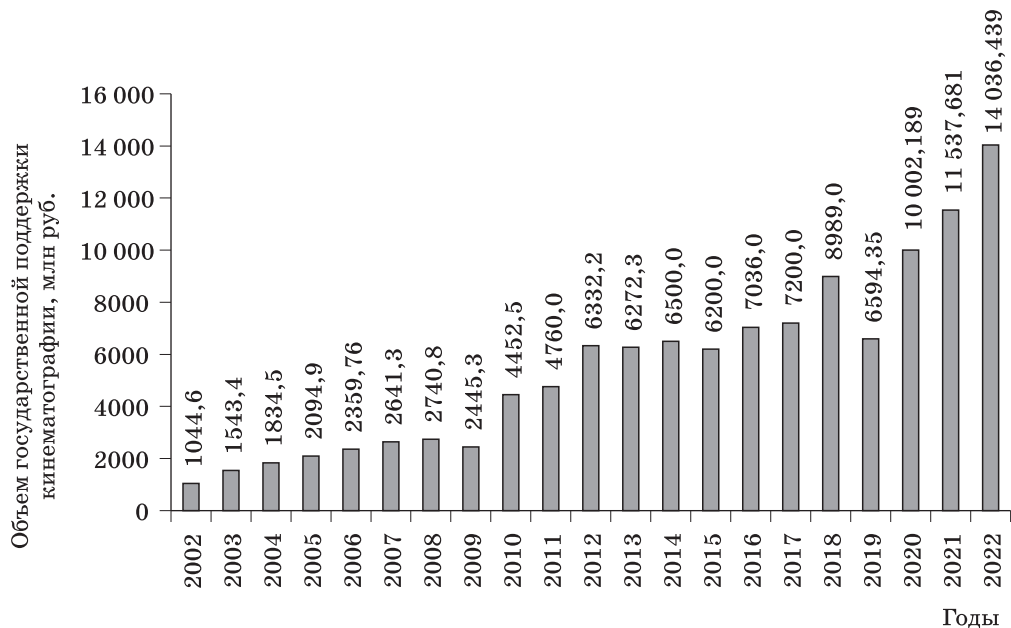

Рис. 1. Динамика объемов государственной поддержки кинематографии в период с 2002–2022 гг.

Fig. 1. Dynamics of the volume of state support for cinematography in the period from 2002–2022

Источники: Отбор национальных фильмов в целях оказания поддержки производства в 2021 г. за счет средств [Электронный ресурс] // Фонд кино Федеральный фонд социальной и экономической поддержки отечественной кинематографии URL: <http://www.fond-kino.ru> (дата обращения: 11.09.2021); Киноиндустрия Российской Федерации. Исследование компании «Невафильм», при участии «RFilms» для Европейской аудиовизуальной обсерватории, 2012 [Электронный ресурс] // Невафильм URL: <http://www.obs.coe.int/documents/205595/552774/RU%20Film%20Industry%202012%20Nevafilm%20RU.pdf> (дата обращения: 12.09.2021); Доклады о результатах и основных направлениях деятельности Министерства культуры Российской Федерации за 2012–2016 гг. М. : Минкультуры РФ; Киноиндустрия Российской Федерации. Исследование компании «Невафильм», при участии «RFilms» для Европейской аудиовизуальной обсерватории, 2009 [Электронный ресурс] // Невафильм. URL: <http://www.obs.coe.int/documents/205595/552774/RU+Film+Industry+2009+Nevafilm+RU.pdf/98eb9a3f-6e7b-446f-823a-447b3715eee5> (дата обращения: 16.09.2021); Кинопрокат России. Итоги 2018 года [Электронный ресурс] // Фонд Кино. URL: <http://www.fond-kino.ru/news/kinoprokat-rossii-itogi-2018-goda/> (дата обращения: 16.09.2021); Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. № 10 (262), 2019. 308 с.; Федеральный закон от 02.12.2019 № 380-ФЗ (ред. от 18.03.2020) «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов».

сдавали в аренду на пару дней, в современных условиях они перешли на подписочную систему, а некоторые даже обзавелись оригинальным контентом, например, КиноПоиск или Megogo.

Некоторые премьеры фильмов вместо кинотеатров были перенесены в цифровой прокат, например, фильм «Мулан» вышел в гибридном формате: одновременно в стриминговом сервисе HBO Max и в обычных кинотеатрах, — что определило данную стратегию дистрибуции фильма достаточно успешной. Внешние факторы ускорили процесс цифровизации ведущих американских киностудий, что формирует у них новое конкурентное преимущество на мировом кинорынке, на котором

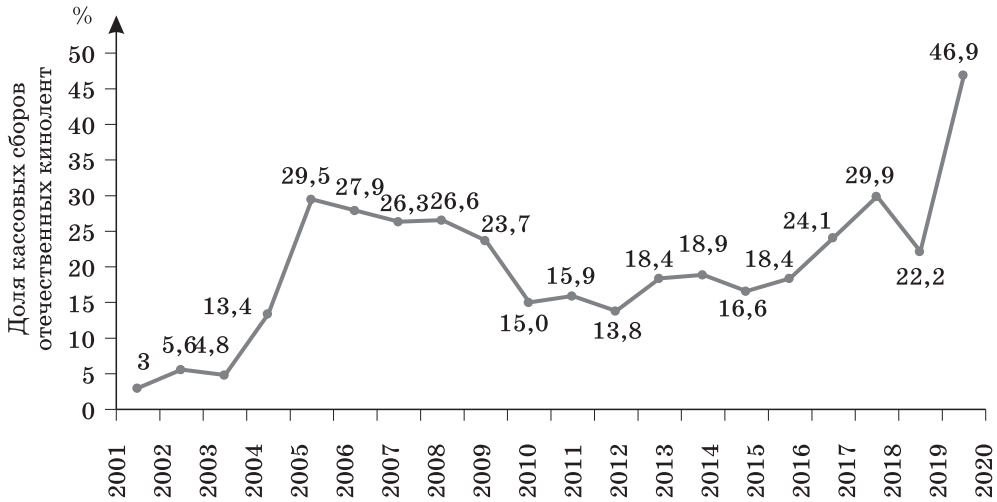

Рис. 2. График изменения кассовых сборов российских кинолент в общем объеме кассовых сборов от всех демонстрируемых кинолент в период 2001–2020 гг.
 Fig. 2. The schedule of changes in the box office of Russian films in the total box office from all screened films in the period 2001–2020.

Источники: Кинопрокат России. Итоги 2020 года [Электронный ресурс] // Фонд Кино URL: <https://www.fond-kino.ru/news/itogi-kinoprokata-v-2020-godu/> (дата обращения: 10.08.2021); Киноиндустрия Российской Федерации. Исследование компании «Невафильм», при участии «RFilms» для Европейской аудиовизуальной обсерватории, 2009 [Электронный ресурс] // Невафильм URL: [http://www.obs.coe.int/documents/205595/552774/RU+Film+Industry+2009+Nevafilm+RU .pdf/98eb9a3f-6e7b-446f-823a-447b3715eee5](http://www.obs.coe.int/documents/205595/552774/RU+Film+Industry+2009+Nevafilm+RU.pdf/98eb9a3f-6e7b-446f-823a-447b3715eee5) (дата обращения: 16.09.2021); Кинопрокат России. Итоги 2018 года [Электронный ресурс] // Фонд Кино. URL: <http://www.fond-kino.ru/news/kinoprokat-rossii-itogi-2018-goda/> (дата обращения: 16.09.2021); Бублевский М. А был ли мальчик? Миф о бюджетообразующей роли советского кино [Электронный ресурс] // CINEMAPLEX URL: <http://cinemaplex.ru/2013/03/26/bublevsky-istoki-mifa-2.html> (дата обращения: 10.03.2021); Кинопрокат России: итоги 2013 года [Электронный ресурс] // Кинобизнес URL: <http://www.kinobusiness.com/total/2013/> (дата обращения: 17.08.2021); Кинопрокат России: итоги 2014 года [Электронный ресурс] // Кинобизнес. 2015. № 1-2. URL: <http://www.kinobusiness.com/kassa/2013/> (дата обращения: 10.08.2021); Кинопрокат СНГ: итоги 2009 года [Электронный ресурс] // Кинобизнес, 2010. № 4. URL: <http://www.kinobusiness.com/kassa/2013/> (дата обращения: 15.08.2021); Пичугин Э. А. Кинопрокат в России. Взгляд в будущее. СПб., 2009. 64 с.; Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства культуры Российской Федерации в 2015 году и задачах на 2016 год. М. : Минкультуры РФ, 2016. 212 с.; Доклад об основных направлениях и результатах деятельности Министерства культуры Российской Федерации в 2016 году. М. : Минкультуры РФ, 2017. 165 с.; Российский кинорынок. Итоги 2018 года [Электронный ресурс] // Синемаскоп, 2019. № 65. URL: <https://research.nevafilm.ru/research/biblioteka/articles/russian-cinema-market-2018/> (дата обращения: 10.09.2021).

российский кинобизнес имеет невысокий уровень конкурентоспособности ввиду его фрагментированности и плохой структурированности, что связано с его неспособностью к устойчивому развитию.

Трансформация киноиндустрии предъявила совершенно новые требования к созданию и управлению современными бизнес-процессами, соответствующими вызовам новой цифровой эпохи, способными адаптироваться в условиях стремительно меняющейся среды и внедрять инновации.

Процессы укрупнения и диверсификации в киносреде сформировали необходимость прогнозирования финансовых последствий различных стратегических решений,

что способствовало росту спроса на знания в области управления современной медиаиндустрией и киноиндустрией в частности, от которых зависит экономический успех кинокомпании и конкурентоспособность национальной медиаэкономики.

Эффективная работа современных киноорганизаций неразрывно связана с процессным управлением. Еще в начале 1930-х гг. появилась идея переориентации структуры предприятия с функциональной организации на процессный подход, что привело к появлению таких концепций, как управление бизнес-процессами. Бизнес-процесс представляет последовательность взаимосвязанных действий, процедур, мероприятий и работ, направленных на получение результата, ценного для предприятия [17]. Управление бизнес-процессами предполагает моделирование основных процессов организации с помощью специальных инструментов и обеспечивает их планирование, управление и контроль, однако, чем больше организационных единиц задействовано в бизнес-процессе, тем сложнее становится управлять им.

Если бизнес-процессы нацелены на решение повторяющихся задач, направленных на достижение стабильного результата, то уникальные задачи, связанные с творческим процессом, требуют иного управленческого подхода, который реализуется с помощью управления проектами. Функционирование бизнес-процессов и реализация проектов не только обеспечивают текущую деятельность кинокомпании, но и выступают важной составляющей стратегического управления. Выявление и разработка ключевых бизнес-проектов, стимулирующих организацию для достижения своих стратегических целей, позволит повысить эффективность стратегического управления.

От греческого слова «strategos» происходит термин «strategy», что означает «роль генерала». Стратегия в традиционном понимании — есть набор правил для принятия решений, которыми организация руководствуется в своей деятельности [1]. Стратегическое управление представляет собой постоянно повторяющийся процесс управления организацией, который соединяет планирование, выполнение, контроль текущего решения и долгосрочную стратегию организации [4]. Стратегический менеджмент можно определить как искусство и науку формулирования, реализации и оценки межфункциональных решений, которые позволяют организации достичь своих целей для создания и поддержания конкурентного преимущества [7]. Правильно разработанная и реализованная стратегия, которая значительно отличается от стратегии конкурентов, может помочь обеспечить развитие компании.

Процесс стратегического управления включает стратегическую ориентацию и стратегическое планирование, при этом процесс между этими двумя элементами непрерывен. Стратегическое планирование определяется как систематические усилия по налаживанию взаимодействия между основными заинтересованными сторонами с целью повышения оперативности реагирования компании на ее бизнес-среду [19]. С практической точки зрения стратегическое планирование необходимо для разработки более длительных организационных жизненных циклов и создания конкурентоспособности [4]. Стратегическое планирование — это систематический, официально задокументированный процесс, позволяющий решить, какие ключевые решения организация, рассматриваемая как единое целое, должна принять, чтобы добиться успеха в следующие несколько лет.

Общепринятого определения стратегической ориентации не существует. Сама природа ориентации является предметом дискуссий, и различные научные исследования имеют разные концепции. Ориентация представляется как общее или длительное направление мысли, склонность или интересы. Термин «планирование» в менеджменте — это процесс подготовки способов более экономичного, эффективного и результативного использования ресурсов для достижения целей компании. Стратегическая ориентация в свою очередь связана со способом адаптации

к внешней среде [5], что относится к модели реагирования, которую организация предпринимает в своей среде в целях повышения производительности и получения конкурентных преимуществ [11].

Для формирования стратегической ориентации руководству необходимо разработать политику деятельности предприятия, то есть установить цель и видение будущего его развития и создать план действий для достижения этой цели. Этот план представляет собой стратегию для субъекта хозяйствования, в которой указаны типы процедур или изменения, которые необходимо выполнить, после чего организация может оценить стратегическую ориентацию, которую она имеет. Термин «ориентация» в этом смысле указывает на то, насколько хорошо компания следует этой стратегии для достижения своих целей на будущее.

Ряд ученых [6] рассматривают стратегическую ориентацию как аспект организационной культуры, которая проявляется в культуре предприятия и служит предпосылкой для организационных решений, связанных с распределением нематериальных ресурсов и использованием возможностей. С данной точки зрения стратегическая ориентация учитывает специфику организации, основанную на культуре и комплексных возможностях, которые отражают философию предприятия, осуществляющего свою деятельность во взаимодействии с внешней средой [24].

Изучив ряд исследований, можно предложить оптимальное, на наш взгляд, определение *стратегической ориентации как набора руководящих принципов, способных формировать процесс принятия управленческих решений на основе эффективного использования ресурсов предприятия, способов взаимодействия с рынком для адаптации к внешней среде и получения наибольшего конкурентного преимущества.*

Стратегическая ориентация влияет на производительность субъекта хозяйствования, особенно в отраслях с высоким уровнем конкуренции, например, кинематографии [3], а также способствует динамическому созданию возможностей в постоянно меняющейся бизнес-среде и позволяет предприятию быстро реагировать на эти изменения, представляя предиктор успешных организаций, обладающих конкурентным преимуществом [8]. Следовательно, предприятия, придерживающиеся стратегической ориентации, смогут прогнозировать потенциальные внешние изменения в бизнес-среде и адаптироваться к ним.

Существуют различные составляющие стратегической ориентации, например, ориентация на инновации, технологическая ориентация, предпринимательская ориентация, ориентация на качество и ориентация на производительность [22]. Для целей данного исследования рассмотрены следующие основные компоненты стратегической ориентации.

1. Рыночная ориентация — изучение рыночных условий, удовлетворение клиентов с помощью различных средств.
2. Технологическая ориентация.
3. Ориентация на инновации — разработка инновационных продуктовых идей.

1. *Ориентация на рынок.* Зарубежный ученый-экономист [10] определил рыночную ориентацию как процесс сбора и анализ внутренней и внешней информации. Другие ученые [13, с. 15; 142] под рыночной ориентацией представляют генерацию информации о рынке в масштабах всей организации, относящейся к текущим и будущим потребностям клиентов, чтобы предоставить им предложения с более высокой добавленной стоимостью, распространение информации между подразделениями и оперативное реагирование на нее, увеличение темпов внедрения инноваций, то есть готовность поддерживать творчество и эксперименты при внедрении новых продуктов или услуг, а также новизну, исследования в разработке новых процессов, внедрению новых продуктов и брендов раньше своих конкурентов [23].

2. *Технологическая ориентация* определяется как склонность фирмы внедрять или использовать новые технологии, продукты или инновации для формирования ценности продукции или услуги для клиентов [14]. При этом рыночная ориентация в основном направлена на внешнюю среду организации с точки зрения ее клиентов и конкурентов, а технологическая ориентация подходит к дилемме потребительской ценности с внутренней точки зрения. Разработка новых технологий, продуктов и услуг рассматривается как ключ к созданию ценности для клиентов и предоставлению организациям конкурентных преимуществ.

3. *Ориентация на инновации.* Чтобы выжить в условиях нестабильности окружающей среды, включающие появление глобальных рынков, мощных технологий и сокращение жизненного цикла продукции, хозяйствующим субъектам необходимо уметь радикально внедрять инновации и быстро адаптироваться к меняющимся условиям. Инновация представляется по мнению западного ученого [21] как процесс управления, включающий множество действий, выполняемых несколькими участниками из одной или нескольких организаций, в ходе которых разрабатываются и внедряются комбинации средств, которые являются новыми для подразделения. Инновацию также можно определить как принятие идеи, поведения, системы, политики, программы, устройства, процесса, продукта или услуги, которые считаются новыми для организации.

Внедрение инновации предполагает развитие динамических возможностей через управление и объединение различных типов ресурсов, то есть для эффективной организации инновационного процесса технологические возможности должны сочетаться с маркетинговыми, управленческими и организационными компетенциями [9; 18].

По мнению зарубежных специалистов, в области экономики [8; 14] внедрение инноваций зависит от трех факторов: структуры, инновационной среды и атрибутов инноваций. Инновационная среда относится к внутренней тактической среде для внедрения инноваций. Атрибуты инновации относятся к ее характеристикам. Однако наличие только одного из этих факторов само по себе недостаточно для обеспечения успеха, поэтому для эффективного внедрения инновации должна существовать комбинация этих факторов.

Кроме того, на инновации влияют внутренние и внешние факторы. Внутренние факторы включают управление и стратегию фирмы, сотрудников фирмы и отдел исследований и разработок [16]. Внешние факторы включают конкуренцию, дерегулирование, изоморфизм, ресурсы и потребительский спрос, а также траектории, содержащие идеи, распространяющиеся через социальные системы, и субъекты, которые относятся к ключевым участникам рынка, например, клиенты, поставщики и конкуренты, органы власти.

Рынок киноиндустрии подвергнут постоянным изменениям, что предполагает постоянное создание новых стратегий. Западные исследователи в области кинематографии [9; 12] утверждают, что стратегии на рынке культурных товаров основаны на интуиции, эмоциональных знаниях, а не на стандартных исследованиях рынка. Исследования в области культуры и киноиндустрии способствуют лучшему пониманию аудитории и конкурентов, что облегчает прогнозирование успеха фильма, деятельности кинокомпании, охвата аудитории и т. д. Создание самого важного продукта — художественного фильма — требует больших финансовых ресурсов, поэтому очень рискованно полагаться только на интуицию. Однако потребительский вкус к фильмам трудно предсказать, при этом знание своей аудитории и ее предпочтений может помочь привлечь ее, например, путем подбора любимого актера, внедрения инноваций в процесс распространения, образовательной деятельности и т. д.

Однако бизнес, который создает стратегический план будущего роста, но затем игнорирует его в течение следующих трех бизнес-кварталов, может быть страте-

гически не ориентирован. Напротив, предприятие, которое создает такой план, регулярно обсуждая его в течение всего финансового года и используя в качестве руководства для постоянного развития, демонстрирует существенно лучшую стратегическую ориентацию. Именно поэтому необходимо не только сформулировать стратегию, но и реализовать ее, анализируя и дополняя в течение всего периода.

Стратегическая ориентация в кинобизнесе включает разработку стратегии и ее реализацию, которая связана с определенными звеньями цепочки создания стоимости кинопродукта (рис. 3).

Формулировка стратегии состоит из существующей бизнес-модели, миссии, ценностей, целей, SWOT-анализа, различных уровней стратегий и обратной связи. Существует четыре уровня стратегий:

- Корпоративная стратегия — стратегия высшего уровня, отражает видение субъекта хозяйствования в будущем и корректирует его структуру и план действий [18].
- Глобальная стратегия определяет производство и предоставление услуг на глобальном уровне.
- Стратегия бизнес-уровня ориентирована на формирование конкурентных преимуществ на рынке [20, р. 132].
- Операционная или функциональная стратегия является базовым уровнем стратегий, анализирует взаимодействие функций кинобизнеса, то есть маркетинга, производство, финансирование, распределение, продажу и бизнес-стратегии.

При этом функциональные действия должны быть скоординированы и дополнять друг друга, поскольку каждый уровень стратегии является неотъемлемой частью общей стратегии.

Следующим этапом после разработки стратегии является ее реализация, состоящая из управления в рамках этических норм культуры кинобизнеса с помощью организационного контроля и менеджмента проектов, развивая коммуникацию между сотрудниками. Обратная связь существует на всех этапах и элементах.

Стратегия развития непосредственно связана с особенностями формирования цепочки создания стоимости в киноиндустрии, которая дает представление о том, что элементы, соединяющие различные звенья, оказывают решающее влияние на конкурентное преимущество. Так, анализ окружающей среды позволяет определить цепочки, в которых организация уязвима или имеет преимущество.

Система ценностей отражает основных участников киноиндустрии: производителей, распространителей и потребителей. В связи с этим в доктрине менеджмента в сфере кино выделяются такие типы кинокомпаний, как производственная, продюсерская, дистрибьюторская (прокатная) — последняя из которых, стремясь охватить максимально широкую аудиторию, распространяет кинопродукцию не только на уровне кинопоказов в кинотеатрах, то есть традиционно, но и с помощью цифровых платформ, кабельного телевидения и т. д.

Цепочка создания стоимости кинопроекта включает разработку, финансирование, предпродажную подготовку, производство, съемку, постпродакшн, международные продажи, лицензирование, международную дистрибьюцию, кинопрокат, распространение кинопродукции и потребление.

Киноиндустрия тесно связана с технологиями, кроме того, важную роль играют актеры, режиссеры и сценаристы, чье участие в фильме может привлечь зрителей, что является частью маркетинга, который должен развиваться на всех этапах, начиная с разработки проекта. Однако реализовывать маркетинговый план на стадии планирования бюджета, параллельно осуществляя поиск источников финансирования, рискованно. Именно поэтому маркетинг может быть запущен уже в процессе производства, когда финансирование обеспечено и съемки уже начались. Потребители, участвующие в заключительном этапе, вносят свой вклад в определение репутации фильма.

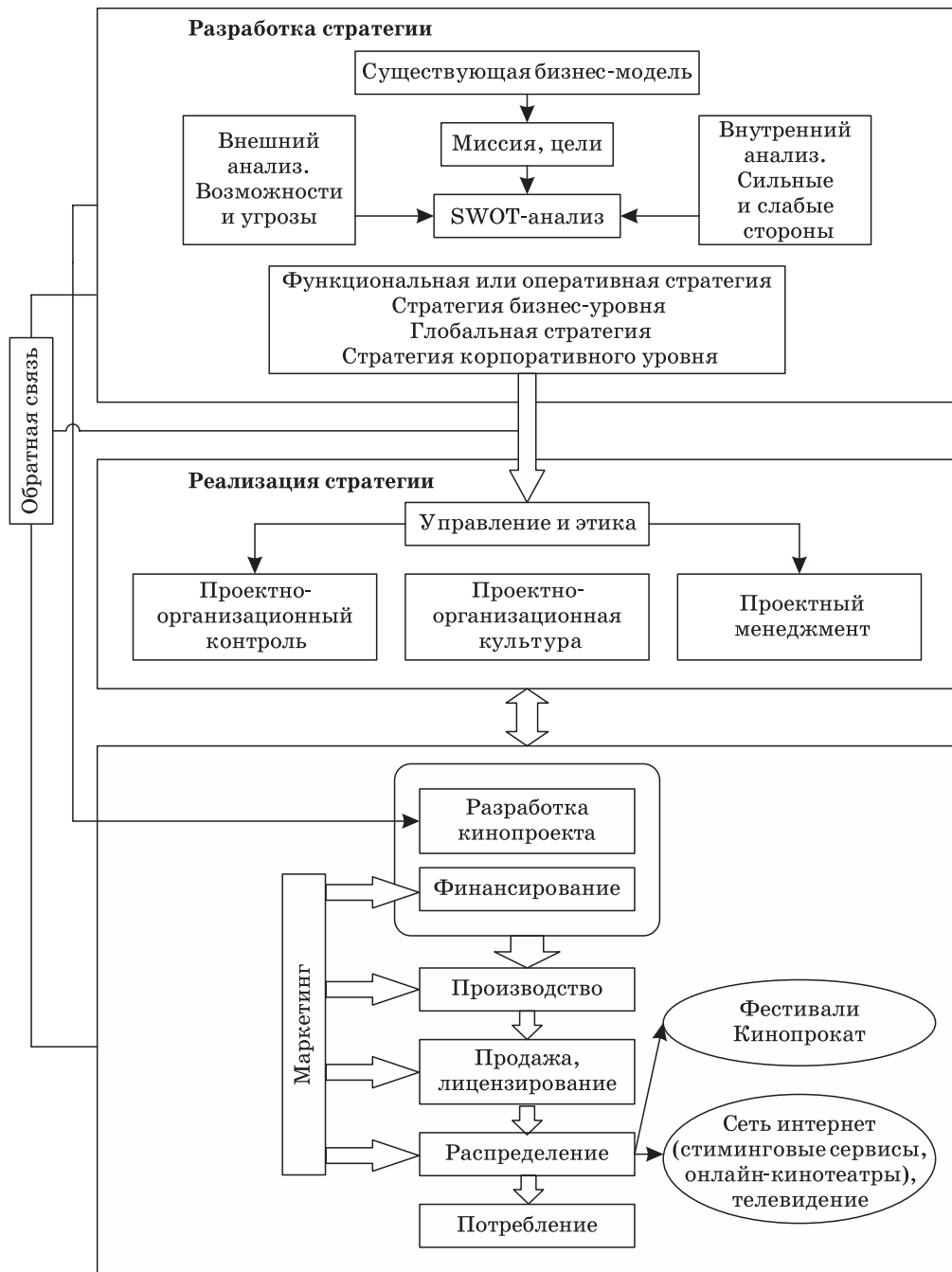

Рис. 3. Компоненты процесса стратегической ориентации в кинобизнесе
 Fig. 3. Components of the strategic orientation process in the film business

Формирование и реализация стратегии основываются на этапах разработки кинопроекта, производства и продаж, что создает потребность хозяйствующих субъектов кинематографии в разработке новой стратегии оказания поддержки фильма для цифровой аудитории, в том числе для доставки кино- и телевизионного контента через сеть Интернет, включая отслеживание финансовых потоков и обеспечение доступа зрителей к контенту. Кроме того, следует создать структурированные обратные связи после выхода фильма в прокат с продюсером и дистрибьютором, а также демонстраторами фильмов и Министерством культуры РФ, для которых должна предоставляться наиболее точная информация, отражающаяся впоследствии на сайте Единой автоматизированной информационной системы сведений о показах фильмов в кинозалах (ЕАИС).

Таким образом, влияние глобальной цифровизации на киноиндустрию очевидно, поскольку данная отрасль тесно связана с инновационными процессами. Глобализация киносферы привела к доступности новых участников на международном кинорынке, увеличивая конкуренцию между кинопроизводителями в отдельных частях мира и повышая глобальную взаимозависимость за счет расширения культурных связей. В условиях цифровой реальности российским кинокомпаниям, оставаясь в основном зависимыми от финансовой поддержки государства и осуществляя свою деятельность в высокорискованном бизнесе, необходимо внедрять новшества и изменения на уровне стратегического планирования, формировать стратегию развития кинобизнеса и постоянно ее корректировать с помощью стратегической ориентации предприятия. Стратегическое планирование должно включать в себя разработку инновационных проектных идей и удовлетворение клиентов, изучение внешней среды: рыночных условий, анализ конкурентов, предпочтений кинозрителей. Стратегическая ориентация состоит из существующей бизнес-модели, миссии, ценностей каждого кинопроекта, целей, SWOT-анализа, различных уровней стратегий и обратной связи. При этом постоянно уточняя, совершенствуя стратегию кинобизнеса возможно достижение поставленных целей.

Литература / References

1. Ансофф И. Стратегическое управление / пер. с англ. М. : Экономика, 1989. 563 с. [Ansoff I. (2015). *Strategic management*. Moscow: Ekonomika, 1989. 563 p. (in Rus)].
2. Кириленко В. П., Колобова Е. Ю. Развитие медиабизнеса в условиях глобальной цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 127–142. [Kirilenko V. P., Kolobova E. Yu. Development of media business in the context of global digitalization // *Administrative consulting*. 2021. N 2. P. 127–142. (in Rus)].
3. Abiodun T. S., Kida M. I. Impact of strategic orientations on performance of small and medium enterprises: The roles of entrepreneurial orientation in promoting economic development // *International Journal of Economics, Commerce and Management*. 2016. N 4 (4), P. 206–219.
4. Al-Shaikh F. N. Strategic planning process in developing countries: The case of United Arab Emirates business firms // *Management Research News*. 2001. N 24(12). P. 7–16.
5. Avci U., Madanoglu M. and Okumus F. Strategic Orientation and Performance of Tourism Firms: Evidence from a Developing Country // *Tourism Management*. 2011. N 32. P. 147–157.
6. Balodi K. C. Orientation Strategic and Organizational Forms: An Integrative Framework // *European Business Review*. 2014. N 26. P. 188–203.
7. Blatstein I. M. Strategic Planning: Predicting or Shaping the Future? // *Organization Development Journal*. 2012. N 30 (2). P. 32.
8. Cássia A. D. R., & Zilber S. N. Strategic orientation and innovative activities: an analysis using the PINTEC data from 1998 to 2011 // *Gestão&Produção*. 2016. N 23 (3). P. 447–458.
9. Hajir J. A., Obeidat B. Y., Al-Dalahmeh M. A. and Masa'deh R. The role of knowledge management infrastructure in enhancing innovation at mobile telecommunication companies in Jordan // *European Journal of Social Sciences*. 2015. N 50. P. 313–330.
10. Kohli A. K., Jaworski B. J. Market orientation: The construct, research propositions, and managerial implications // *The Journal of Marketing*. 1990. N 54 (2), P. 1–18.

11. Kumar K., Boesso G., Favotto F. and Menini A. Strategic Orientation, Innovation Patterns and Performances of SMEs and Large Companies // *Journal of Small Business and Enterprise Development*. 2012. N 19. P. 132–145.
12. Lorenzen M. On the globalization of the film industry // *Creative Encounters Working Papers*. Copenhagen Business School, 2008. P. 1–16.
13. Lumpkin G. T., Dess G. G. Clarifying the Entrepreneurial Orientation Construct and Linking It to Performance // *Academy of Management Review*. 1996. N 21. P. 135–172.
14. Menguc B., Auh S. A test of strategic orientation formation versus strategic orientation implementation: The influence of TMT functional diversity and inter-functional coordination // *Journal of Marketing Theory and Practice*. 2005. N 13 (2). P. 4–19.
15. Narver J. C., Slater S. F. The effect of a market orientation on business profitability // *The Journal of Marketing*. 1990. N 54 (4). P. 20–35.
16. Ordanini A., Parasuraman A. Service Innovation Viewed Through a Service-Dominant Logic Lens: A Conceptual Framework and Empirical Analysis // *Journal of Service Research*. 2011. N 14. P. 3–23.
17. Salas K., Huxley C. Enhancing visualisation to communicate and execute strategy. Strategy-to-process maps // *Journal of Strategy and Management*. 2014. N 7 (2). P. 109–126.
18. Slater S. F., Olson E. M., Hult G. T. M. The moderating influence of strategic orientation on the strategy formation capability-performance relationship // *Strategic Management Journal*. 2006. N 27(12), P. 1221–1231.
19. Suklev B., Debarliev S. Strategic planning effectiveness comparative analysis of the Macedonian context // *Economic and Business Review*. 2012. N 14 (1). P. 63–93.
20. Valentinavičius S. Verslo strategijos formavimo įmonėje teoriniai aspektai. Verslas: Teorija ir Praktika. Business: Theory and Practice // *Vilniaus Gedimino technikos universitetas*, 2009. N 10 (2), P. 130–141.
21. Van Wagenberg T. M. A., Wubben E. Innovation Process and Innovativeness of Facility Management Organizations // *Facilities*. 2005. N 23, P. 103–118.
22. Voss G. B., Voss Z. G. Strategic Orientation and Firm Performance in an Artistic Environment // *Journal of Marketing*. 2000. N 64. P. 67–83.
23. Zehir C., Can E. and Karaboga T. Linking Entrepreneurial Orientation to Firm Performance: The Role of Differentiation Strategy and Innovation Performance // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. N 210. P. 358–367.
24. Zhou K. Z., Yim C. K., Tse D. K. The effects of strategic orientations on technology-and market-based breakthrough innovations // *Journal of marketing*. 2005. N 69 (2). P. 42–60.

Об авторе:

Колобова Евгения Юрьевна, доцент кафедры медиакоммуникационных технологий Санкт-Петербургского института кино и телевидения (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; jenechos@list.ru

About the author:

Evgenia Yu. Kolobova, Associate Professor of the Chair of Media Communication Technologies of the Saint-Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; jenechos@list.ru

Как отечественной легкой атлетике преодолеть затяжной кризис?*

Цацулин А. Н.^{1, *}, Цацулин Б. А.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vash_64@mail.ru

²Балтийская академия туризма и предпринимательства, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена оценке перспектив жизнедеятельности главного вида спорта — легкой атлетики, что само по себе предельно актуально, имевшей в прошлом добротную репутацию, множество олимпийских чемпионов, мировых рекордов, выдающихся тренеров, передовые методики и практики подготовки спортсменов категории высшего спортивного мастерства. В последние годы ряд серьезных нарушений и допинговые скандалы привели к тому, что российская легкая атлетика оказалась на обочине мирового спорта и утратила возможности полноценного развития в связи с объявленными санкциями. Цель материала заключается в попытках авторов изучить недавнее прошлое развития российской легкой атлетики, заглянуть в ближайшее будущее и оценить реальные перспективы преодоления глубочайшего системного кризиса. Цель определила задачи, объект и предмет прикладного исследования в рамках настоящей статьи. Наличие удовлетворительной информационной базы, литературное обеспечение по теме, обстоятельные обозрения из средств массовой информации позволили надлежащим образом организовать изучение явлений и событий, привлечь статистические методы анализа и теорию структурного сдвига. А также сделать необходимые выводы, дать авторские рекомендации, касающиеся выхода из сложившегося тупика, который унижил достоинство и российского спорта, и Российского государства в целом. В частности, речь идет о неукоснительном соблюдении требований так называемой дорожной карты, разработанной совместно с российской стороной международными организациями МОК, World Athletics, WADA и CAS.

Ключевые слова: легкая атлетика, государственная статистика, форма отчетности, индексный метод, структурный сдвиг, половая принадлежность, спортивный допинг, санкции

Для цитирования: Цацулин А. Н., Цацулин Б. А. Как отечественной легкой атлетике преодолеть затяжной кризис? // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 127–145.

How Can Domestic Athletics Overcome a Protracted Crisis?

Alexander N. Tsatsulin^{1, *}, Boris A. Tsatsulin²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; vash_64@mail.ru

²Baltic Academy of Tourism and Entrepreneurship, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to assessing the prospects for the life of the main sport — athletics, which in itself is extremely important, which had a good reputation in the past, many Olympic champions, world records, outstanding coaches, advanced methods and practices for training athletes of the highest sportsmanship category. In recent years, a number of serious violations and doping scandals have led to the fact that Russian athletics has found itself on the sidelines of world sports and has lost the opportunity for full development in connection with the an-

* Статья публикуется по итогам Международной научно-методической конференции СЗИУ РАНХиГС «Актуальные тенденции и инновации в развитии физической культуры и спорта в системе образования России», состоявшаяся 27.01.2022.

nounced sanctions. The purpose of the material is the authors' attempts to study the recent past of the development of Russian athletics look into the near future and assess the real prospects for overcoming the deepest systemic crisis. The goal determined the tasks, object and subject of applied research within the framework of this article. The presence of a satisfactory information base, literature support on the topic, detailed reviews from the media made it possible to properly organize the study of phenomena and events, to involve statistical methods of analysis and the theory of structural shift. And also draw the necessary conclusions, give the author's recommendations regarding the way out of the current impasse, which has humiliated the dignity of both Russian sports and the Russian state. In particular, we are talking about strict compliance with the requirements of the so-called road map, developed jointly with the Russian side by international organizations IOC, World Athletics, WADA and CAS.

Keywords: athletics, state statistics, reporting form, index method, structural shift, gender, sports doping, sanctions

For citing: Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A. How Can Domestic Athletics Overcome a Protracted Crisis? // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 127–145.

Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить.

*Первое послание апостола Павла
к Коринфянам, 9:24*

Введение

В России в 1888 г. был образован, как установлено, силами П. П. Москвина и его товарищей первый спортивный кружок в бывшей финской деревне — местечке Тярлево, близ имперской столицы Санкт-Петербурга (ныне Пушкинский район культурной столицы). Тогда же были организованы первые официальные соревнования по так называемому *длинному бегу* (по нынешним меркам, средние беговые дистанции) для отдыхающей столичной молодежи. Таким образом, Санкт-Петербург можно условно считать родиной российской легкой атлетики — одного из самых древних и популярных видов спорта, подлинной его Королевы. Как высказался в 1976 г. поэт и автор-исполнитель В. С. Высоцкий, поработавший достаточно на спортивную тематику, «легкая атлетика — королева спорта. От нее рождаются только короли»¹.

С учетом времени включения легкоатлетических состязаний в разнообразные программы античных Олимпийских игр (776 г. до н.э.) возраст «королевы» приближается к 2800 годам. В 1912 г. российские легкоатлеты впервые участвовали в Олимпийских играх (ОИ). В том же году была создана Международная любительская легкоатлетическая федерация (ИААФ) — руководящий орган по организации, развитию легкой атлетики и проведению международных соревнований (в настоящее время *World Athletics* — Международной ассоциации легкоатлетических федераций, куда до недавнего времени входила Всероссийская федерация легкой атлетики, или ВФЛА²).

¹ Выступление В. С. Высоцкого в октябре 1970 года [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/sounds/2904958.html> (дата обращения: 14.01.2022).

² В настоящее время по поручению Президента РФ от 08.10.2021 Министерство спорта при участии заинтересованных организаций предпринимает активные попытки восстановления членства ВФЛА, лишённого в ноябре 2015 года, в Международной ассоциации легкоатлетических федераций (World Athletics), а заодно утраченного статуса Российского антидопингового агентства (РУСАДА) в Международном антидопинговом агентстве (WADA). Тем не менее отстранение ВФЛА от World Athletics 17.11.2021 было продлено.

Кстати, в настоящее время пос. Тярлево более известен своими успехами в сфере восточных единоборств и подготовкой таких мастеров чуть не с младенческого возраста. Это символично, и с грустью здесь обобщенно от себя заметим, что крен спортивных и физкультурно-оздоровительных интересов россиян, любительские и зрительские предпочтения за последние 30 лет переместились именно в сторону и в пользу яростно-сопоставительных контактных видов — борьба, бокс и бои без правил и безо всяких гендерных различий, ограничений, с неизменным клеточным октагоном и желательностью с тотализатором.

Такая, казалось бы, не сразу заметная тенденция в период транзитивного перехода страны к рынку включила и вобрала в себя вроде бы уместный лозунг — «умей постоять за себя». Но на фоне тотальной напряженности в обществе, все более возрастающей агрессии массового индивидуума и кулачной воинственности с идеологией уличной драки, льющейся из разнообразных медийных «утюгов», мимикрирующих под СМИ-окраску, а также силового противостояния буллингу в детской/подростковой среде и в школе через каналы интернета, происходящее имело своими последствиями существенную утрату интереса к серьезным и продолжительным занятиям профессионально, безусловно, пацифистскими видами спорта, главным образом легкой атлетикой¹. Однако мотивация отмеченного обстоятельства и изучение иных причинных признаков-факторов, например, падения популярности «королевы», нуждается в специализированном и добротном социально-психологическом исследовании².

Результатами обозначенных процессов и событий стало резкое падение числа занимающихся легкой атлетикой, а под массивным давлением условного запада практически полное исчезновение наших атлетов из международной повестки и сокращение сопоставительного спортивного пространства за рубежом. Сюда следует добавить масштабную дисквалификацию россиян, лишение их ранее завоеванных спортивных наград и титулов и, соответственно, секвестирования российской делегации на ОИ в Рио-2016 и последующих олимпиад.

Структуры WADA, а вслед за ней и Международный олимпийский комитет (МОК), применили к нашей стране коллективные рестрикции, полагая, что число организованных манипуляций с допинг-пробами, особенно касающиеся ОИ-2014 в Сочи, превысило некие допустимые здравым смыслом пределы. Попытки авторов статьи изучить недавнее прошлое развития российской легкой атлетики, заглянуть в ближайшее будущее с оглядкой на основополагающие документы³ и оценить реальные перспективы преодоления глубокого кризиса определили цель, задачи, объект и предмет прикладного исследования в рамках предлагаемого материала.

Материалы и методы исследования

В работе авторы статьи придерживались принципов Программы Федерального статистического наблюдения (ФСН), регламентированных Федеральной службой государственной статистики на территории Российской Федерации (ФСГС РФ),

¹ Справедливости ради отметим, что по популярности среди россиян отечественная легкая атлетика остается пока в первой десятке видов спорта [15].

² Маркелов И. П. Проблема агрессивного поведения в спорте [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fkis74.ru/index.php/fkstdr/article/download/351/806> (дата обращения: 20.01.2022).

³ Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 года № 3081-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/nauki.gov.ru/316> (дата обращения: 01.02.2022); Распоряжение Правительства РФ от 17.10.2018 г. № 2245-р «Об утверждении концепции подготовки спортивного резерва РФ до 2025 г. и плана мероприятий по ее реализации (с изменениями и дополнениями)» / <https://base.garant.ru/72085098/> (дата обращения: 01.02.2022).

аккуратно использовали категории и системы показателей статистического анализа, применяли универсальный диалектический прием сравнения, методы формальной логики и индексный метод в рамках теории структурного анализа, а также метод ранговой корреляции Ч. Спирмена и не назойливо задействованные, но работоспособные приемы деятельностной компаративистики.

Обратимся ко все знающей официальной статистике, которая приказом ФСГС РФ (Росстата) за № 520 от 26.08.2021 утвердила и ввела в хозяйственный оборот новую форму государственной отчетности Ф. № 5-ФК взамен формы № ЗП-ФКиС по РФ. Новая форма статистического учета и отчетности более подробно в своих 13 специальных разделах освещает развитие инфраструктуры физической культуры и спорта, технико-экономические показатели отраслевого персонала, заработной платы работников и другие социально-экономические значимые вопросы, включая финансовую деятельность организаций (Раздел XIII формы). Подробно содержание раздела II Ф. № 5-ФК за 2020 г. о численности занимающихся легкой атлетикой представлено строками и графами в развернутой табл. 1.

Полученные результаты

Как явствует из данных табл. 2, следует уменьшение численности занимающихся по всем программам¹ подготовки в период 2015–2020 гг. произошло и в целом на 9,09% (строка 1 графы 3), и практически по всем видам легкой атлетики за исключением многоборий, где неожиданно обнаружен прирост в 1,58% в 2020 г. по сравнению с 2015 г. При этом абсолютный прирост составил 2,04% (строка 5 графы 6), а относительное отклонение оказалось равным 111,70 процентных пункта (п. п.) в графе 7 табл. 2. Но этот, по существу, статистический феномен может быть объяснен следующим образом. Так, из общего числа учтенных многоборцев в возрасте от 5 до 18 лет в 2020 г. ровно половину составляют женщины (см. гр. 17 и гр. 18).

С переходом спортсменов в возрастную группу после 16 лет число занимающихся уменьшается почти в 6 раз (сравни графы 13 и 14 табл. 2), точнее на 82,11%. Это означает, что дальнейшая жизненная траектория вчерашнего и сегодняшнего школьника избирается не в пользу серьезного занятия спортом. Хотя до недавнего времени заметные спортивные успехи всегда служили пропуском к дверям социального лифта и путевкой в жизнь, несколько далекую от спортивной карьеры как работы в любом бизнесе, однако куда более короткой [9]. Но в любом случае и всякий раз реализовалось собственное *alterego*.

В вузах, где многоборье культивируется гораздо охотнее спортивным руководством и профильной кафедрой организации, в связи с возможностью в соревнованиях закрытия студентами позиции протокола и зачета по другим видам легкой атлетики, в качестве, так сказать, «надежного эшелона». В этом возрастном диапазоне широко практикуются и общеразвивающие программы, насчитывающие 11 829 чел. (графа 20). Но именно по завершении вузовского и среднего профессионального образования (колледжи, техникумы и т.п.) большинство многоборцев прощаются со своей возможной карьерой в спорте, а продолжают свои занятия многоборьем в дальнейшем всего 139 чел. — настоящих энтузиастов, обладающих при этом завидным здоровьем.

На этапе подготовки канонических десятиборцев и семиборков категории высшего спортивного мастерства остаются всего 62 чел. и, как результат, этот этап будет черпать свои резервы дальнейшего роста из весьма скудного источника

¹ В 2020 г. число занимающихся по программам спортивной подготовки (Раздел IVФ. № 5-ФК) составило 55,87% от общего числа учтенных Разделом II данной формы.

**Раздел II. Численность занимающихся лёгкой атлетикой в Российской Федерации в 2020 году.
Сводный отчёт по Форме № 5-ФК за 2020 год***

Table 1. Section II. The number of people involved in athletics in the Russian Federation in 2020.
Consolidated report on Form No. 5-FK for 2020*

№ п/п	Виды лёгкой атлетики (код 103)	Номер строки формы № 5-ФК	Число отделений по видам спорта, единица*	всего в том числе олимпий- ские отделения	Численность занимающихся на 31 декабря отчётного года, человек*							
					спортивно- оздорови- тельный	по этапам спортивной подготовки				высшего спортивного мастерства		
						начальной подготовки	тренировоч- ный	совершен- ствование спортивного мастерства	высшего спортивного мастерства			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11		
1	Всего: в том числе:	95	1 337	148	200 727	9 465	55 106	45 431	2 653	1 978		
2	Спринтерский и барьерный бег	96	664	91	75 001	4 386	23 298	19 443	1 060	303		
3	Бег на средние дистанции и бег с препятствиями	97	753	49	59 175	2 477	13 659	11 523	546	169		
4	Длинные и сверхдлинные дистанции	98	197	15	7371	74	1 213	865	123	114		
5	Многоборья	99	403	30	39 080	1 987	10 029	6 584	187	62		
6	Прыжки	100	243	51	10 393	323	3 313	4 058	348	200		
7	Метания	101	195	45	5639	171	1 775	2 185	231	140		
8	Спортивная ходьба	102	56	10	4068	47	1 819	773	158	90		

№ п/п		Численность занимающихся на 31 декабря отчетного года, человек														
		занимающиеся						по образцам программам				по предпрофессиональным программам				
		по возрастам						в платных группах (из гр. 7)		в платных группах (из гр. 22)		всего		всего		всего
до 5 лет	от 6 до 15 лет	от 16 до 21 года	от 22 до 30 лет	Старше 30 лет	от 5 до 18 лет (из гр. 7-11)	женщин (из гр. 7-11)	платных групп (из гр. 7)	всего	платных групп (из гр. 22)	всего	базовый уровень (из гр. 22)	углубленный уровень (из гр. 25)	базовый уровень (из гр. 25)	углубленный уровень (из гр. 25)	базовый уровень (из гр. 25)	углубленный уровень (из гр. 25)
1	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
1	115	86 334	24 630	2296	358	103 425	54 427	924	48 707	484	38 287	31 669	6 618	351	351	
2	-	37 052	10 593	777	68	44 216	24 257	491	13 443	87	13 068	10 860	2 208	127	127	-
3	80	20 977	6 558	648	111	25 505	12 704	116	18 585	156	12 216	10 030	2 186	98	98	-
4	-	1 505	592	201	91	1 968	982	-	3 086	-	1 896	1 582	314	8	8	-
5	35	15 827	2 832	139	16	18 108	9 167	315	11 829	241	8 402	7 078	1 324	52	52	-
6	-	5 879	2 067	271	25	7 299	3 976	2	732	-	1 419	1 192	227	49	49	-
7	-	3 019	1 296	149	38	3 802	1 839	-	566	-	571	453	118	17	17	-
8	-	2 075	692	111	9	2 527	1 502	-	466	-	715	474	241	-	-	-

Примечание: источник данных приведен в <https://www.minsport.gov.ru/sport/robdotovka/82/1452/>. Коды по ОКЕИ (Общероссийский классификатор единиц измерения): человек — 792, единица — 642.

Анализ динамики структурных изменений состава лиц, занимающихся лёгкой атлетикой за период 2015–2020 гг. *
Table 2. Analysis of the dynamics of structural changes in the composition of people involved in athletics for the period 2015–2020

№ п/п	Виды лёгкой атлетики	Изменение численности легкоатлетов, %	Доля (частость) занимающихся по видам, %		Изменение доли (частости) 2020 года к 2015 году		Квадрат разности долей (частостей)	Квадрат доли (частости)		Сумма долей (частостей) обобщенных периодов	Квадрат суммы долей (частостей)
			2015 г.	2020 г.	абсолютное отклонение, %	относительное отклонение, п. п.		базисного периода	отчётного периода		
$j = \overline{1, m}$	j	$i_{t_1,0}^{(j)}$	$\varphi_0^{(j)}$	$\varphi_1^{(j)}$	$\varphi_1^{(j)} - \varphi_0^{(j)}$	$i_{\theta,0}^{(j)}$	$(\varphi_1^{(j)} - \varphi_0^{(j)})^2$	$\varphi_0^{(j)2}$	$\varphi_1^{(j)2}$	$\varphi_1^{(j)} + \varphi_0^{(j)}$	$(\varphi_1^{(j)} + \varphi_0^{(j)})^2$
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Спринтерский и барьерный бег	87,54	38,80	37,36	-1,44	96,29	2,0736	1 505,4400	1 395,7696	76,16	5 800,3456
2	Бег на средние дистанции и бег с препятствиями	96,02	27,91	29,48	1,57	105,63	2,4649	778,9681	869,0704	57,39	3 293,6121
3	Длинные и сверхдлинные дистанции	81,51	4,10	3,67	-0,43	89,51	0,1849	16,8100	13,4689	7,77	60,3729
4	Многоборья	101,58	17,43	19,47	2,04	111,70	4,1616	303,8049	379,0809	36,90	136,1600
5	Прыжки	77,13	6,10	5,18	-0,92	84,92	0,8464	37,2100	26,8324	11,28	127,2384
6	Мелания	82,89	3,08	2,81	-0,27	91,23	0,0729	9,4864	7,8961	5,89	34,6921
7	Спортивная ходьба	71,44	2,58	2,03	-0,55	78,68	0,3025	6,6564	4,1209	4,61	21,2521
Итого:		90,91	100,00	100,00	0,00	0,00	10,1068	2 658,3758	2 696,2392	0,00	9 473,6732

*Примечание: для расчётов табл. 2 использованы информационные источники <http://rusathletics.info/russianrecords>.

человеческого капитала объемом в 187 чел. (графы 10 и 11). Это теоретически все, что остается от многоборческого контингента традиционно так называемых «рыцарей» королевы в их возрастной категории сразу после 22 лет.

Снижение общего числа легкоатлетов в стране, как и числа занимающихся другими видами спорта, можно продолжать объяснять следствием низкой рождаемости и демографической ямой периода 90-х годов прошлого века [2], но это частично объясняет лишь падение численности занимающихся до 2015–2016 гг. и никак не позднее этих сроков. Здесь просматривается другая доминирующая причина, о которой следует говорить отдельно.

От себя уточним, что не ямы, а более того, настоящие демографические каньоны ждут страну впереди, поскольку подпорченная COVID-19 отечественная демографическая статистика 2020–2021 гг. не сулит ничего хорошего: официально за 2020 г. численность населения страны уменьшилась более чем на 700 тыс. чел. Это худший показатель естественной убыли за последние годы, при этом правительство ухудшило свой прогноз, и к 2024 г. число россиян сократится более чем на 1,7 млн чел. Вкупе с предельно низкой рождаемостью перспективы восстановления массовости занимающихся легкой атлетикой открываются, и вправду, не вполне радужные, несмотря на усилия властей.

О поредении населения России отдельные специалисты высказываются в том смысле, что в стране «...мало женщин, которые могут рожать.»¹. Действительно, женщин в благоприятно фертильном возрасте 20–34 лет (в отличие от женщин активного репродуктивного возраста — не старше 35–39 лет и зрелого репродуктивного возраста 40–49 лет) в стране становится все меньше, но это последствия упомянутых 90-х годов, когда смертность превышала рождаемость примерно в 1,52 раза (1992 г.).

Более тонкий статистический анализ позволяет прояснить ситуацию, связанную с изменением структуры занимающихся легкой атлетикой в изучаемом периоде, и уточнить главные детерминанты, повлиявшие на эти изменения. Обычно для анализа подвижности структур применяют различные индексы из семейства индексов структурных сдвигов, к которому относят аналитический индекс структуры из Первой индексной системы (I ИС), коэффициенты и индексы А. Гершенкрона, В. Варзара, А. Салаи, В. Рябцева, К. Гатева, Т. Агаповой и другой индексный инструментарий [13].

Используем для решения такой задачи сначала интегральный коэффициент К. Гатева [4] — $K_G^{(n)}$ и индекс различий, которые демонстрируют через нормированные показатели вариации существенность структурных изменений. При отсутствии каких-либо различий, т. е. в ситуации полностью тождественных групповых структур, эти инструменты дают нулевые характеристики. А при тотальном перестроении структуры совокупности как матрицы на обратную, т. е. когда j -е элементы структуры ($j = \overline{1, m}$) меняют свои ранги на противоположные ей, инструменты фиксируют полноценные единичные значения. При этом максимизация значений (до 1,00) возможна лишь при наличии двух учетных в анализе групповых структур отчетного и базисного периодов ($n = 2$).

Если же число выделяемых групп больше ($n > 2$), коэффициент $K_G^{(n)} < 1,00$ всегда. Архитектура данного коэффициента использует в анализе комбинации сумм квадратов удельных весов (частостей — $\varphi_0^{(j)}, \varphi_1^{(j)}$) обеих структур в динамике, т. е. отчетного и базисного периодов с процедурой статистического взвешивания по средней геометрической. Расчетная формула указанного коэффициента выглядит следующим образом:

¹Сокращение численности населения в России [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20201016/naselenie-1580103755.html>. (дата обращения: 14.01.2022).

$$K_G^{(n)} = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^m (\varphi_1^{(j)} - \varphi_0^{(j)})^2}{\sum_{j=1}^m \varphi_1^{(j)^2} + \sum_{j=1}^m \varphi_0^{(j)^2}}}. \quad (1)$$

Количественная оценка коэффициента из выражения (1) получена по результатам промежуточных расчетов, представленных графами 8 ÷ 10 в табл. 2.

$$K_G^{(n)} = \sqrt{\frac{10,1068}{2658,3758 + 2696,2392}} = \sqrt{\frac{10,1068}{5354,6150}} = \sqrt{0,00188749331} \cong 0,04345. \quad (2)$$

Полученное значение коэффициента, не переводимое в проценты, оказывается ниже уровня стандартной статистической погрешности, что надежно свидетельствует об известной устойчивости в динамике изучаемой структуры занятости по видам легкой атлетики. Близкий численный (одного порядка) и смысловой результат дает расчет индекса структурного сдвига А. Салаи $\mathfrak{S}_S^{(m)}$, который зависит от числа перечневых позиций, или градаций m , т. е. заложенных в учет формой Ф. № 5-ФК укрупненных видов легкой атлетики, что иногда расценивается как недостаток данного инструмента измерения, и имеет следующий вид и оценку:

$$\mathfrak{S}_S^{(m)} = \sqrt{\frac{\sum_{j=1}^m \left(\frac{\varphi_1^{(j)} - \varphi_0^{(j)}}{\varphi_1^{(j)} + \varphi_0^{(j)}} \right)^2}{m}} = \sqrt{\frac{10,1068 / 9473,6732}{7}} \cong 0,01235. \quad (3)$$

Как и в расчетах формулы из выражения (2), здесь использованы промежуточные блочные результаты из итоговых подсчетов граф 8, 11 и 12 табл. 2. В обоих случаях расчета коэффициента и индекса наблюдалось чередование как положительных, так и отрицательных направлений структурных сдвигов по видам легкой атлетики за период 2015–2020 гг.

Для контрольной счетной проверки сделанного вывода о несущественности имевшего место структурного сдвига следует добавить к проведенным оценкам расчеты с помощью рангового коэффициента корреляции Ч. Спирмена — R_{xy} . Данный инструмент обычно применяется для измерения устойчивости непосредственности тенденций динамики изучаемых процессов, хотя сам разработчик этого способа ввел свой показатель в научный оборот при прикладных исследованиях в области когнитивной психологии [14].

Так как структурные сдвиги — вполне самостоятельный фактор-детерминант любого процесса и явления — отражают динамические изменения упорядоченных статистической формой отчетности информационных структур, коэффициент R_{xy} может использоваться в качестве самостоятельной характеристики интенсивности этих сдвигов, что актуально в цифровую эпоху, в условиях цифровизации всего и вся в среде *BigData* [12]. Разнообразные приемы измерения структурных сдвигов рассматриваются как инструментарий, удачно использующий инновационные подходы к многофакторному анализу, нетрадиционные техники обработки и анализа информационных массивов, баз, банков данных и технологию искусственного интеллекта [10].

Заметим, что коэффициент Спирмена R_{xy} не только учитывает наличие сдвигов в динамике, но и оценивает роль отдельных видов легкой атлетики при формировании целостной структуры «королевы». Ведь структурные сдвиги проявляются более резко в тех случаях, когда подвижности каждого удельного веса сопутствует перемещение места видовой группы, изменение ее значимости, рейтинга, или ранга в общей и частных статистических совокупностях.

Для оценки R_{xy} необходимо ранжировать j -е виды, присвоить видовой группе ранг (числовой рейтинг) по намеченным признакам — $p_x^{(j)}, p_y^{(j)}$, а затем определить разностную форму этих рангов $d_{xy}^{(j)} = p_x^{(j)} - p_y^{(j)}$. В указанных обозначениях коэффициент ранговой корреляции считается по канонической формуле следующего вида:

$$R_{xy}^{(\tau)} = 1 - \frac{6 \sum_{j=1}^m d_{xy}^{(j)2}}{m(m^2 - 1)} = 1 - \frac{6 \times 92}{336} = 1,0000 - 1,6429 = -0,6429. \quad (4)$$

Чем ближе величина к 0 и дальше от 1, тем бóльшие структурные сдвиги произошли в изучаемой совокупности. При этом ранговый коэффициент корреляции из выражения (4), как видно, в принципе может принимать значения и меньше 0, но при любых значениях в интервале $[-1; 0]$ показатель R_{xy} свидетельствует или нет о наличии структурного сдвига, а численно характеризует, как полученная при наблюдении сумма квадратов разностей между рангами отличается от ситуации отсутствия статистической связи даже в условиях обратной статистической связи.

В качестве факторного признака-предикатора (Y) были взяты сведения о численности занимающихся по видам легкой атлетики за 2015 г. по форме Ф. № 3П-ФКиС по РФ, а в роли результативного признака, т. е. зависимой переменной (X) данные за 2020 г. по новой форме отчетности. Расчет из выражения (4) дал величину коэффициента $R_{xy} = -0,6429$, что указывает на заметную обратную тесноту статистической связи. Тем самым подтверждаются результаты анализа, полученные выше, в отношении имевшего в динамике место структурного сдвига и его неблагоприятной направленности в этом виде спорта.

Существенным недостатком рассмотренного рангового коэффициента корреляции можно полагать то обстоятельство, что данный показатель принимает во внимание только ранги, но не учитывает расхождения фактических значений признака-фактора в случае его количественной фиксации. Поэтому R_{xy} обоснованно рассматривают как приближенную меру тесноты статистической связи признаков-факторов. Коэффициент корреляции рангов, как представляется, более целесообразно применять для изучения динамической подвижности сложившейся структуры видовых групп по данным официальной государственной отчетности [11] легкой атлетики, а не для характеристики собственно численности занимающихся по регионам, крупным городам, клубам и т.д. Качественную оценку тесноты статистической связи, полученную с помощью, как, впрочем, и других коэффициентов корреляции, можно охарактеризовать по пятишаговой шкале Чеддока.

Обсуждение и дискуссия

Каковы же основные причины падения общественного и потребительского интереса к легкой атлетике? В последние 7 лет на фоне мировой политической ситуации российские легкоатлеты, как, впрочем, и представители других спортивных специализаций, подверглись репутационной дискредитации в СМИ, согласованной травле со стороны всемирных спортивных организаций, предвзятому судейству на международных соревнованиях. Наиболее огорчительным являются не всегда спра-

ведливые обвинения в использовании спортсменами запрещенных WADA особых фармакологических препаратов, и также в массовой подтасовке результатов мониторингового анализа на допинг-тест. Но огласке в СМИ придан случай после Лондонской олимпиады с российской спортсменкой, в крови которой обнаружены метаболиты опасного и потенциально смертельного химического вещества, что не прошло еще весь цикл клинических испытаний.

Результатом такой активной, подчас разнузданной, PR-кампании российские легкоатлеты были лишены возможности участвовать под российским флагом, начиная с 2015 г., во всех международных соревнованиях, включая Чемпионаты мира, Европы, летние ОИ. Исключения образуют легкоатлеты числом до 10, выступающие на международных спортивных аренах под нейтральным флагом и имеющих нейтральный статус, как это имело место на ОИ в Токио. Скорбный тренд, сложившийся по отношению к российской легкой атлетике со стороны международного спортивного сообщества, не может не оказывать негативное воздействие на состояние этого вида спорта в нашей стране.

В связи с этим многих родителей будущих потенциальных чемпионов больше не привлекает, а скорее отпугивает такой эстетичный, но опасный с точки зрения будущего здоровья их детей вид спорта, как легкая атлетика. Допинг-скандалы лишь еще больше обнажили все существующие недостатки и крены в ее развитии последних двадцати пяти лет. Утрата государственного интереса к подготовке легкоатлетов постепенно вела к потере собственно инфраструктурных объектов, их перепрофилирования под иные нужды и качества их эксплуатации применительно к занятиям легкой атлетики.

Вспученные беговые тартановые дорожки, на которых можно гарантированно повредить лодыжку и/или голеностопный сустав, уменьшенные против принятых стандартов параметры некогда знаменитого стадиона, принимающего в настоящее время главным образом женщин-футболисток, — вот, что видят петербуржцы, проходя по ул. Декабристов, д. 35, мимо тихо умирающей легкоатлетической арены НГУ им. П.Ф. Лесгафта, соседствующей с платной автостоянкой.

А падение популярности королевы является и самостоятельным фактором-предиктором, и одновременно результативным признаком-фактором. Доказательством такого неутешительного состояния может служить снижение в десятки раз читательской аудитории старейшего специализированного журнала в нашей стране «Легкая атлетика», выходящий в свет с 1955 г. Так, средний тираж издания в советское время равнялся 90 тыс. экз. в месяц, максимальный составил в лучшие годы 150 тысяч [15, с. 312]. В настоящее время эта цифра с трудом достигает по подписке 1000 экземпляров журнала спаренными номерами.

Последние меры правительства РФ по внедрению Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне»¹ Программы ГТО и Национального проекта «Демография»², как представляется авторам данной статьи, разумеется, благоприятно повлияют на формирование здорового образа жизни (ЗОЖ), на комплексное оздоровление нации, антидопинговую грамотность спортсменов [7]. Но на положении дел в отечественной легкой атлетике скажутся не мгновенно, а по прошествии заметно длительного периода. И пусть это будущее довольно туманно, необходимые процедуры обнуления юридико-технического

¹ ГТО — полноценная программная и нормативная основа физического воспитания населения страны, нацеленная на развитие массового спорта и оздоровление нации. Начиная с 2019 года комплекс ГТО вошел в состав Федерального проекта «Спорт – норма жизни!», который, в свою очередь, является частью Национального проекта «Демография» на период 2019–2030 гг.

² Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 года № 3081-р.

характера и коренного обновления в режиме аутодафе обещают быть крайне трудными, но исторически они неизбежны.

Различными виртуозными толкованиями политической подоплеки антидопингового скандала можно сколь угодно долго себя успокаивать и тешить, однако уже оглашенные факты, признанные российской стороной, и обстоятельные выводы из доклада Р. Макларена о существовании в России системы институциональных нарушений антидопингового законодательства, из этой скверной, зарегистрированной в общественном сознании истории, изъятию теперь не подлежат [18].

Для отечественных институтов и властных структур факт своего присутствия на международной спортивной арене является чрезвычайно важным, и принимаются надлежащие меры юридико-технического, политического и финансового характера с тем, чтобы вернуться туда торжественно или с повинной головой. По информации ТАСС, правительство РФ подготовило 12.11.2021 законопроект об утверждении правил предоставления ВФЛА субсидии из федерального бюджета на выполнение критериев, необходимых для восстановления дискриминированной организации в *World Athletics*.

Согласно содержанию документа¹, эффективность реализации субсидии будет оценивать Министерство спорта РФ. ВФЛА должна будет предоставлять отчеты об исполнении выделенных средств и о полученных результатах. В случае отказа в восстановлении членства в *World Athletics* или в случае выявления фактов несоблюдения целей, условий и порядка предоставления субсидии ВФЛА должна будет вернуть средства в федеральный бюджет. Другое дело, что репутационный ущерб уже нанесен, он колоссален, и возможные совокупные потери разного рода, что несет Россия и весь отечественный спорт сейчас, оценить крайне затруднительно.

Одновременно, тем не менее, руководство *World Athletics* приняло в 2021 г. Паллиативное решение увеличить квоту российских легкоатлетов, имеющих нейтральный статус до 20 чел², на главные старты сезона 2022 г. Это ЧМ в помещении в Сербии (18–20 марта), летний ЧМ в США (Юджин, 15–24 июля) и летнем ЧЕ в Германии (Мюнхен, 16–21 августа) и некоторые другие состязания. Складывающаяся подобным образом ситуация в легкой атлетике внушает осторожный оптимизм.

Если заглянуть в историю допинг-скандалов, носивших столь разрушительный характер для отечественной легкой атлетики, то следует вспомнить, как многие местные скептики и казенные патриоты утверждали, что допинг употребляли и продолжают употреблять все спортсмены, выступающие на высшем уровне. Однако уличали, мол, одних лишь россиян, и то исключительно по политическим соображениям. А очередной громкий допинговый скандал в легкой атлетике случился постольку, поскольку российская сборная стала своеобразной разменной монетой в подковерных политических играх. Подобное утверждение носит, естественно, спорный характер и опирается на досужие домыслы. Статистика обнаружения допинга в крови, моче и мазках на биоанализ демонстрирует равную частотность попадания на запрещенных препаратах как россиян, так и представителей множества других стран [3].

Легкая атлетика высших достижений требует предельной выносливости в ряде дисциплин, и побеждают в них не чувствующие острой мышечной боли в процессе выделения молочной и малоновой (пропандиовой) [16] кислот. Подчас, работая за

¹ Соответствующий документ размещен на официальном интернет-портале проектов нормативных правовых актов.

² World Athletics 22.01.2022 одобрила заявки 22 российских легкоатлетов, которые получили нейтральный статус для участия в международных соревнованиях 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/sport/13498815> (дата обращения: 26.01.2022).

гранью своих физических возможностей, отдельные легкоатлеты изнашивают организм настолько, что обрекают себя на инвалидизацию и преждевременный уход из большого спорта [9]. Известны случаи летального исхода легкоатлетов прямо на спортивных аренах. Но желание понизить сенсibilitätность организма к избыточным нагрузкам, получить известные преимущества перед соперником толкают самих беспринципных спортсменов и их нечестных тренеров на прием запрещенных препаратов. Такие во всех смыслах опасные настроения довольно контагиозны, поскольку всегда и повсеместно имеются последователи коварных амбициозных настроений.

Но разбирая происходящее в легкой атлетике, нельзя обойти вниманием существующие в спорте давно трансгендерные проблемы. Весь XX век был насыщен историями легкоатлетических побед в женских видах гермафродитами и/или транссексуалами, приобретшими свои физиологические особенности либо по рождению (в этом случае заболевание носит название синдрома андрогенной резистенции), либо в результате злоупотребления специальными препаратами, включая гормональные андрогены типа тестостерон.

Последнее, благодаря целому ряду генетических дефектов в синтезе гормонов, может привести к мужскому сочетанию хромосом — от чисто женской комбинации XX к мужскому смешанному варианту XY¹ (синдром Свайера). За рубежом и в СССР подобные спортсменки и до Второй мировой войны (американка Ст. Уолш ОИ-1932, немка Д. Рантьен и американка Э. Стефенс ОИ-1936 обладали мужскими половыми органами), и после завоевывали множество спортивных наград самой высокой пробы, подтверждая тем самым неоспоримые преимущества и достижения своего экономического, социально-политического, общественного устройства в той или в иной стране.

Парад поражающих воображение дождевых рекордов закончился в августе 1966 г. после введения обязательного и детального медицинского осмотра половой принадлежности (гендерный тест) рекордсменок непосредственно перед 8-м ЧЕ в Будапеште. А перед Кубком Европы по легкой атлетике в сентябре 1967 г. польская бегунья Е. Клубковская стала первой в мире спортсменкой, официально провалившей *секс-тест*, утратившей все свои мировые рекорды и лишённая всех завоеванных медалей. Правда, в связи со сложностью исполнения процедуры этого теста на ОИ-68 в Мехико организаторы и официальные лица ограничились анализом слюны перед соревнованиями по методу Барра (мазок полости рта, соскоб щечного эпителия) [8].

Спорные в половом отношении спортсменки вынуждены были уйти в спортивное небытие, а некоторые даже поменяли способом апробированной хирургической операции свой сомнительный пол на мужской, не менее, в этом случае, спорный (толкательница ядра из ГДР Х. Кригер, прыгунья с шестом из ФРГ И. Бушбаум и др.). К сожалению, облегченная жестким, но вынужденным способом отбора кандидатов топ-уровня на Олимп сборная СССР по легкой атлетике летнюю мексиканскую олимпиаду, по существу, провалила, ограничившись тремя золотыми медалями.

Что касается плановой борьбы с незаконными стимуляторами в спорте, то начиная с 60-х годов прошлого века химический допинг уже процветал, а скандалы с уличением легкоатлетов в нарушениях множились. Популярны в ту пору были

¹ Тем не менее в таком утверждении нет однозначности, поскольку на коротком плече Y-хромосомы, в области Yp11.3, локализован элементный ген SRY, который может транспонироваться в X-хромосому (синдром де ля Шапеля). Возможна и обратная мутация гена SRY в составе Y-хромосомы. И то, и другое в состоянии стереть стандартную половую принадлежность индивидуума, определенным образом нарушить детерминацию его пола. Кроме того, встречаются патологически ошибочные распределения и микст-формы. Так, 0,143% родившихся мальчиков обладают в среднем одной лишней X-хромосомой [17].

анаболические стероиды, в частности приснопамятный неробол¹, что заметно повышали выносливость в циклических видах спорта, где предусматривается достижение предельно высоких скоростей и где нерационально, скорее безоглядно, расходуются ресурсы сердечно-сосудистой и дыхательной систем [6].

Уже в 90-е годы все призеры крупных соревнований поголовно и непременно сдавали мочу на допинг-тест. Но масштабный скандал с мордовскими ходоками из Саранска в 10-х годах XXI в. (24 дисквалифицированных за допинг атлета, как мужчин, так и женщин) неожиданно вскрыл факт употребления лидерами мировой спортивной ходьбы запрещенных веществ, содержащих отнюдь не стероиды и анаболики, а особые субстанции куда более высокого уровня — генного и клеточного допинга, которые обнаруживаются путем изучения персональных данных биологического паспорта спортсмена спустя несколько лет². Громадный, но не исчерпывающий перечень запрещенных субстанций и методов — так называемый «Запрещенный список» на 2022 г. — опубликован в открытой печати³.

Политическая корректность и толерантность в международном спорте в последние годы сделала большой зигзаг, результатом которого стали возможными случаи выступления на классических летних и зимних ОИ откровенных трансгендеров, спортсменов с неустановленными патологическими особенностями и терапевтическими исключениями (Л. Хаббард, Кастер Семеня, М. Патино и др.) наравне с полноценными спортсменами без каких-либо отклонений в своей половой принадлежности и гендерной идентичности. И это при условии, что сегодня Большая легкая атлетика — это спорт высоко и сугубо профессиональный, с весьма заметными вознаграждениями по тарифицируемым результатам и достижениям.

Такое положение дел трехкратная олимпийская чемпионка Т. В. Казанкина охарактеризовала как дискриминация в отношении их участия в календарных международных соревнованиях наряду с нормальными спортсменками. Тем более что смазанный половой статус приписывается более чем двум тысячам действующих легкоатлетов. «Соревнуйтесь на Паралимпийских играх, вы же больные» — приводит слова знаменитой бегуны издание «Спорт: день за днем»⁴. Предложить можно также проведение специальных состязаний любого мыслимого уровня и масштаба для представителей условного *третьего пола*, хотя разновидностей полов научные обозреватели и колумнисты СМИ уже насчитывают больше десятка.

Тем не менее единогласие по этой глужей проблеме среди международных спортивных организаций отсутствует. Так, по мнению *World Athletics* и авторитетнейших медицинских экспертов (что скорее можно признать настоящей критикой), Международный олимпийский комитет (МОК) при решении трансгендерного вопроса оказался излишне сосредоточенным на своих новых 10 принципах (Основы справедливости, интеграции и недискриминации на основе гендерной идентичности и половых вариаций / Рекомендации МОК)⁵.

¹Неробол (в фармакопейных прописях метандростенолон, дианабол) — лекарственная форма, препарат синтетического происхождения, выпускался в таблетках по 1 и 5 мг в упаковке по 100 штук. Препарат повышал образование белка и восстанавливал его уровень в крови особенно в ситуациях, сопровождаемых интенсивными его потерями, улучшал обмен веществ в организме, стимулировал увеличение мышечной массы.

²Еще в 1991 г. ИААФ отказалась от легковесного теста на X-хроматин (мазок из полости рта).

³Всемирный антидопинговый кодекс / Международный стандарт / Запрещенный список на 2022 год / WorldAnti-DopingAgency — РУСАДА, 2022. 46 с.

⁴Интервью Т. В. Казанкиной газете [Электронный ресурс]. URL: /https://www.championat.com/other/news-4492635-chempionka-igr-tatyana-kazankina-predlozila-sdelat-dlya-transgenderov-otdelnyuy-olimpiadu.html?utm_source=copypaste (дата обращения: 19.01.2022).

⁵IOC releases Framework on Fairness, Inclusion and Non-discrimination on the basis of gender identity and sex variations / International Olympic Committee. GregMartin, 16 Nov. 2021. 6 p [Электронный ресурс]. URL: https://olympics.com/ioc/news/ioc-releases-framework-on-fairness-inclu-

Рекомендации, датированные 2021 г., опираются главным образом на неуклюжие принципы *инклюзивности*, а не на научные положения генетической теории и эндокринологии, что, разумеется, спровоцирует обязательно в будущем многочисленные риски и угрозы возникновения откровенно нечестной конкуренции в женском спорте. Ведь несколько ранее МОК отказался проверять уровень тестостерона у трансгендерных легкоатлетов, а решения о правилах допуска к соревнованиям рекомендовал принимать самим национальным легкоатлетическим федерациям¹.

Заключение и выводы

Авторы статьи являются безусловными сторонниками ужесточения существующих правил проверки на половую принадлежность спортсменок и совершенствования методологии, научных методик выявления и тестирования новейших препаратов, производимых фармацевтическими гигантами в конкурентной извечной битве за своего достаточно амбициозного потребителя. Это должно осуществляться в режиме безукоризненных, с точки зрения научности, организованности и международного права, допинг-контроля. Ведь неумолимая статистика, которая знает все, утверждает, что если среди жителей планеты 0,005% приходится на гермафродитов, то в спорте этот процент подрастает до 0,2%, т.е. полубогов, как их почитали в античные времена, становится в 40 крат больше. Не многовато ли для и так тесной свиты королевы?

И синхронизированная работа подразделений фармы и WADA (а может быть, в дальнейшем и РУСАДА) будет длиться без конца: фармакологи станут изобретать все новые и новые, пока еще не запрещенные препараты, а лаборатории будут пытаться их выявлять, обезвреживать и, вероятно, запрещать [5]. Примером такого свежего допингового препарата служит обнаружение в 2018 г. у кенийского бегуна на средние дистанции А. Кипропа EPO (англ. *erythropoietin*) — эритропоэтина (гемопозтин), одного из гормонов почек, контролирующего образование эритроцитов².

От имеющейся квалификации, таргетированной эффективности и здорового патриотизма нового руководства ВФЛА, РУСАДА и других спортивных институтов РФ зависит в будущем не только приостановка спада в легкой атлетике, восстановление некогда однозначно высокой репутации, но и допуск российских легкоатлетов на международную арену, т.е. спортсменов нового поколения, никак не замешанных в прежних скандалах. Для этого необходимо самостоятельно избавить многострадальную королеву от доказательно запятнавших себя тренеров, спортсменов и врачей. А кое-где и коррумпированных чиновников от спорта и так называемых «кризисных» менеджеров. Следует обратить особое внимание на разработку и внедрение эффективных антидопинговых образовательных программ разного уровня и назначения.

Повсеместно презумпцию невиновности принято строго соблюдать. Опровергать или подтверждаться вина подозреваемого может только в судебном порядке, но

sion-and-non-discrimination-on-the-basis-of-gender-identity-and-sex-variations (дата обращения: 27.01.2022).

¹ Представители World Athletics и других федераций раскритиковали новую политику МОК в отношении трансгендеров [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sports.ru/athletics/1105536629-predstaviteli-world-athletics-i-drugix-federacij-raskri-tikovali-polit.html> (дата обращения: 27.01.2022).

² EPO по своему химическому строению является гликопротеином. Вес человеческой дозы EPO близок к 34 кДа (килодальтона — единицы атомно-молекулярного веса). Экзогенный эритропоэтин вырабатывается путем молекулярного клонирования в клеточной культуре [1]. Для стимуляции секреции собственного эритропоэтина в России применялась процедура ингаляции ксенона — запрещена весной 2014 г.

прежнее руководство денежных средств на отстаивание спортивных интересов в Спортивном арбитражном суде (*Court of Arbitration for Sport — CAS*, Лозанна, Швейцария) не отпускало, за авторитет российского спорта и российских легкоатлетов боролось вяло, безответственно и непрофессионально.

Организация дела восстановления утраченной репутации отечественного спорта, несомненно, имеет государственное значение, его должно возглавить Министерство спорта РФ во главе с новым энергичным министром, констатировавшим достижение показателя вовлеченности населения страны в спортивную деятельность на начало 2022 г. в 45,4%, или 62 млн чел.¹, с принятием экстренных мер и продуманных мероприятий. Такой пакет должен предусматривать неукоснительное выполнение составленной и согласованной с российской стороной так называемой «дорожной карты» реабилитации легкой атлетики и искоренению недостатков², борьбу с коррупцией в спорте, строгое соблюдение предписанных регламентов, расписаний, норм, включая морально-этические, и юридико-технических нормативов международного законодательства, кодексов поведения и предписанных правил.

Нельзя при формировании этого пакета мероприятий забывать об усилиях по восстановлению массовости подлинно народного вида спорта повсеместно. Так, если сразу после войны в 1947 г. число занимающихся этим видом спорта оценивалось по СССР в 850 тыс. чел.³, т.е. около 0,50% по отношению к численности всего населения прежней державы в тех условиях, то уже к 1959 г. этот уровень поднялся до 1,48%. А вот по итогам 2020 г. уже в другой стране — России — оцениваемый уровень упал до 0,14%. Во всяком случае расхожей спортивной шуткой гештальт явно преодолен: если раньше в стране бегали миллионы мальчуганов, то нынешние мальчуганы бегают за миллионы. Массовость, массовость и массовость, вот что должно быть девизом всякого чиновника от спорта.

Момент истины в ее нынешней редакции состоит в сознательном и ответственном принятии руководством, помимо перечисленного, также всего того, что касается сроков предоставления допинговых тестов, обязательных и надлежаще оформленных отчетов, обстоятельно составленных документов, собственноручных проведения показательных дисциплинарных процессов, оперативных ответов по запросам, исключающих всяческую фальсификацию, адресованных в соответствующие международные организации, в том числе в адрес независимого и авторитетного Органа по борьбе с негативными явлениями в легкой атлетике и с допингом *AIU (Athletics Integrity Unit)*⁴, на чьи рекомендации и выводы в первую очередь опирается руководство *World Athletics*.

Лишь надлежащее исполнение дорожной карты всеми властными структурами, отвечающими за развитие отечественной легкой атлетики, скрупулезное выполнение требований по имплементации финансовых (штрафы) и административных решений *CAS* позволят вернуться без каких-либо санкционных ограничений в дружную семью мировой королевы. Но, как полагают авторы статьи, это блуждание на стороне, с учетом долгоиграющей пандемии COVID-19, с ее дружно шагающими по греческому алфавиту штаммами хитроумного коронавируса, препятствующими

¹ Министр спорта РФ провел 19.01.2022 первое заседание экспертного клуба Минспорта России [Электронный ресурс]. URL: https://minsport.midural.ru/news/show/id/323/news_category/62 (дата обращения: 27.01.2022).

² Слежение за выполнением «дорожной карты» поручено специальной комиссии *World Athletics* во главе с г-ном Андерсоном (Норвегия). Действия комиссии направляются г-ном Тейлором (Великобритания). Комиссия более 20 раз приезжала в Россию с проверками на местах, но всегда обнаруживались разнохарактерные претензии.

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://studfile.net/preview/5809164/page:5/> (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ *AIU* образован в апреле 2017 г. тогда еще структурами *ИААФ*. Орган юридически работает независимо от *World Athletics*, размещен в Монако.

систематическому и регулярному тренировочному процессу легкоатлетов, случится никак не ранее начала 2027 г.

Литература

1. *Бакшеев В. И., Коломеец Н. М.* Эритропоэтин в клинической практике // Клиническая медицина. 2007. Т. 85, № 9. С. 30–37.
2. *Воронина В. Т.* О развитии легкой атлетики в России // Карельский научный журнал: Социологические науки. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 345–348.
3. *Выходец И. Т., Данилова-Перлей В. И.* и др. Клинические рекомендации по проведению этапных и текущих медицинских обследований, врачебно-педагогических наблюдений у спортсменов спортивных команд Российской Федерации в олимпийских видах спорта. Клинические рекомендации. М., 2018. 402 с.
4. *Гатев К.* Статистическая оценка различий между структурами совокупности // Теоретические и методологические проблемы статистики. М.: Статистика, 1989. 160 с.
5. *Горчакова Н. А., Гудивок Я. С., Гунина Л. М.* и др. Фармакология спорта / под общ. ред. С.А. Олейника. Киев: Олимпийская литература, 2010. 640 с.
6. *Дидур М. Д., Выходец И. Т., Хохлина Н. К.* и др. Безопасный спорт? Реалии, понятийные и нормативные аспекты // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2017. № 16. С. 19–22.
7. *Иконникова Е.* Особенности разработки и проведения информационно-образовательных антидопинговых программ с учетом возрастных особенностей спортсменов в рамках подготовки спортивного резерва легкой атлетики // Легкая атлетика. 2019. № 1–2 (764–765). С. 31–35.
8. *Калинин А. В., Бутко Д. В., Даниленко Л. А.* и др. Функциональная диагностика в спортивной медицине: Учеб. пособие для клинических ординаторов, врачей / Сер. «Библиотека педиатрического университета». СПб., 2018. 346 с.
9. *Киселев Я. В., Бочарин И. В., Гурьянов М. С., Капков Е. А.* Факторы, влияющие на преждевременное завершение спортивной легкоатлетической карьеры // Актуальные проблемы и современные тенденции развития легкой атлетики в России и в мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная памяти профессора Г. В. Цыганова (24 мая 2019 г.). Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, 2019.
10. *Крутиков А. К., Подковырин В. Д.* Компьютерные технологии и технологии искусственного интеллекта как инструмент прогнозирования спортивных результатов в легкой атлетике // Актуальные проблемы и современные тенденции развития легкой атлетики в России и в мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная памяти профессора Г. В. Цыганова (24 мая 2019 г.). Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, 2019.
11. *Скляр А. В., Цацулин А. Н.* Исследование налогового потенциала в аспекте региональных экономических измерений: монография. Изд. 3-е, исправл. и дополн. / под общ. ред. проф. А. Н. Цацулина. СПб.: Изд-во СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2012. 340 с.
12. *Стеценко Н. В., Широбакина Е. А.* Цифровизация в сфере физической культуры и спорта: состояние вопроса // Наука и спорт: современные тенденции. 2019. Т. 22. № 1. С. 35–40.
13. *Цацулин А. Н.* Анализ деятельности предприятий реального и финансового секторов экономики: учебник (магистратура и аспирантура). М.: КноРус, 2021. 350 с.
14. *Цацулин А. Н., Цацулин Б. Н.* Сценарное моделирование в управлении системой здравоохранения Пермского края // Управленческое консультирование. 2021. № 2 (146). С. 110–126; № 3(147). С. 98–109.
15. *Эшкинина У. Ю., Эшкинина О. Н.* Популяризация легкой атлетики в России средствами массовой информации // Актуальные проблемы и современные тенденции развития легкой атлетики в России и в мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная памяти профессора Г. В. Цыганова (24 мая 2019 г.). Казань: Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма, 2019. 323 с.
16. *Boutin M., Presse N., Martineau T., Perreault A. et al.* Mass spectrometry analysis of urinary methylmalonic acid to screen for metabolic vitamin B12 deficiency in older adults // Bioanalysis. 2020. N 12 (10). P. 693–705. PMID 32559133. DOI: 10.4155/bio-2020-0106.

17. DiNapoli L., Capel B. SRY and the standoff in sex determination // *Molecular Endocrinology: journal*. 2008. Vol. 22. N 1. P. 1. DOI: 10.1210/me. 2007-0250. PMID 17666585.
18. Gebert A., Stamm H., Kamber M., Lamprecht M. The fight against doping from the perspective of Swiss athletes and coaches // *SEMS-Journal. Sport & Exercise Medicine Switzerland*. 01.11.2019. DOI: <https://doi.org/10.34045/SSEM/2019/25>.

Об авторах:

Цацулин Александр Николаевич, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор. Мастер спорта СССР по легкой атлетике; vash_64@mail.ru

Цацулин Борис Александрович, аспирант БАТиП (Санкт-Петербург, Российская Федерация), магистр менеджмента, tsatsan@yandex.ru

References

1. Baksheev V.I., Kolomoets N.M. Erythropoietin in clinical practice // *Clinical medicine [Klinicheskaya meditsina]*. 2007. Vol. 85, N 9. P. 30–37 (in Rus).
2. Voronin V. T. On the Development of Athletics in Russia // *Karelian Scientific Journal: Sociological Sciences [Karel'skii nauchnyi zhurnal: Sotsiologicheskie nauki]*. 2017. Vol. 6, N 4 (21). P. 345–348 (in Rus).
3. Vykhodets I. T., Danilova-Perley V. I. and others. Clinical recommendations for stage and current medical examinations, medical and pedagogical observations of athletes of sports teams of the Russian Federation in Olympic sports. Clinical guidelines. Moscow, 2018. 402 p. (in Rus).
4. Gatev K. Statistical assessment of differences between the structures of the population // *Theoretical and methodological problems of statistics*. M.: Statistics, 1989. 160 p. (in Rus).
5. Gorchakova N. A., Gudivok Y. S., Gunina L. M., et al. Pharmacology of sports / under the general editor S. A. Oleinik. Olympic Literature, 2010. 640 p. (in Rus).
6. Didur M. D., Vykhodets I. T., Khokhlina N. K., et al. Safe sport? Realities, conceptual and regulatory aspects // *Bulletin of the Russian State Medical University [Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta]*. 2017. N 16. P. 19–22 (in Rus).
7. Ikonnikova E. Features of the development and conduct of information and educational anti-doping programs, taking into account the age characteristics of athletes in the preparation of the sports reserve of athletics // *Athletics [Legkaya atletika]*. 2019. N 1-2 (764-765). P. 31–35 (in Rus).
8. Kalinin A. V., Butko D. V., Danilenko L. A., et al. Functional diagnostics in sports medicine: A textbook for clinical residents, physicians / Ser. "Pediatric University Library". St. Petersburg, 2018. 346 p. (in Rus).
9. Kiselev Y. V., Bocharin I. V., Guryanov M. S., Kapkov E. A. Factors affecting the premature completion of a sports athletics career // *Current problems and modern trends in the development of athletics in Russia and in the world: materials of the Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the memory of Professor G. V. Tsyganov (May 24, 2019)*. Kazan: Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, 2019. (in Rus).
10. Krutikov A. K., Podkovyrin V. D. Computer technologies and technologies of artificial intelligence as a tool for predicting sports results in athletics // *Current problems and modern trends in the development of athletics in Russia and in the world: materials of the Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the memory of Professor G. V. Tsyganov (May 24, 2019)*. Kazan: Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, 2019. (in Rus).
11. Sklyar A. V., Tsatsulin A. N. Research of tax potential in the aspect of regional economic measurements: monograph. Ed. 3rd / under the general ed. Prof. A. N. Tsatsulin. St. Petersburg: Publishing House NWIM of RANEPa, 2012. 340 p. (in Rus).
12. Stetsenko N. V., Shirobakina E. A. Digitalization in the field of physical culture and sports: the state of the question // *Science and sports: modern trends [Nauka i sport: sovremennye tendentsii]*. 2019. Vol. 22. N 1. P. 35–40 (in Rus).
13. Tsatsulin A. N. Analysis of the activities of enterprises in the real and financial sectors of the economy: a textbook (master's and graduate school). M.: KnoRus, 2021. 350 p. (in Rus).
14. Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. N. Scenario modeling in the management of the health care system of the Perm Territory // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 2 (146) P. 110–126; N 3 (147). P. 98–109 (in Rus).

15. Eshkinina U.Yu., Eshkinina O.N. Popularization of athletics in Russia by the media // Current problems and modern trends in the development of athletics in Russia and in the world: materials of the Russian scientific and practical conference with international participation, dedicated to the memory of Professor G.V. Tsyganov (May 24, 2019). Kazan: Volga State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, 2019. 323 p. (in Rus).
16. Boutin M., Presse N., Martineau T., Perreault A. at al. Mass spectrometry analysis of urinary methylmalonic acid to screen for metabolic vitamin B12 deficiency in older adults // *Bioanalysis*. 2020. N 12 (10). P. 693–705. PMID 32559133. DOI: 10.4155/bio-2020-0106.
17. DiNapoli L., Capel B. SRY and the standoff in sex determination // *Molecular Endocrinology: journal*. 2008. Vol. 22. N 1. P. 1. DOI: 10.1210/me. 2007–0250. PMID 17666585.
18. Gebert A., Stamm H., Kamber M., Lamprecht M. The fight against doping from the perspective of Swiss athletes and coaches // *SEMS-Journal. Sport & Exercise Medicine Switzerland*. 01.11.2019. DOI: <https://doi.org/10.34045/SSEM/2019/25>.

About the authors:

Alexander N. Tsatsulin, Professor of the Department of Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor. USSR Master of Sports in Track and Field Athletics; vash_64@mail.ru

Boris A. Tsatsulin, Post-Graduate Student of Baltic Academy of Tourism and Entrepreneurship (St. Petersburg, Russian Federation), Master of Management; tsatsan@yandex.ru

Диалог между государством и религией как основа для принятия управленческих решений: опыт исследования в регионах Северо-Запада

Байер Ю. П.¹, Коваленко В. Д.^{1, *}, Родионова Е. В.², Сяндюков Н. К.¹

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация); *vl.workvl@yandex.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья опирается на результаты крупного исследовательского проекта «Государство и религия на Северо-Западе: социологический анализ», который был проведен СЗИУ РАНХиГС в 2020 г. и был направлен на разработку и внедрение междисциплинарной методологии анализа религиозной ситуации в Северо-Западном федеральном округе. В статье приводятся результаты исследования взаимоотношения государства и религиозных институтов по пяти регионам Федерального округа. Авторы анализируют актуальные теоретические наработки в исследованиях современных государственно-конфессиональных отношений, изучения медиатизации религии и делают вывод о многоярусной структуре современной коммуникации между государством и религиозными организациями, в том числе и в сети Интернет, а также о значимости символа и религиозного праздника в общественной публичной сфере. Методами эмпирического исследования выступили контент-анализ и проведение экспертных интервью с акцентом как на различных регионах, так и на совокупность факторов по всему Северо-Западному федеральному округу в целом. В ходе исследования делается вывод о тесной взаимосвязи общественных и религиозных процессов в субъектах федерации. Региональные отличия в религиозной сфере не связаны напрямую с экономическими и социальными показателями развития. Самый значимым каналом коммуникации власти и аудитории являются социальные сети. Через них формируется определенное отношение к участникам государственно-конфессиональных отношений, выделяются значимые акторы и события. Не только медиа влияют на религиозные организации и органы власти, задавая тон для диалога между ними, но и культурные, социальные особенности участников диалога формируют рефлексию в медиа.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, медиатизация, социальные противоречия, индекс благополучия, религиозные организации

Для цитирования: Байер Ю. П., Коваленко В. Д., Родионова Е. В., Сяндюков Н. К. Диалог между государством и религией как основа для принятия управленческих решений: опыт исследования в регионах Северо-Запада // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 146–160.

Dialogue between the State and Religion as a Basis for Managerial Decision-Making: Research Experience in the Regions of the North-West

Julia P. Bayer¹, Vladimir D. Kovalenko^{1, *}, Elizaveta V. Rodionova², Nikita K. Syundyukov¹

¹Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-Western Institute of Management RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation); *vl.workvl@yandex.ru

²Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is based on the results of a large research project “State and Religion in the North-west: a sociological analysis”, which was conducted by the RANEPА in 2020, and was aimed

at developing and implementing an interdisciplinary methodology for analyzing the religious situation in the Northwest Federal District. The article presents the results of a study of the relationship between the state and religious institutions in 5 regions of the Federal District. The article presents theoretical developments in the perspective of modern state-confessional relations, the study of the mediatization of religion, concludes about the multi-tiered structure of modern communication between the state and religious organizations on the Internet, as well as about the significance of the symbol and religious holiday in the public public sphere. The methods of empirical research were content analysis and expert interviews with an emphasis on both different regions and a combination of factors throughout the North-Western Federal District as a whole. The results of the study show that there is a strong interrelationship between social and religious processes in the subjects of the federation. But there are some regional differences, first of all in the role of media in different regions.

Keywords: state-confessional relations, mediatization, social contradictions, prosperity index, religious organizations

For citing: Bayer Ju.P., Kovalenko V.D., Rodionova E.V., Syundyukov N.K. Dialogue between the State and Religion as a basis for managerial decision-making: research experience in the regions of the North-West // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 146–160.

Введение

Взаимоотношения между властью и религиозными организациями — это предмет для острой дискуссии и обсуждения. В такой полемике возникают вопросы о том, насколько различные религиозные организации влияют на принятие властных решений и в какой степени религиозная ситуация в регионах связана с работой органов государственной власти. В полиэтничных российских мегаполисах, таких как Санкт-Петербург и Москва, религиозность постепенно утрачивает свое прежнее значение в общественной жизни, но остается опасность возгонки квазирелигиозного конфликта. Подобные столкновения регулярно актуализируются в ситуации пересечения религиозных интересов с экономическими и политическими противоречиями. В условиях конкуренции за материальные и властные ресурсы даже простое разногласие в среде религиозных деятелей может привести к усилению конфликта и его эскалации через средства массовой информации. В качестве примера такого рода нагнетания можно назвать события в одном из монастырей Екатеринбурга, где его бывший настоятель схиигумен Сергей открыто призывал к противодействию конституционному строю. Таких поводов в медиа пространстве становится все больше, и представители религиозных организаций вынуждены реагировать на новые информационные всплески. Подобная ситуация наблюдается в отношении всех основных религий по стране, но, бесспорно, зависит от специфики регионов. Например, в республике Дагестан под пристальным вниманием средств массовой информации и социума находятся все действия представителей ислама, а в высших учебных заведениях республики ведется работа по выявлению экстремистских вербовочных групп. М. М. Шахбанова и А. В. Верещагина в своем исследовании религиозности городского населения Дагестана отмечают, что «не вызывает сомнения, что в политизации межрелигиозных взаимоотношений заключается большая опасность для сохранения стабильности и позитивного климата в современном российском обществе. Такая тенденция несет определенную угрозу и национальной безопасности государства, что не раз демонстрировали события российской и мировой истории» [21, с. 168].

В Северо-Западном федеральном округе своя структура религиозных отношений и здесь объектом пристального внимания (в силу историко-социальных причин) становится Русская православная церковь. В Санкт-Петербурге РПЦ часто является субъектом конфликтных ситуаций экономического, социального, культурного

порядка [15; 16]. Д. Узланер таким образом описывает эти процессы: «РПЦ становится эпицентром практически непрекращающихся конфликтов. Негатив, ассоциируемый с православием, возрос настолько, что почти любой слух, любое обвинение — даже самое несправедливое — «раздувается» и привлекает широкое внимание общественности. Это верно, по крайней мере, в отношении СМИ, неподконтрольных церкви или государству» [19, с. 100].

Особенный интерес представляет собой анализ ситуации в Санкт-Петербурге как поликонфессиональном и полиэтничном регионе, с относительно благополучной социально-экономической обстановкой. В целом можно артикулировать проблему так: развитие современных религиозных процессов характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, церковь и духовные организации выступают важными составляющими общественной жизни даже в условиях глобального мира и продолжающейся секуляризации, с другой стороны, религиозность населения больших городов приобретает квазирелигиозный характер и становится скорее идентификационным маркером принадлежности к той или иной этнической группе или культурной общности. Конфликтогенный же потенциал религиозного фактора для большинства населения является весьма низким, а его влияние переоценивается в силу радикальных проявлений тех или иных групп или из-за особого взгляда в СМИ или медиасфере. Важным становится понимание того, какую роль играют государство и власть в развитии религиозной сферы жизни региона. Каким образом связаны между собой экономическая, политическая и религиозная ситуация в регионе между собой. И конечно, какую роль в этом диалоге между государством и религиозными организациями играют медиа.

Государственно-конфессиональный диалог в современных условиях перестает быть именно взаимодействием двух сторон. Активную роль в этом процессе начинают играть другие социальные акторы. Это могут быть разные неправительственные организации, общественные движения, но, главное — это медиа, чье влияние нельзя не учитывать. Русская православная церковь активно осваивает взаимодействие с аудиторией через интернет [4; 7], что симптоматично для всех традиционных религий, например, в современном буддизме очень широко распространены различные цифровые практики [2]. В медиа пристально отслеживаются как действия религиозных организаций, так и органов государственной власти и вырабатывают представление об этой сфере, играя значительную роль при формировании общественных установок, влияя на создание климата мнений, который так чутко улавливает аудитория, понимая, какие именно взгляды предпочтительнее и не вызовут осуждения со стороны разных значимых социальных групп [9; 11].

Основной тенденцией в развитии в том числе государственно-конфессионального диалога является медиатизация. Концепция медиатизации разрабатывается на протяжении последних 20 лет такими исследователями, как С. Хьюард [25], М. Левхайм [23], А. Хепп [24], Н. Коулдри [22]. Известный подход С. Хьюарда подвергался критике, так как он полагал ключевым лишь влияние медиа на разные институты, в том числе религиозные, упуская из виду возможное воздействие и этих институтов на медийную сферу. Е.И. Гришаева и В.А. Шумкова в своей статье о традиционалистских православных медиа отмечают, что «особенности функционирования религиозных медиа связаны с тем, что религиозные сообщества не только адаптируются к логике медиа, но и адаптируют медиа к своим нуждам, вырабатывают собственные стратегии их использования. Соответственно, если Хьюард рассматривает влияние логики медиа на религию, то критические замечания указывают на то, что этот процесс является двунаправленным» [4, с. 287].

Современные исследователи активно изучают процессы медиатизации социальной реальности, в том числе и в религиозной сфере через призму последних теоретико-методологических концепций, критикуя их и предлагая свои трактовки

и пояснения. Например, Е. А. Островская отмечает, что «в дне сегодняшнем российская социология религии заявляет о себе многообразием школ, направлений и тематик. Она представлена работами научных коллективов и талантливых одиночек, собственными концептуальными открытиями и рефлексией о методологии, методах и теориях зарубежных коллег» [12, с. 4].

Е. А. Островская рассматривает медиатизацию как глобальную и очень важную тенденцию в развитии общества в целом и религиозной сферы в частности. «В глобализированной социальной реальности религии воспроизводят себя в новом сетевом формате, где институты религиозных профессионалов, мирян, религиозного образования функционируют дислокально и вне социокультурной специфики. Глобальные транснациональные сети религиозных идеологий порождают новые транснациональные идентичности, лишённые привязки к конкретным национальностям, культурам и государствам» [13, с. 304].

А. Хепп в своей работе «Тотальная (глубокая) медиатизация (Основные идеи в исследованиях медиа и культуры)» определяет процесс медиатизации следующим образом: «В узком смысле медиатизация связана, с одной стороны, с трансформацией медиа и коммуникаций и, с другой стороны, изменениями культуры и общества... Качественный анализ медиатизации фокусируется и в эмпирическом, и в теоретическом смысле на специфических обстоятельствах поглощения повседневной жизни медиа и на том, к каким социальным и культурным изменениям это ведёт» [24, с. 4].

Анализ современных исследований в сфере религии показывает, что недостаточно просто провести экспертный опрос представителей государственной власти и религиозных деятелей, нужно исследовать роль, которую играют медиа в конструировании этого диалога. Это необходимо учитывать при выработке управленческих решений, направленных на гармонизацию государственно-конфессиональных отношений. Для формулировки практических решений в настоящих социально-политических условиях, крайне важным представляется исчерпывающий анализ религиозной ситуации в различных регионах и создание рекомендаций по работе представителей религиозных организаций в медийном пространстве и с общественным мнением.

Значимые концептуальные исследования не только в СЗФО полностью, но и в таком крупном субъекте, как Санкт-Петербург, практически не проводились. В то же время перед управленческим и экспертным сообществом стоит ответственная задача конструирования и воплощения функциональной межрелигиозной политики, требующей глубокой проработки и мощной информационной базы. Статья опирается на результаты исследовательского проекта «Государство и религия на Северо-Западе: социологический анализ», проведенного на базе СЗИУ РАНХиГС в 2020 г. Результаты исследования в пяти регионах СЗФО могут затем стать основой методики, ее коррекции и распространения на другие регионы и Федеральные округа РФ. Такой мониторинг, в перспективе поставленный на постоянную основу, может стать качественным источником информации для выработки решений в сфере межрелигиозных отношений и этноконфессиональных конфликтов.

Северо-Западный федеральный округ представляет собой весьма интересный объект исследования с точки зрения религиозной ситуации: здесь есть полиэтничный, поликонфессиональный Санкт-Петербург и Ленинградская область, которые являются одними из лидеров по количеству мигрантов, приезжающих на заработки из стран бывшего СССР. На данный момент недостаток экспертной информации искажает понимание ситуации при выработке важных управленческих и политических решений как индивидуально в каждом субъекте, так и концептуально во всем федеральном округе. Архангельская, Псковская и Новгородская область являются теми регионами, в которых присутствует своя специфика религиозных отношений,

добавление этих трех областей в исследование религиозной ситуации позволит собрать материал для сравнительного анализа основных показателей межконфессиональных отношений в разных регионах.

Материалы и методы

Объектом исследования стала религиозная ситуация в пяти регионах СЗФО: Санкт-Петербурге, Ленинградской области, Архангельской области, Псковской области, Новгородской области.

Предмет: динамика и форма коммуникации между основными акторами, субъектами религиозных, межконфессиональных отношений в регионе.

Специфика предмета исследования определена концептуальной рамкой, в соответствии с которой государственно-конфессиональные отношения включают в себя не только диалог между властью и религиозными организациями, но также и участие других акторов, особое внимание уделяется исследованию медиа.

Управленческая цель: выявление специфики и основных направлений конфликтов/сотрудничества между субъектами религиозных, межконфессиональных отношений в регионе.

Основные гипотезы:

- 1) устойчивость ситуации в регионе зависит от готовности к взаимодействию религиозных организаций и представителей власти, а также таких организаций между собой. При общей открытости сторон конфликтогенный потенциал взаимодействия снижается, при их закрытости, напротив, конфликтогенный потенциал возрастает;
- 2) численность религиозных организаций в регионах постепенно снижается за исключением представителей ислама;
- 3) религиозные организации в значительной степени не контролируют средства массовой информации и освещение событий о себе;
- 4) у большинства руководителей религиозных объединений нет видения стратегического сотрудничества с медиа, они действуют исходя из текущих потребностей своей организации, инертны в смене каналов коммуникации.

Так как изучаемая проблема имеет специфический характер и в научном дискурсе нет сформированных методик исследования государственно-конфессиональных отношений, то была дополнительно сформулирована и научно-прикладная цель. Это разработка и внедрение универсальной междисциплинарной методологии анализа религиозной ситуации в Северо-Западном федеральном округе (как в субъектах в частности, так и по Округу в целом), с фиксацией исследовательского фокуса на положении и соотношении основных религиозных организаций, текущем состоянии государственно-конфессиональных связей, на скрытых и явных очагах межрелигиозной напряженности, проявлениях нетерпимости, для предупреждения возможных конфликтов, противоречий и угроз на религиозной почве.

Методологическая парадигма определила основные методы исследования. Для изучения репрезентации государственно-конфессиональных отношений в медиа был выбран и соответствующим образом адаптирован метод контент-анализа. Процедура контент-анализа разрабатывалась на основании методических разработок А. В. Семеновой и М. В. Корсунской [18]. Качественный контент-анализ направлен на формат публикуемого контента, его объем, смысловое значение, наличие тех или иных видов лексики в текстах и медиаобразах. В качестве основного метода применялось манифестное кодирование, латентное кодирование не было включено, как еще один метод, так как имелись ограничения по времени проведения контент-анализа. Основной единицей анализа стали поздравления в официальных медиа с религиозными праздниками. Таким

образом, систематизированные события сводились в таблицы, а потом обрабатывались вручную.

Вторым методом в рамках мониторинга государственно-конфессиональных отношений стали экспертные интервью с чиновниками от государственной власти, религиозными деятелями и представителями научной общественности, занимающимися изучением религии. Гайд интервью сочетал в себе ряд закрытых и открытых вопросов, что позволило получить, с одной стороны, обобщенные данные, в единообразной форме по всем регионам, а, с другой стороны, в открытых вопросах и пояснениях уточнить нюансы и специфику процессов в каждом из регионов. Основные показатели разрабатывались на основании классической работы И. Ф. Девятко «Методы социологического исследования» [5].

Полевой этап был проведен в период с 1 октября по 15 ноября 2020 г. Эпидемиологическая ситуация наложила отпечаток на формат проведения интервью, ряд интервью с информантами были проведены в очном формате. С информантами из других регионов проводились интервью на различных коммуникативных платформах — ZOOM, SKYPE, Telegram. Также осуществлялся дополнительный обзвон информантов с целью уточнения данных интервью.

Длительность интервью составляла в среднем около 60 мин, в некоторых случаях информанты были готовы подробно объяснить каждый из вопросов и тогда интервью занимало 90 мин, некоторые информанты, напротив, были очень лаконичны и в таких случаях интервью занимало около 50 мин.

Рассмотрим результаты манифестного контент-анализа и интервью подробнее.

Результаты

Каждый субъект Федерации представляет собой отдельную структуру взаимоотношений и самостоятельное инфополе, поэтому применение единой методологии к изучению различных частей региона является не только аналитическим преимуществом, но и несет в себе возможность для сравнительного исследования. Если после распада Советского Союза национальное самосознание населения было весьма подвижным и динамичным, то на современном этапе обрело статичность. Религиозная же самоидентификация до сих пор находится в состоянии нестабильности, что, во многом, связано с прерванной религиозной традицией в СССР. Необходимо принять во внимание, что каждому региону свойственны все особенности религиозной ситуации в современной России. Основная часть жителей — русские, традиционно исповедующие православное христианство, остальное население представляют другие народы России. Рассмотрим сначала данные исследования средства массовой информации в каждом из регионов. Особую важность феномена медиа подчеркивает обширная медиалогия П. Бурдые, который отталкивался в характеристике принципа работы коммуникационных служб от категории «внимание», которое ограничивается временем. Поэтому важным становится массмедийный капитал в особом «журналистском поле», который является разновидностью символического капитала и напрямую связан с узнаваемостью и закреплением социальных статусов [3].

Используемый нами количественный контент-анализ направлен на анализ числа опубликованных записей с определенной тематикой, публикационной активности и публикационной интенсивности тех или иных медиа. Качественный контент-анализ направлен на формат публикуемого контента, его объем, смысловую направленность.

Объектом исследования являлись публикации в отобранных СМИ и медиа в период с 01.09.2019 по 01.09.2020, так как именно данный период обладает событийной полнотой, включающей основные религиозные праздники, и способной

предоставить нам характеристику религиозной ситуации как до коронавирусной пандемии, во время и после нее. Также для каждого субъекта выборка была составлена с учетом особенностей региона, однако, как предполагает исследование, были выбраны единые эмпирические переменные для всех субъектов.

Далее нас интересовало количество поздравлений и упоминаний о тех или иных религиозных праздниках или событиях в медиа органов власти субъектов, которые являются весьма узкопрофильными медиа, что также обуславливает социальные параметры контента в них. Если общественные медиа направлены на широкий охват аудитории, конфликтуя за внимание потребителя, а узкоспециализированные медиа направлены на определенный сегмент потребителей медиа, то медиа органов власти имеют скорее манифестирующую функцию первой инстанции, отталкиваясь от которой прочие медиа формируют повестку.

Из результатов анализа совокупных данных можно сделать вывод о том, что только в медиа трех из пяти исследуемых регионов присутствуют поздравления нескольким конфессиям, при этом лидером по разнообразию поздравлений выступил Санкт-Петербург. Здесь исследуемые категории были адресованы православным верующим, мусульманам, армянским христианам, католикам и лютеранам, однако отсутствовали поздравления с буддийскими и иудейскими праздниками.

Таблица

Поздравления религиозных организаций в основных медиа власти, сводная таблица по всем регионам

Table. Congratulations to religious organizations in the main media authorities, summary table for all regions

Регионы Публикации	Архангельская область	Ленинградская область	Новгородская область	Псковская область	Санкт-Петербург
Поздравляемые религии и религиозные организации	Православие	Православие. Ислам	Православие	Православие. Ислам	Православие, ислам, Армянская апостольская церковь, Римско-католическая церковь, Евангелическо-лютеранская церковь
Кол-во поздравлений в медиа губернаторов	2	3	2	6	3
Кол-во поздравлений в медиа исполнительной власти	3	6	9	6	8
Кол-во поздравлений в медиа законодательной власти	—	5	—	1	8
Итого	5	14	11	13	19

В Ленинградской и Псковской областях присутствовали поздравления православных и мусульман, а в Новгородской и Архангельской — исключительно православных. Во многом это связано с ориентацией органов власти на самую большую часть верующих (во всех представленных регионах это православные христиане), а также со спецификой модели государственно-конфессиональных отношений в России, в которой первое место занимает Русская православная церковь.

Необходимо отметить значимость не только официальных медийных каналов администраций регионов, но и личных каналов коммуникации глав регионов. В персонафицированных медиа губернаторов присутствуют поздравления с двумя самыми важными православными праздниками, а именно, Рождеством Христовым и Пасхой, третьим по значимости стал праздник Крещения, с которым поздравили в Псковской и Архангельской областях, а также упомянули в Ленинградской области. Такая популярность отдельного двенадцатого праздника (12 особо почитаемых в православной традиции праздников, выше которых в иерархии располагают только Рождество и Пасха) связана с укорененной среди населения традицией купания в прорубях, а также с большой популярностью этой достаточно опасной практики среди населения.

Из поздравлений неправославным конфессиям в медиа присутствовали поздравления мусульманам с праздниками Ураза-Байрам в Санкт-Петербурге. Это связано с тем, что в городе сформировалась большая исламская община. Из-за активной медийной политики губернатора Псковской области в региональных СМИ были поздравления мусульман с праздником Курбан-Байрам.

В проанализированных медиа исполнительной власти самым значимым каналом связи с реципиентами стали социальные сети, что объясняется их большей популярностью у населения. В социальных сетях также было больше упоминаний о праздниках. По частоте упоминаний здесь первое место занимает праздник Покрова Пресвятой Богородицы и начало Великого Поста. Последний является важным событием в жизни православных христиан, но не выделяется в отдельную категорию праздника. Поздравления в социальных сетях были связаны с главными праздниками в православной традиции, т.е. с Пасхой и Рождеством Христовым, а также с праздником памяти святых Петра и Февронии, который не является особо почитаемым в церковном каноне и закреплен в общественном дискурсе в качестве всероссийского праздника «День семьи, любви и верности» лишь в 2008 г.

Поздравления с религиозными праздниками или упоминания на официальных сайтах являются не популярными даже в сравнении с аналогичными категориями в социальных сетях. Подобный канал для связи с аудиторией предпочли в трех исследуемых субъектах, а именно в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Новгородской областях. В их медиаполе присутствуют упоминания праздника Рождества и Крещения, а также поздравления с главными православными праздниками Пасхи и Рождества, праздником памяти святых Петра и Февронии. Однако именно на официальных сайтах органов исполнительной власти есть поздравления с религиозными праздниками неправославных конфессий и религий, в Петербурге это поздравления с Рождеством армянским христианам, католикам и лютеранам, дата празднования которого выпадает на 25 декабря, а также поздравления с мусульманским праздником Курбан-Байрам на официальном сайте Ленинградской области.

В медиа законодательной власти практически отсутствуют поздравления с религиозными праздниками или упоминания о них. Почти у всех глав законодательной власти отсутствуют персонафицированные медиа. На этом фоне выделяются Санкт-Петербург и Ленинградская область. В социальных сетях присутствуют поздравления исключительно законодательной власти Санкт-Петербурга, которые направлены на православную аудиторию в рамках упоминания праздника Крещения и Рождества, а также поздравления с Пасхой и днем памяти Петра и Февронии.

На официальных сайтах были опубликованы поздравления с Православными праздниками Пасхи и Рождества Христова. В социальных сетях Петербургских законодателей было упоминание о празднике Крещения Господня, а в медиа Ленинградской области присутствовало поздравление с праздником Петра и Февронии.

Подводя итог этой части и описывая роль поздравлений в медиа для конструирования образа религиозных организаций, необходимо отметить, что преобладают поздравления, посвященные православным праздникам, при этом праздникам, имеющим весьма большую популярность у населения, а именно Рождества Христова, православной Пасхи, Крещения Господня и памяти святых Петра и Февронии. В медиаполе Пасха и Рождество являются событиями-спутниками и почти всегда присутствуют в виде поздравлений или упоминаний от одного коммуникатора, несмотря на то, что Рождество является и церковным, и государственным праздником, а Пасха исключительно церковным.

Темы, выбранные органами власти для поздравления, отражают конфигурацию государственно-конфессиональных отношений в регионе. Через эти поздравления, с одной стороны, происходит дополнительное формирование в общественном мнении представлений о значимых религиозных организациях. С другой стороны, это может быть объяснено взаимным влиянием культуры и традиций общества на медийную сферу, так как исследования показывают популярность Рождества и Пасхи среди населения.

Самым значимым каналом поздравлений по данным контент-анализа являются социальные сети. Это можно объяснить их популярностью. Однако стоит отметить, что большая часть медиа поздравлений принадлежит исполнительной власти и ее лидерам — губернаторам. Органы законодательной власти почти не представлены поздравлениями в большинстве регионов, а ее лидеры не имеют персонализированных медиа.

Таким образом, контент-анализ официальных и персонализированных каналов коммуникации администраций регионов показал, что медиа — это эффективный инструмент конструирования общественного мнения. Они предлагают аудитории определенные религиозные праздники в качестве значимых, с одной стороны, но при этом обязательно учитывают культурный контекст, в котором большую роль имеют именно православные праздники Пасха и Рождество. Важны также личные страницы руководителей регионов. Здесь появляются поздравления с религиозными праздниками, и таким образом они выступают в качестве лидеров мнений и транслируют через свои страницы в социальных сетях определенное отношение к разным религиозным организациям.

Теперь рассмотрим данные интервью с экспертами регионов Северо-Запада. Прежде всего, их просили оценить уровень благополучия в разных сферах жизни в своем регионе по шкале от 1 до 7, где 7 — это максимальный уровень благополучия, затем просили подробно объяснить свои оценки. Несмотря на то что Санкт-Петербург является полиэтничным и поликонфессиональным городом с весьма благополучной экономической сферой (значение индекса благополучия экономической сферы составляет 4,8, тогда как в целом по России этот индекс составляет лишь 4,2), эксперты весьма скептически в оценке благополучия религиозной сферы жизни общества, значение индекса здесь ниже, чем в целом по России и составляет 4,8 балла, тогда как в целом по России этот индекс равен 5 баллам.

«В религиозной сфере в Петербурге у нас хуже, чем в России, это вопрос отношения власти. И даже по сравнению с Москвой у нас хуже. У нас в Петербурге присутствуют лишь внешне благополучные формальные отношения» (И. 19).

Также тревогу экспертов вызывает и политическая ситуация в Санкт-Петербурге, значение индекса благополучия этой сферы жизни социума также ниже, чем в среднем по России и составляет 4,4 балла.

Индексы экономического и социального благополучия Ленинградской области также высоки (4,8 и 5,2 соответственно) и здесь можно говорить о влиянии Санкт-Петербурга как инвестиционного и экономического центра. В таких хороших экономических, социальных, политических условиях высок уровень благополучия и религиозной сферы, индекс здесь равен 5,4 балла, это выше, чем в целом по России.

Для Архангельской области эксперты отметили такую важную проблему, как отрицательная миграция, когда молодые, образованные жители стремятся покинуть регион, остаются лишь представители старшего поколения.

«Развитие отдельных областей и населенных пунктов в Архангельской области может значительно отличаться, например, есть большой и экономически развитый город Мирный и есть у нас в епархии небольшая деревенька, где осталось лишь 10 бабушек» (И. 3).

В целом в остальных регионах ситуация схожая с Архангельском, но каждый из регионов имеет свою специфику и своеобразие. Так, в Псковской области индекс благополучия религиозной сферы жизни общества еще выше, чем в Архангельской области и составляет 5,6 балла. А индекс благополучия экономической сферы также низок и составляет 3,2 балла. Причем необходимо отметить, что в Псковской области эксперты положительно оценивают политическую сферу, не усматривая здесь значимых конфликтов и противоречий. В Новгородской области показатели экономического и социального благополучия несколько выше и составляют 3,6 и 3,4 балла соответственно.

Эксперты владеют ситуацией по всем религиям, кроме буддизма, где зачастую выбор такого ответа был обусловлен недостаточной осведомленностью по теме. Единственная религия, рост прихожан которой эксперты отметили с явным количественным отрывом, — это ислам. Это, безусловно, отражает общемировую тенденцию роста числа прихожан именно этой религии. В тех регионах, которые попали в нашу выборку, рост числа прихожан в исламе был вызван ростом численности приезжающих мигрантов.

В принципе, именно религиозная ситуация в регионах устойчива, остальные сферы жизни, такие как экономическая, социальная и политическая, такой стабильностью не отличаются и потому высоких баллов экспертной оценки не набрали. Такое положение обеспечивается готовностью к диалогу, о которой заявили все эксперты (и представители религиозных организаций, и общественники и представители власти).

Если дополнительно анализировать роль медиа в диалоге между религиями и государством, то здесь она неоднозначна. Если в Санкт-Петербурге и Ленинградской области религиозные организации действительно практически не контролируют СМИ и не могут противостоять потоку нелестной информации в свой адрес, то в регионах представители религиозных организаций (преимущественно православия, ислама и протестантизма) пытаются взаимодействовать со СМИ и зачастую это происходит вполне успешно.

Например, эксперт из Санкт-Петербурга отмечает, что *«отношения со средствами массовой информации — это отдельная больная тема. Очень высок уровень неграмотности журналистов, погоня за сенсацией и жареными фактами» (И. 13).*

Напротив, информант из Архангельской области подчеркивает, что *«в Архангельской области в отличие от Петербурга и Москвы отношения со СМИ конструктивные, возможно это связано с не такой насыщенной повесткой дня и поэтому готовностью идти на сотрудничество» (3).* Также это можно объяснить и феноменом социальной ответственности журналиста перед обществом в малых городах и регионах, и, соответственно, отсутствие таковой и превалирующую погоню за сенсацией и хайпом в крупном мегаполисе.

Обсуждение

Перейдем к обсуждению основных итогов исследования. Данные интервью позволяют рассматривать религиозную сферу жизни в каждом из регионов как самую благополучную, причем уровень благополучия в этой сфере не связан напрямую с уровнем экономического и социального благополучия. Петербург является лидером по уровню экономического развития, но при этом уровень благополучия религиозной сферы оценивается экспертами весьма низко, а в таких регионах, как Архангельская область, Новгородская область и Псковская область, индекс экономического благополучия значительно ниже, но при этом благополучие религиозной сферы здесь, по мнению экспертов, выше:

«В религиозной сфере в Петербурге у нас хуже, чем в России, это вопрос отношения власти. И даже по сравнению с Москвой у нас хуже. У нас в Петербурге присутствуют лишь внешне благополучные формальные отношения» (И. 6).

Особое место среди исследуемых регионов занимает Ленинградская область, здесь самые высокие значения индексов экономического и социального благополучия и также благополучия религиозной сферы. Успешное политическое управление, хорошее, относительно других регионов, экономическое состояние, дополняется высокой значимостью и востребованностью религии, в особенности православия.

«Очень грамотную политику выбрал губернатор ЛО, разделив на зоны ЛО в период пандемии, этим он снял политическое напряжение, которое возникло в регионе. Дали возможность гибко принимать решения в том числе в религиозной сфере» (И. 5).

Если рассматривать влияние медиа на государственно-конфессиональный диалог, то во многом оно обусловлено региональной спецификой и насыщенностью повестки дня в регионах. Это показали и данные контент-анализа, и результаты интервью. В Архангельской области медиа настроены на конструктивное взаимодействие с религиозными организациями, тогда как в Петербурге и Ленинградской области преобладает отрицательное отношение в медиа к ним. Во многом это зависит и от личной позиции глав регионов. Если они выступают на стороне разумного диалога, и транслируют эту установку через персональные каналы коммуникации в социальных сетях, то и медиа занимают более конструктивную позицию.

По мнению экспертов, лучше всего выстроили взаимодействие с органами государственной власти и медиа ислам и православие. Также здесь преуспели протестанты, которые, как отмечают эксперты, уверенно завоевывают умы молодежи, предоставляя в церквях и питание, и досуг и, конечно же, моральную поддержку. Буддизм является наиболее закрытой религией, зачастую эксперты терялись в оценке числа прихожан, уровне коммуникации с властью и другими религиями, подчеркивая, что они «сами по себе». Это может быть связано не с реальной представленностью буддизма в регионах, а с ориентированностью буддийских религиозных организаций, общин на взаимодействие не с государством, а именно с обществом, определенными аудиториями. Такой вывод косвенно подтверждается данными социологических исследований буддийских сообществ в социальных сетях [2].

Иудаизм занимает устойчивую позицию, 20 экспертов единодушно отметили, что число прихожан в иудаизме остается неизменным, да и отношения с органами власти и СМИ они выстраивают достаточно умело. В уверенной оценке этой религии эксперты были практически единодушны. Иудаизм, таким образом, сохраняет свою нишу в обществе и хотя и проявляет более низкую активность, чем православие, ислам и протестантизм, тем не менее, является уверенным и постоянным актором во взаимодействии с обществом и властью.

Заключение

В заключение отметим основные тенденции, которые выявило исследование, представленное в этой статье, и то, насколько они коррелируют с результатами других исследований.

Влияние на восприятие отношений между государством и религиозными организациями оказывает медиатизация, и цифровизация в них самих. Религиозные организации начинают следовать принципу омниканальности в выстраивании диалога с аудиторией. Этот принцип омниканальности недостаточно представлен в органах государственной власти. Омниканальность — это объединение коммуникационных каналов вокруг пользователя, особая стратегия, изначально имевшая маркетинговую природу, позволяющая комплексно воздействовать на клиента, потребителя, пользователя [14; 17]. Но принцип омниканальности в условиях растущего объема информации и умножения каналов ее передачи формируется и в социуме. Теперь слушатель, читатель, зритель предпочитает получать информацию из множества источников, это может быть и телевидение, и радио, и печатные СМИ, и лента новостей в браузере и Youtube-каналы и Телеграм-каналы, блоги, личные страницы значимых акторов и многое другое.

Л. С. Астахова и Я. В. Бухараев отмечают, что «православный контент из вспомогательного средства в духовной жизни становится для многих людей основным или даже вообще единственным» [1, с. 46]. Эти процессы влияют на саму религиозность, в которой менее значимым становится взаимодействие со священником и другими верующими. Н. Н. Емельянов объясняет развитие такой формы религиозности редким посещением причастия и ограниченностью религиозного предложения [8]. Таким образом, медиатизация и цифровизация лишь закрепляют эту тенденцию, связанную с ограниченностью религиозного предложения. Подобное развитие необходимо и органам государственной власти для объективного и исчерпывающего освещения своей деятельности, в том числе в сфере диалога с религиозными организациями. При их развитии не будет оснований для формирования мифов и стереотипов в общественном мнении о «сращивании церкви и государства».

Измерение благополучия в религиозной сфере играет важную роль при принятии управленческих решений, так как многочисленные отечественные и зарубежные исследования показывают, что степень удовлетворенности жизнью выше среди сильной группы верующих, чем среди слабой группы верующих [6]. Результаты интервью убедительно доказывают, что благополучие в религиозной сфере не связано напрямую с уровнем экономического и социального благополучия в регионе. Но есть проблемы, которые непосредственно влияют на благополучие, в том числе в религиозной сфере. Например, миграционный отток населения из региона ведет к сокращению численности приходов в Архангельской области.

При выработке управленческих решений в сфере государственно-конфессиональных отношений представителям власти необходимо не просто учитывать влияние медиа, а активно использовать их ресурсы для информирования населения и трансляции знаний об основных конфессиях. Эту роль также подчеркивают С. Д. Лебедев и В. А. Складарова в своем исследовании о социальном запросе на знание о религии: «в части трансляции знаний о религии экспертами подчеркивается определяющая функциональная роль культуры и массовых коммуникаций» [10, с. 34].

Литература

1. Астахова Л. С., Бухараев Я. В. Стратегии воцерковления в современном российском обществе: между социологией и теологией. Традиционные религии за сильную Россию: религия и политика в многополярном мире: коллективная монография. СПб. : Центр этно-религиозных исследований: Любавич, 2019. С. 23–50.

2. *Бадмацыренов Т. Б., Скворцов М. В., Хандаров Ф. В.* Буддийские цифровые практики трансцендентности: VK-сообщество «Хамбо Лама Даши-ДоржоИтйигэлов» // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 309–332.
3. *Бурдье П.* О телевидении и журналистике. Москва : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
4. *Гришаева Е. И., Шумкова В. А.* Традиционалистские православные медиа: структура дискурса и особенности функционирования // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 283–300.
5. *Девятко И. Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург, 1998.
6. *Дивисенко К. С., Дивисенко О. В.* Влияние конфессиональной принадлежности и воцерковленности на удовлетворенность жизнью верующих // Вестник СПбГУ. Серия: Социология. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 99–114.
7. *Доброхотова М. А.* Специфика православной медиасферы в России в 1990–2000-е годы на примере печатных периодических изданий // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2014. Вып. 2 (25). С. 134–142.
8. *Емельянов Н. Н.* Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 32–48.
9. *Кубрякова Е. С., Цурикова Л. В.* Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности // Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. М., 2002.
10. *Лебедев С. Д., Склярова В. А.* Социальный запрос на знание о религии в современном российском обществе в оценках экспертов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 2. С. 25–36.
11. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.
12. *Островская Е. А.* Российская социология религии: религия общества (вступительная статья приглашенного редактора) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2. С. 1–31.
13. *Островская Е. А.* Медиатизация православия — это возможно? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 300–319.
14. *Пилявская М. М., Гаврилова И. М.* Омниканальность — стратегия реализации товара // Инновационное развитие легкой и текстильной промышленности / сборник материалов Всероссийской научной студенческой конференции. М.: Московский государственный университет дизайна и технологии. 2016. С. 16–18.
15. *Родионова Е. В., Байер Ю. П.* Место спасения или мучения: образ Русской православной церкви в светских СМИ во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 448–469.
16. *Родионова Е. В., Коваленко В. Д.* Восприятие православных медиа студентами Санкт-Петербурга: «потерянное поколение или заблудшие овцы» // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 3 (15). С. 105–119. DOI: 10.24833/2541-8831-2020-3-15-105-119.
17. *Саушкин О.* Омниканальность — технология вчерашнего дня // Информационный портал CNews [Электронный ресурс]. URL: <http://call.cnews.ru/articles/> (дата обращения: 18.01.2022).
18. *Семенова А. В., Корсунская М. В.* Контент-анализ СМИ: проблемы и опыт применения / под ред. В. А. Мансурова. М. : Институт социологии РАН, 2010. 324 с.
19. *Узланер Д.* Конец проправославного консенсуса: религия как новый раскол в российском обществе // Новое литературное обозрение. 2020. № 3. С. 96–116.
20. *Хруль В. М.* Религия в текстах массовой коммуникации: структурно-семантические, функциональные и этические аспекты : дис. ... д-ра фил. наук. М., 2018. 412 с.
21. *Шахбанова М. М., Верещагина А. В.* Динамика религиозности городского населения Дагестана // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 2. С. 144–180. DOI: 10.31119/jssa.2021.24.2.6.
22. *Couldry N., Hepp A.* The Mediated Construction of Reality. Polity. 2017.
23. *Hepp A., Hjarvard S. and Lundby K.* (2015) 'Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society' // Media, Culture & Society. 2015. N 37 (2). P. 314–324. DOI: 10.1177/0163443715573835.
24. *Hepp A.* Deep Mediatization (Key Ideas in Media & Cultural Studies). 2020.
25. *Hjarvard S.* The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change // Northern Lights: Film and Media Studies Yearbook. 2008. Vol. 6. N 1. P. 9–26. DOI: 10.1386/nl.6.1.9_1.

Об авторах:

Байер Юлия Паулевна, директор образовательных программ «Социальная работа» и «Социология» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; bayer-yp@ranepa.ru

Коваленко Владимир Дмитриевич, старший преподаватель, директор проекта лаборатории Россиеведения, евразийства и устойчивого развития Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kovalenko-vd@ranepa.ru

Родионова Елизавета Валерьевна, доцент кафедры социологии культуры и коммуникации факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук; e.v.rodionova@spbu.ru

Сюндюков Никита Кириллович, старший преподаватель, директор проекта лаборатории Россиеведения, евразийства и устойчивого развития СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); syundyukov-nk@ranepa.ru

References

1. Astakhova L. S., Bukharaev Y.V. Strategies for church in modern Russian society: between sociology and theology. Traditional religions for a strong Russia: religion and politics in a multipolar world: a collective monograph. St. Petersburg: Center for Ethno-Religious Studies: Lyubavich, 2019. P. 23–50 (in Rus).
2. Badmatsyrenov T. B., Skvortsov M. V., Khandarov F. V. Buddhist digital practices of transcendence: VK-community “Hambo Lama Dashi-Dorjo Itigelov” // Monitoring of public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2018. N 2. P. 309–332 (in Rus).
3. Bourdieu P. On television and journalism. Moscow: Foundation for Scientific Research “Pragmatics of Culture”, Institute of Experimental Sociology, 2002. 160 p. (in Rus).
4. Grishaeva E. I., Shumkova V. A. Traditionalist Orthodox media: structure of discourse and peculiarities of functioning // Monitoring of public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2018. N 2. P. 283–300 (in Rus).
5. Devyatko I. F. Methods of sociological research. Yekaterinburg, 1998. (in Rus).
6. Divisenko K. S., Divisenko O. V. The influence of confessional affiliation and churchiness on satisfaction with the life of believers // Bulletin of St. Petersburg State University. Series: Sociology [Vestnik SPbGU. Seriya: Sotsiologiya]. 2017 Vol. 10. N 1. P. 99–114 (in Rus).
7. Dobrokhotova M. A. Specifics of the Orthodox media sphere in Russia in the 1990–2000s on the example of printed periodicals // Bulletin of Perm University. Series: History [Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya]. 2014. N 2 (25) P. 134–142 (in Rus).
8. Emelyanov N. N. The paradox of religiosity: where do believers come from? // Monitoring of public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2018. N 2. P. 32–48 (in Rus).
9. Kubryakova E. S., Tsurikova L. V. Verbal media activity as a special type of discursive activity // Language of the media / edited by M. N. Volodina M., 2002. (in Rus).
10. Lebedev S. D., Sklyarova V. A. Social request for knowledge about religion in modern Russian society in expert assessments // Scientific result. Sociology and governance [Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie]. 2019. Vol. 5, N 2. P. 25–36 (in Rus).
11. Noel-Neumann E. Public opinion. Opening a spiral of silence. M., 1996. (in Rus).
12. Ostrovskaya E. A. Russian sociology of religion: religion of society (introductory article by a guest editor) // Monitoring of public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2018. N 2. P. 1–31 (in Rus).
13. Ostrovskaya E. A. Mediatization of Orthodoxy is possible? // Monitoring of public opinion: Economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2019. N 5. P. 300–319 (in Rus).
14. Pilyavskaya M. M., Gavrilova I. M. Omnikanality — strategy for the sale of goods // Innovative development of the light and textile industry / collection of materials of the Russian Scientific Student Conference. M.: Moscow State University of Design and Technology. 2016. P. 16–18 (in Rus).
15. Rodionova E. V., Bayer Yu. P. Place of salvation or torment: the image of the Russian Orthodox Church in secular media during the COVID-19 pandemic // Monitoring public opinion: economic and social changes [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]. 2020. N 6. P. 448–469 (in Rus).

16. Rodionova E. V., Kovalenko V. D. Perception of Orthodox media by students of St. Petersburg: “a lost generation or lost sheep” // *Concept: philosophy, religion, culture* [Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura]. 2020. Vol. 4. N 3(15). P. 105–119. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-105-119> (in Rus).
17. Saushkin O. Omnikanality — yesterday's technology [Electronic resource] // Information portal CNews. URL: <http://call.cnews.ru/articles/> (in Rus).
18. Semenova A. V., Korsunskaya M. V. Content analysis of the media: problems and experience of application / editor V. A. Mansurova. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2010. 324 p. (in Rus).
19. Uzlaner D. The end of the pro-Orthodox consensus: religion as a new split in Russian society // *New literary review* [Novoe literaturnoe obozrenie]. 2020. N 3. P. 96–116 (in Rus).
20. Khrul V. M. Religion in the texts of mass communication: structural-semantic, functional and ethical aspects: doctoral dissertation. Moscow, 2018. 412 p. (in Rus).
21. Shakhbanova M. M., Vereshchagina A. V. Dynamics of the religiosity of the urban population of Dagestan // *Journal of Sociology and Social Anthropology* [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2021. N 2. P. 144–180. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.6> (in Rus).
22. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Polity. 2017.
23. Hepp A., Hjarvard S. and Lundby K. (2015) ‘Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society’ // *Media, Culture & Society*. 2015. N 37 (2). P. 314–324. DOI: 10.1177/0163443715573835.
24. Hepp A. *Deep Mediatization (Key Ideas in Media & Cultural Studies)*. 2020.
25. Hjarvard S. The mediatization of religion: a theory of the media as agents of religious change // *Northern Lights: Film and Media Studies Yearbook*. 2008. Vol. 6. N 1. P. 9–26. DOI: 10.1386/nl.6.1.9_1.

About the authors:

Julia P. Bayer, Head of “Sociology” and “Social work” programmes of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology; bayer-yp@ranepa.ru

Vladimir D. Kovalenko, Senior Lecturer, Project Director of the Laboratory of Russian Studies, Eurasianism and Sustainable Development of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); kovalenko-vd@ranepa.ru

Elizaveta V. Rodionova, Associate Professor, Department of Sociology of Culture and Communication, Department of Sociology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences; e.v.rodionova@spbu.ru

Nikita K. Syundyukov, Senior Lecturer, Project Director of the Laboratory of Russian Studies, Eurasianism and Sustainable Development of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); syundyukov-nk@ranepa.ru

Государственная поддержка семей с детьми в период пандемии COVID-19 в России и за рубежом

Цинченко Г. М., Орлова И. С.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *orlova-is@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. В статье проанализированы меры государственной поддержки семей с детьми в период пандемии COVID-19, оказываемые в России и за рубежом. Целью исследования являлось изучение мнения семей с детьми о государственной социальной поддержке во время пандемии.

Методы. В исследовании использован комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, обобщение, сравнение, системно-функциональный и комплексный подход. В рамках заявленной темы осуществлена систематизация мер поддержки семей с детьми в кризис, вызванный пандемией в разных странах. Помимо анализа статистических данных и научной литературы было проведено социологическое исследование в форме интернет-опросов семей с детьми. Опросы проведены в период с июня 2019 г. по март 2020 г. и с ноября 2020 г. по декабрь 2020 г. (общая выборка — 140 семей).

Теоретическая и практическая значимость представленного исследования состоит в том, что оно может стать основой для дальнейшего изучения мер государственной поддержки семей с детьми в кризисные периоды. Проведенный анализ актуализирует значимость для практики международного опыта мер социальной поддержки семей с детьми.

Результаты и выводы. Представленные в статье результаты исследования показали, что российские семьи считают недостаточными меры государственной поддержки в экономическом плане с учетом действующих выплат. Исследование представляет практическую значимость для разработки и осуществления мер поддержки семей с детьми государственными и общественными организациями, что позволит не допустить ухудшения материального положения семей.

Ключевые слова: дети, пандемия, COVID-19, государственная социальная поддержка, самоизоляция

Для цитирования: Цинченко Г. М., Орлова И. С. Государственная поддержка семей с детьми в период пандемии COVID-19 в России и за рубежом // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 161–168.

State Support for Families with Children during the COVID-19 Pandemic in Russia and Abroad

Galina M. Tsinchenko, Inna S. Orlova*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *orlova-is@ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose and objectives. The article analyzes the state support for families with children during the COVID-19 pandemic in Russia and abroad. The purpose of the study was to study the opinion of families with children about state social support during the pandemic.

Methods. The study uses a set of general scientific methods, such as analysis, synthesis, generalization, comparison, system-functional and integrated approach. Within the framework

of the stated topic, systematization of measures to support families with children in the crisis caused by the pandemic in different countries was carried out. In addition to the analysis of statistical data and scientific literature, a sociological study was conducted in the form of online surveys of families with children. Surveys were conducted in the period from June 2019 to March 2020 and from November 2020 to December 2020 (the total sample is 140 families).

The theoretical and practical significance of the presented study is that it can become the basis for further study of measures of state support for families with children in crisis periods. The analysis actualizes the importance for the practice of international experience of measures of social support for families with children.

Results and conclusions. The article analyzes the state support for families with children during the COVID-19 pandemic in Russia and abroad. The study is of practical importance for the development and implementation of measures to support families with children by state and public organizations, which will prevent the deterioration of the financial situation of families.

Keywords: children, pandemic, COVID-19, state social support, self-isolation

For citing: Tsinchenko G. M., Orlova I. S. State Support for Families with Children during the COVID-19 Pandemic in Russia and Abroad // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 161–168.

Пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 оказала влияние на все сферы жизнедеятельности людей в мультикультурном пространстве. Резкая остановка деловой деятельности, замедление темпов роста мировой экономики потребовали от правительств практически всех стран экстренно разработать меры поддержки доходов и занятости населения. Привычная жизнь людей претерпела глобальные изменения: снизились контакты с окружающими людьми, появились ограничения в перемещении как внутри стран, так и между странами, многие государства закрыли свои границы, повсеместно были введены средства индивидуальной защиты, произошел перевод на удаленный режим работы или учебы. Ухудшение экономического положения, боязнь потерять работу, переживание за состояние своего здоровья и здоровья родных и близких, неспособность к качественному анализу информации, связанной с коронавирусом, — все это вызывало у населения ощущение неопределенности будущего [11, с. 18]. К июню 2020 г. в 190 странах мира более 1 млрд чел. получили помощь от государства благодаря разработке новых или обновления действующих программ помощи населению и бизнесу. Пакет мер государственной поддержки содержал льготное кредитование, снижение налоговой нагрузки на бизнес, налоговые каникулы, субсидирование заработной платы и малого бизнеса. Многие страны использовали путь замещения утраченных доходов и поддержку потребительского спроса населения. Антипандемийные планы большинства стран ориентировались на три основных направления:

- 1) предоставление всем гражданам одноразовых денежных выплат для стимулирования потребительского спроса;
- 2) поддержка безработных, семей с детьми, пенсионеров и других наиболее уязвимых категорий населения;
- 3) поддержка доходов населения субсидированием заработной платы.

Правительство США сконцентрировало внимание на поддержке безработных и других уязвимых групп населения, а страны Западной Европы, в основном, субсидировали заработную плату и производили одноразовые выплаты для стимулирования потребительского спроса. Россия преимущественно сосредоточилась на материальной поддержке семей с детьми. Субсидирование заработной платы также имело место, но было минимальным.

Во многих странах мира поддержка населения включала занятость, бизнес социальные и экономические меры, направленные на сохранение и поддержку здоровья. Меры поддержки осуществлялись во взаимодействии федеральных и регио-

нальных властей. В ряде государств были реализованы уникальные меры поддержки в период пандемии, как показал анализ социальной политики зарубежных стран. Например, в Китае правительство поддержало развитие цифровых платформ для профессионального обучения, увеличило бюджетное финансирование профессионального переобучения и т. д. В Германии в пандемию правительство поддержало доходы семей, имеющих детей в возрасте до 12 лет, которые из-за закрытия детских садов и школ не смогли выйти на работу. Была реализована программа по базовой поддержке, с включением в законодательство новой нормы, предусматривающей выплату родителям. В Бельгии был введен внеочередной оплачиваемый отпуск родителям по уходу за ребенком в возрасте до 12 лет, чтобы они могли иметь возможность осуществлять уход за детьми и совмещать удаленную работу. Неполным семьям и семьям с ребенком-инвалидом выплаты были увеличены в полтора раза. В Австралии правительство профинансировало услуги нуждающимся в уходе за детьми семьям [9].

По оценке экспертов, поддержка в зарубежных странах предусматривала комплексное решение задач по сохранению бизнеса и поддержке занятости, охрану здоровья населения и социальную защиту за счет взаимодействия центральных и региональных правительств, носила чрезвычайный характер, оказывала прямую и косвенную поддержку граждан. Пандемийная ситуация с точки зрения сохранения работы, финансового благополучия семьи полна неопределенности, потребовала новых навыков переключения между публичным и приватным режимами взаимодействия [1].

Правительство России приняло пакет мер поддержки, чтобы снизить остроту проблем в семьях вследствие пандемии коронавирусной инфекции, в основном направленные на поддержку разных категорий семей, имеющих несовершеннолетних детей. Так, в 2020 г. семьям, имеющим детей в возрасте от 3 до 16 лет, были произведены выплаты на каждого ребенка по 10 тыс. рублей. Семьям с малолетними детьми (от 0 до 3-х лет) были произведены выплаты в течение трех месяцев по 3 тыс. руб. на каждого ребенка. В случае потери работы родителям, имеющим детей от 16 до 18 лет, с апреля по сентябрь дополнительно выплачивались по 3 тыс. руб. на каждого ребенка. Дополнительно в середине 2020 г. была введена единовременная выплата в 10 тыс. руб. на детей до 16 лет [8, с. 42]. Однако дифференциация выплат на детей от 3 до 16 лет и на детей в возрасте от 16 до 18 лет вызвала среди семей социальную напряженность, особенно среди многодетных. На открытой интернет-платформе «Change.org» была создана петиция с требованием выплатить единовременно 10 тыс. руб. семьям с детьми от 16 до 18 лет, адресованная Правительству России. Ее подписали более 150 тыс. чел. В 2021 г., перед началом нового учебного года, семьям с детьми-школьниками и семьям с детьми, которые должны были пойти в первый класс 1 сентября 2021 г., единовременно выплатили по 10 тыс. руб. на ребенка. В субъектах Российской Федерации были приняты дополнительные меры поддержки населения в условиях ограниченных финансовых возможностей. Денежная помощь предоставлялась в ряде регионов по следующим направлениям:

1. Для снижения неравенства в пособиях по безработице, чтобы не было большого разрыва между минимальным и максимальным размерами, были увеличены выплаты детям, родители которых оказались безработными. Так, в Краснодарском крае назначалась выплата по 3 тыс. рублей на каждого ребенка, если родитель, оставшийся без работы, получал минимальное пособие по безработице. В Липецкой области, в семьях, в которых родители находились в вынужденном отпуске без содержания из-за противоэпидемических мероприятий, получали на семью 12 130 руб.
2. В регионах производилась единовременная выплата из средств регионального материнского капитала. Так, в Ямало-Ненецком автономном округе выплаты со-

ставили 30 тыс. руб., а в Псковской области и Чувашской Республике — 20 тыс. руб.

3. Осуществлялась материальная поддержка уязвимых групп населения. В Свердловской области семьям с детьми-инвалидами, многодетным семьям, малоимущим семьям с детьми в возрасте от 1 года до 18 лет было выплачено по 5 тыс. руб. на каждого ребенка. В Краснодарском крае многодетным семьям ежемесячно выплачивалось 2 тыс. руб. на ребенка. Эти меры также стали материальной компенсацией нуждающимся семьям с детьми. В Удмуртии ежемесячная денежная поддержка оказывалась малоимущим неработающим беременным женщинам в соответствии с размером прожиточного минимума для трудоспособного населения. В Ленинградской области семьям с детьми-инвалидами, многодетным семьям, малоимущим семьям с детьми от 1 года до 18 лет одновременно выплачивали по 3 тыс. руб.
4. Осуществление мер поддержки семьям с детьми, которым не выплачивались федеральные выплаты (например, малообеспеченным семьям с детьми в возрасте от 16 до 18 лет были осуществлены единовременные выплаты). Регионы в период пандемии основные усилия направили на снижение неравенства в доступе к пособиям, которое население воспринимает как несправедливое, и осуществляли меры поддержки, показавшие высокую эффективность в предыдущие кризисы [7]. Например, в Крыму 10 тыс. руб. единовременно предназначалась каждому ребенку в возрасте от 16 до 18 лет. Это поддержка осуществлялась в целях сглаживания неравенства доступа семей с детьми к федеральным пособиям. В Пермском крае выплата 10,7 тыс. руб. единовременно предоставлялась малоимущим семьям с детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет.

Интересны инициативы, которые способствовали эффективности мер социальной поддержки, не влияя непосредственно на рост доходов малоимущих слоев населения. К таким инициативам относятся:

- 1) увеличение числа мероприятий социальной адаптации получателям государственной социальной помощи на основании социального контракта. Был расширен спектр положений для получения материальной помощи на основании социального контракта различным группам населения, в том числе малоимущим семьям;
- 2) введение нового порядка «прямых выплат» из Фонда социального страхования по больничным листам и пособиям гражданам, имеющим детей, способствовало устранению задержки выплат;
- 3) перечисление выплат населению на основе предоставления поддержки в беззаявительном порядке через Единую государственную информационную систему социального обеспечения;
- 4) реализация технологии электронного сертификата увеличила доступность обеспечения граждан техническими средствами реабилитации и другими мерами социальной поддержки.

В условиях пандемии COVID-19 семьи в России столкнулись в период вынужденной изоляции со снижением или отсутствием дохода у родителей; необходимостью обеспечения персональным компьютером или смартфоном каждого ребенка для дистанционного обучения; обеспечения стабильного и высокоскоростного интернет-соединения для обучения детей школьного возраста [3]. Многие семьи оказались необеспеченными компьютерной техникой. Так, в Санкт-Петербурге на начало перехода на дистант около 17 тыс. школьников не имели необходимой техники [2, с. 128]. Многие семьи были вынуждены взять кредит или деньги в долг. Не у всех семей имелись ресурсы, необходимые для быстрого перехода к дистанционной работе или учебе, что вызвало обострение проблем совмещения работы родителей и учебы детей в дистанционном формате. Перевод школьников на дистант поставил

вопрос по организации питания детям из разных категорий семей. Комитет по образованию Санкт-Петербурга для оказания экстренной поддержки семей с апреля 2020 г. своим Распоряжением обязал образовательные учреждения выдавать продуктовые наборы, согласно статуса школьника (ребенок-сирота, младшеклассник, ребенок, имеющий хроническое заболевание, ребенок-инвалид, ребенок из многодетной семьи и др.). Для многодетных семей в продуктовом наборе было больше позиций, он включал в себя продукты: рыбные консервы, подсолнечное масло, гречневую или рисовую крупы, джем, макароны, фруктовый сок, чай, печенье, пряники, молоко, шоколад, сахар и т. д. Однако этих продуктов было недостаточно для обеспечения полноценного здорового питания многодетной семьи.

Для изучения результативности мер государственной поддержки семьям с детьми в Санкт-Петербурге было проведено социологическое исследование в виде интернет-опросов, размещенных на платформе SurveyMonkey. Исследование было проведено в период с июня 2019 по март 2020 г. (приняло участие 100) и с ноября 2020 по декабрь 2020 г. (приняло участие 40 семей) и состояло из двух анонимных опросов, включающих 10 вопросов [9]. Первый опрос был организован с целью анализа качества социальной поддержки семей с детьми в Санкт-Петербурге до пандемии COVID-19. На вопрос о том, знают ли семьи о всех льготах федерального и регионального уровня, положенные семьям с детьми, 49% опрошенных респондентов подтвердили свою осведомленность о возможной поддержке, но отметили, что по разным причинам не получают все положенные им льготы, 34% респондентов ответили, что знают обо всех льготах и пользуются ими, а 17% респондентов заявили, что знают только о льготах федерального уровня. На открытый вопрос о получении ежемесячных денежных выплат от государства отрицательно ответили 28% респондентов. 6% респондентов отметила сумму в 11 тыс. руб. В среднем, судя по ответам респондентов, суммы выплат распределились от 1 до 20 тыс. руб. Исходя из открытых ответов респондентов, оказалось, что средняя выплата семьям Санкт-Петербурга составляет около 11 тыс. руб. Размер выплаты семьям зависит от количества детей в семье и их возраста, наличия статуса малообеспеченной семьи, наличия пенсии у ребенка (например, по инвалидности, по потере кормильца и др.). Очевидно, что размер денежных выплат на семью не покрывают ежемесячные необходимые затраты на детей [9, с. 99].

Самыми эффективными мерами государственной поддержки семей с детьми, по мнению большинства респондентов (74,7%), являются такие виды: бесплатное питание в школе, социальные льготы, бесплатное посещение секций, уменьшение затрат на услуги ЖКХ, бесплатные путевки в детские лагеря и др. 50,5% опрошенных отметили значимость в системе социальной поддержки материнского (семейного) капитала. За ним следуют: приобретение ипотечного жилья со снижением стоимости (25,2%), получение земли для строительства дома (23,2%), налоговые льготы (15,1%) и региональный капитал на рождение ребенка (13,1%). С января 2020 г. семьи с двумя детьми, рожденными или усыновленными с 2009 по 2019 г., а также с тремя и более детьми могли получить материнский капитал в размере 483 881 руб. Семьи, в которых третий и последующие дети появились в 2020 г., имеют возможность получить 639 431 руб., если до их появления у них не было права на материнский капитал. В Санкт-Петербурге «Материнский (семейный) капитал» на 2021 г. составлял 165 930 руб. и был направлен на поддержку семей, в которых третий ребенок родился (родится) или был (будет) усыновлен (удочерен) в период с января 2012 г. по декабрь 2026 г.

Исходя из мнения респондентов, органы власти мало информируют их о видах социальной поддержки. Семьи предлагают создать единую систему или сайт по информированию о мерах социальной поддержки семей с детьми, с представлением информации на едином ресурсе. Нужно распространять информацию не

только через социальные сети, но и через тематические буклеты в государственных учреждениях, где чаще всего бывают семьи с детьми (многофункциональные центры, поликлиники, образовательные учреждения, центры помощи семье и детям и т. д.), социальную рекламу [9, с. 100].

Второй опрос был посвящен анализу оказания мер социальной поддержки семьям с детьми в период пандемии COVID-19. Выплаты на детей (до 16 лет) получили 85% опрошенных. При оформлении заявлений на выплату у 87,5% семей не возникало проблем, но 12,5% имели сложности, связанные с Единым порталом государственных услуг (отсутствие у семьи возможности воспользоваться порталом для оформления заявления, долгая процедура оформления заявления; технические сложности оформления заявления; большое количество позиций для заполнения заявления) [9, с. 101]. В действительности нагрузка из-за одновременно большого количества пользователей привела к тому, что Единый портал государственных услуг сначала замедлил работу, а после объявления о возможности получения выплат семьям с детьми Президентом России В. В. Путиным перестал работать. Это сделало невозможным получение услуг не только семьям с детьми, но и гражданам других категорий.

Проведенное исследование показало, что во время пандемии семьи столкнулись с рядом проблем, с которыми семьи с детьми самостоятельно не могли справиться [4]. В целом социальной поддержки семей с детьми государством предоставлено было недостаточно. Исследования уровня жизни населения показывают, что в период пандемии произошел рост уровня бедности всех типов семей, снижение доходов из-за ухудшения ситуации с занятостью. Доля бедных среди семей с детьми, увеличилась с 12,5 до 20% и достигала в зависимости от возраста детей 31–35% [10]. Оценивая компенсационные меры, предпринимаемые правительством России и региональными властями, можно констатировать, что несомненно меры социальной поддержки способствовали снижению уровня бедности семей с детьми но он все же оказался существенно выше уровня, имевшего место до пандемии. Новые меры социальной поддержки, носящие компенсационный характер выпадающих доходов, не смогли приблизить семьи с детьми к докризисному уровню жизни. В этой связи Правительство Российской Федерации в 2021 г. предусмотрело семьям со среднедушевым доходом меньше половины величины прожиточного минимума на душу населения в субъекте России увеличение ежемесячной выплаты на детей в возрасте от 3 до 7 лет в два раза, для частичного восстановительного роста доходов этого типа семей.

На наш взгляд, в России, исходя из международного опыта, на время вынужденной самоизоляции можно было бы ввести дополнительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 12 лет, что позволило бы родителям на время закрытия детских садов и школ находиться дома с детьми, помочь им организовать дистанционное обучение, сохраняя при этом свое рабочее место и получая материальную поддержку [5], необходимо было увеличить суммы выплат разным категориям нуждающихся семей с детьми. Достойная государственная поддержка всем семьям с детьми создает уверенность в будущем, уверенность в помощи государства даже в сложное кризисное время.

Литература

1. Голубева Н. В., Иванов Д. В., Троицкий М. С. Панические расстройства во внутрисемейных отношениях как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы) // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2020. № 2. С. 32–37 DOI: 10.24411/2075-4094-2020-16629.
2. Данилова Л. Н. COVID-19 как фактор развития образования: перспективы цифровизации и дистанционного обучения // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (68). С. 124–135.

3. *Ивченкова М. А.* К вопросу о влиянии режима самоизоляции в условиях пандемии на обострение супружеских конфликтов // Теория и практика общественного развития. 2020. № 12 (154). С. 38–41.
4. *Козлов В. В.* Динамика психологического содержания кризиса пандемии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Психология. 2020. Т. 34. С. 40–57.
5. *Кулькова И. А.* Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. № 1. С. 1–10.
6. *Мостицкая Н. Д.* Праздничное и повседневное в условиях самоизоляции (на материале группы «Изоизоляция» в Facebook) // Художественная культура. 2020. № 3. С. 128–143.
7. *Опекина Т. П., Шипова Н. С.* Семья в период самоизоляции: стрессы, риски и возможности совладания // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 3. С. 121–128.
8. *Пишняк А. И., Корчагина И. И., Горина Е. А., Тер-Акопов С. А.* Поддержка семей с детьми в условиях пандемии COVID-19 // Аналитический бюллетень НИУ ВШЭ об экономических и социальных последствиях коронавируса в России и в мире. 2020. № 7. С. 41–49.
9. *Романова А. В.* Социальная поддержка многодетных семей в период пандемии COVID-19 // Вопросы управления. 2021. № 4. С. 94–103.
10. *Ростовская Т. К., Толмачев Д. П., Шимановская Я. В.* Роль многопоколенной московской семьи в условиях пандемии COVID-19: Социологический анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. № 4. С. 394–398.
11. *Силина Е. А., Крюкова Т. Л.* Семья в ситуации стресса самоизоляции: взаимосвязь гендерных установок и копинг-стратегий // Вестник Омского университета. Сер.: Психология. 2021. № 1. С. 18–23.

Об авторах:

Цинченко Галина Михайловна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; tsinchenko-gm@ranepa.ru

Орлова Инна Степановна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат педагогических наук, доцент; orlova-is@ranepa.ru

References

1. Golubeva N. V., Ivanov D. V., Troitsky M. S. Panic disorders in intra-family relationships, as the consequences of exposure to coronavirus infection (literature review) // Bulletin of New Medical Technologies [Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologii]. Electronic edition. 2020. N 2. P. 32–37. URL: <http://www.medtsu.tula.ru/VNMT/Bulletin/E2020-2/1-5.pdf>. DOI: 10.24411/2075-4094-2020-16629 (in Rus).
2. Danilova L. N. COVID-19 as a factor in the development of education: prospects for digitalization and distance learning // Bulletin of Surgut State Pedagogical University [Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. 2020. N 5 (68). P. 124–135 (in Rus).
3. Ivchenkova M. A. On the impact of the self-isolation regime in a pandemic on the aggravation of marital conflicts // Theory and practice of social development [Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya]. 2020. N 12 (154). P. 38–41 (in Rus).
4. Kozlov V. V. Dynamics of the psychological content of the pandemic crisis // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Psikhologiya]. 2020. Vol. 34. P. 40–57 (in Rus).
5. Kulkova I. A. The impact of the coronavirus pandemic on demographic processes in Russia // Human Progress. 2020. N 1. P. 1–10 (in Rus).
6. Mostitskaya N. D. Festive and everyday in self-isolation (based on the material of the Isoizolatsiya group on Facebook) // Art culture [Khudozhestvennaya kul'tura]. 2020. N 3. P. 128–143 (in Rus).
7. Opekina T. P., Shipova N. S. Family during the period of self-isolation: stresses, risks and opportunities for coping // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics [Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika]. 2020. Vol. 26, N 3. P. 121–128 (in Rus).
8. Pishnyak A. I., Korchagina I. I., Gorina E. A., Ter-Akopov S. A. Support for families with children in the context of the COVID-19 pandemic // HSE Analytical Bulletin on the economic and social

- consequences of coronavirus in Russia and in the world [Analiticheskii byulleten' NIU VShE ob ekonomicheskikh i sotsial'nykh posledstviyakh koronavirusa v Rossii i v mire]. 2020. N 7. P. 41–49 (in Rus).
9. Romanova A. V. Social support for large families during the COVID-19 pandemic // Management issues [Voprosy upravleniya]. 2021. N 4. P. 94–103 (in Rus).
 10. Rostovskaya T. K., Tolmachev D. P., Shimanovskaya Ya. V. The role of a multi-generalized Moscow family in the context of the COVID-19 pandemic: Sociological analysis // Izvestia of Saratov University. New series. Series: Sociology. Political science [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya]. 2020. №4. P. 394–398 (in Rus).
 11. Silina E. A., Kryukova T. L. Family in a situation of stress of self-isolation: the relationship of gender attitudes and coping strategies // Bulletin of the University of Omsk. Series: Psychology [Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Psikhologiya]. 2021. N 1. P. 18–23 (in Rus).

About the authors:

Galina M. Tsinchenko, Associate Professor the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology, Associate Professor; tsinchenko-gm@ranepa.ru

Inna S. Orlova, Associate Professor the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Pedagogy, Associate Professor; orlova-is@ranepa.ru

Финансовое и инвестиционное обеспечение инновационной деятельности нефтегазового комплекса России

Семкова Д. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; d.ci95@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность вопросов финансового и инвестиционного обеспечения инновационной деятельности нефтегазового комплекса как в России, так и в зарубежных странах обусловлена специфическими особенностями комплекса, имеющего важное экономическое значение. В статье рассмотрен мировой опыт реализации механизма ГЧП и венчурного финансирования, а также изучена отечественная практика применения данных способов привлечения средств частных инвесторов. Выявлена проблема реализации ГЧП, которая заключается в несовершенстве государственных механизмов, позволяющих инвесторам гарантированно получать вложенные средства, а также выявлена проблема недостаточного развития венчурного финансирования в нефтегазовом комплексе, обусловленная необходимостью разработки и освоения трудноизвлекаемых запасов нефти, что предполагает масштабные инвестиции. Предложены возможные решения выявленных проблем — совершенствование механизмов долгосрочного инвестирования и реализация нефтегазовыми компаниями механизма соинвестирования в венчурные фонды.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, венчурное финансирование, венчурный фонд, нефтегазовый комплекс

Для цитирования: Семкова Д. Н. Финансовое и инвестиционное обеспечение инновационной деятельности нефтегазового комплекса России // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 169–183.

Financial and Investment Ensuring Innovation Activities of the Oil and Gas Industry in Russia

Dariya N. Semkova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; d.ci95@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the issues of financial and investment support of innovation activities of the oil and gas industry both in Russia and in foreign countries is due to the specific features of the industry. The article considers the global experience in the implementation of PPP mechanism and venture capital financing, and studied the Russian practice of applying these methods of attracting funds from private investors. The problem of the implementation of PPP, which is imperfect state mechanisms that allow investors to guarantee the invested funds, and also revealed the problem of venture capital insufficient financing in the oil and gas industry, due to the need to develop and exploit hard-to-recover oil reserves, which involves large-scale investment. Possible solutions to the identified problems are proposed — the improvement of long-term investment mechanisms and the implementation of oil and gas companies' co-investment mechanism in venture capital funds.

Keywords: public-private partnership, venture financing, venture fund, oil-and-gas industry.

For citing: Semkova D. N. Financial and investment ensuring innovation activities of the oil and gas industry in Russia// Administrative consulting. 2022. N 6. P. 169–183.

Введение

Нефтегазовый комплекс России является одним из самых крупных и активно функционирующих производственных комплексов страны, доля которого в ВВП составляет в зависимости от уровня цен 17–21%.

В нашей стране имеются значительные запасы нефти и газа, в том числе нетрадиционная нефть (сланцевая, тяжелая, битуминозная и высоковязкие нефти), что дает гарантию стабильности функционирования экономики и ее энергетической безопасности. Однако для реализации значительного нефтегазового потенциала России особое внимание следует уделять совершенствованию процессов нефтепереработки, технологий добычи, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению нефтеотдачи как одного из ключевых показателей эффективности деятельности компаний нефтегазового сектора [8; 9].

В то же время, на результаты инновационной деятельности предприятий отрасли значительное негативное влияние оказало санкционное давление. Так, санкции против нефтегазового комплекса касались поставок оборудования для разработки трудноизвлекаемых запасов (ТРИЗ) нефти и глубоководных месторождений, в том числе финансирования таких проектов и участия в них компаний Западной Европы и США [13]. В настоящее время уровень износа нефтегазового оборудования составляет от 34,1 до 53,2%, а более 65% буровых установок старше 20–25 лет, что негативно сказывается на экономических результатах производственно-хозяйственной деятельности предприятий. Зависимость от зарубежных технологий и недостаточный уровень развития инновационной инфраструктуры способствовали возникновению проблем инновационного развития российского нефтегазового комплекса.

В современных условиях функционирования нефтегазового комплекса страны особое значение имеют вопросы финансирования инновационной деятельности российских нефтегазовых компаний; необходимо привлекать инвестиции для разработки как крупномасштабных высокорисковых проектов, направленных на освоение новых месторождений, так и для целей обновления основных производственных фондов.

В данном контексте необходимо отметить, что для поддержки инновационной деятельности нефтегазовых компаний в России реализуются соответствующие меры государственной поддержки. Так, в начале 2020 г. был разработан и внедрен комплекс стимулирующих мер, направленных на разработку нефтегазовых проектов в Арктике. Данный пакет мер предусматривает льготы по НДС для четвертой категории новых морских месторождений: 5% для нефти и 1% для газа в течение 15 лет промышленной добычи. Была установлена нулевая ставка НДС на газ, используемый для производства сжиженного природного газа (СПГ) или для нефтехимии. Кроме того, применяется ускоренная амортизация основных фондов предприятий (работающих, преимущественно, в Арктике), предоставляются субсидии на реализацию особо важных программ. Согласно российскому законодательству, в нефтегазовом секторе, так и в любом секторе экономики, не облагаются налогом НИОКР, которые выполняются за счет государственных средств¹.

Однако современных мер государственной поддержки, стимулирующих инновационное развитие нефтегазовых компаний, недостаточно, необходимо более активное привлечение средств частных инвесторов. Это необходимо по следующим причинам:

- зачастую нефтегазовые компании финансируют собственные средства в завершающие этапы инновационных процессов в ущерб фундаментальным разработкам, поскольку заинтересованы в скорейшем получении прибыли;

¹ Налоги в ТЭК — побеждает молодость [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/743702> (дата обращения: 26.04.2022).

- проекты по освоению и разработке месторождений ТРИЗ связаны со значительными экономическими рисками и необходимостью масштабных инвестиций.

Основываясь на анализе мирового опыта финансирования инновационной деятельности предприятий нефтегазового комплекса, можно выделить наиболее эффективные способы привлечения средств частных инвесторов: государственно-частное партнерство (ГЧП) и венчурное финансирование [2; 4; 10].

Под ГЧП понимается сотрудничество государства и бизнеса, которое предполагает привлечение в экономику средств частных инвесторов с целью реализации научных результатов в конкретном производстве; реализация механизма ГЧП предполагает обязательное распределение рисков между государством и бизнесом [5; 6].

Для обеих сторон можно выделить основные преимущества от участия в проектах ГЧП [1]. Так, для государства таковыми выступают: повышение качества при снижении затрат на реализацию проекта; возможность привлечения инновационных технологий и дополнительного финансирования; повышение эффективности эксплуатации объектов. В свою очередь для бизнеса участие в ГЧП дает такие преимущества, как юридическая защищенность при реализации проекта и возможность получения долгосрочных проектов с гарантией достижения определенного уровня рентабельности.

На законодательном уровне механизм ГЧП закреплен в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором ГЧП определено как «юридически оформленное сотрудничество публичного и частного партнеров путем заключения соглашения о государственно-частном партнерстве, основанное на объединении ресурсов и распределении рисков»¹.

Если говорить о применении механизма ГЧП в нефтегазовом комплексе, то он имеет особое значение, поскольку инновационные проекты, как правило, являются крупномасштабными и высокорискованными. Применение механизма ГЧП позволит снизить возможные риски инвестиционных проектов, что исключительно актуально для предприятий отрасли.

Еще одним эффективным источником финансирования инновационной деятельности предприятий является венчурное финансирование технических нововведений, научно-технических исследований и разработок. Такой механизм привлечения средств в большей степени относится к малым предприятиям, которые заняты научными исследованиями и наукоемкими проектами с большим потенциалом роста, и является достаточно рискованными, поскольку не предусматривает гарантированный возврат вложенных средств. Однако, в случае успешной реализации инновационного проекта, они обеспечивают сравнительно высокую доходность инвестиций.

Осуществление венчурного финансирования осуществляется преимущественно следующими способами:

- путем инвестирования средств в создание малых предприятий, разрабатывающих малосерийные продукты;
- через создание филиалов (в такой форме функционирует фонд, который предоставляет ссуды на разработку и освоение изобретений, сделанных вне материнских компаний);
- посредством паевого участия в венчурном капитале.

Целью венчурного инвестора (при успешной реализации инновационного про-

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/4f41fe599ce341751e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 26.04.2022).

екта) является продажа на заключительном этапе реализации проекта своей доли акций другим инвесторам по цене, намного превышающей первоначальные вложения.

Что касается инвестирования в нефтегазовый комплекс, то венчурное финансирование, по сравнению с ГЧП, связано с повышенными рисками, поскольку инновационные проекты по разработке новых месторождений и освоению ТРИЗ являются долгосрочными, не предполагающими быстрое получение прибыли в принципе. В отличие от ГЧП при венчурном финансировании не идет речь о совместном финансировании инновационных проектов государством и бизнесом и, соответственно, распределении рисков, поэтому оно не может быть особо привлекательным для большинства потенциальных частных инвесторов.

В то же время каждый способ инвестирования имеет свои преимущества, потенциальному инвестору следует тщательно анализировать и оценивать все возможные риски и подбирать для себя оптимальный способ инвестирования собственных средств.

Актуальность исследования обусловлена специфическими особенностями функционирования и развития нефтегазового комплекса и наличием проблем, оказывающих негативное влияние на инвестиционное обеспечение инновационного развития предприятий отрасли.

Материалы и методы

Целью настоящего исследования является анализ современного состояния и перспектив реализации механизмов привлечения средств частных инвесторов в нефтегазовый комплекс Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- изучить мировой и отечественный опыт применения ГЧП в нефтегазовом комплексе;
- изучить мировую и отечественную практику привлечения средств частных инвесторов с помощью венчурного финансирования;
- выявить проблемы реализации способов привлечения частных средств в нашей стране и определить направления их возможного решения.

При решении поставленных задач использовались такие методы, как сравнительный и логический анализ, метод экспертных оценок.

В качестве гипотезы выступает предположение, что эффективному развитию ГЧП и венчурного финансирования в нефтегазовом комплексе России препятствуют высокие риски, тормозящие инвестиционную активность и требующие соответствующего обоснования управленческих решений в части финансирования инновационных проектов.

Результаты

1. Мировой опыт и российская практика применения механизма ГЧП в нефтегазовом комплексе

Сотрудничество государства и бизнеса во всех странах мира основывается на следующих принципах: бизнес ставит своей целью достижение прибыли путем создания потоков доходов, которые были бы независимы от колебаний рыночной конъюнктуры и других рисков; государство ищет способы привлечения частных инвестиций, которые были бы способны реализовать крупные и значимые проекты.

При наличии различных форм механизма ГЧП (договор об управлении компанией, договор о сотрудничестве, лизинговый договор и др.) в экономически развитых

странах мира достаточно распространена такая форма ГЧП, как договор об уступке (концессии). В Западной Европе и США концессионное законодательство в нефтегазовом комплексе развивалось и совершенствовалось на протяжении столетий, что подтверждает прогрессивность и популярность этой формы ГЧП [14].

Концессия подразумевает долгосрочное сотрудничество государства и бизнеса с целью рентабельного вложения средств бизнесом в строительство, разработку крупных объектов и управления ими в течение длительного времени [4].

Функциональная классификация подходов к реализации ГЧП в форме концессии в экономически развитых странах включает следующие типы [3]:

- *ВОТ* (строй, эксплуатируй, передавай), при которой государство как собственник объекта передает частному партнеру право эксплуатации объекта, а после истечения срока договора передает объект государству;
- *ВООТ* (строй, эксплуатируй, управляй, передавай), при которой государство передает не только право на эксплуатацию объекта, но и право владения им, а после истечения срока договора также передает объект государству;
- *ВООТ обратный*, при котором государство передает объект в доверительное управление частному партнеру.

Функции обеих сторон при реализации проектов ГЧП представлены в табл.

Среди преимуществ концессии можно отметить следующее: концессия носит долгосрочный характер, что дает возможность и государству, и бизнесу осуществлять стратегическое планирование; при реализации концессии для бизнеса представляется возможным самостоятельное принятие финансово-хозяйственных и управленческих решений; в случае нарушения бизнесом каких-либо условий концессионного договора у государства имеются определенные рычаги воздействия на бизнес.

В качестве сильных сторон концессии можно отметить самокупаемость объекта концессии, возможность использования его после завершения строительства, наличие компенсационных выплат от государства в случае незаконных действий органов власти.

Успешным примером концессионной схемы в нефтегазовой отрасли является концессия Д'Арси — первая транснациональная концессия в отрасли, которая была реализована в 1901 г. в Персии. Открытие месторождения нефти в рамках данной концессии, сфера действия которой охватывала значительную территорию современного Ирана, привело к возникновению в 1909 г. компании «Anglo-Persian Oil Company», которую позже переименовали в British Petroleum (BP). Концессия была выдана сроком на 70 лет и распространялась на разработку нефти, газа и других полезных ископаемых, за исключением золота, серебра и драгоценных камней [3].

Таблица

Функции участников ГЧП-проекта

Table. Functions of participants in the public private partnership project

Схема реализации ГЧП-проекта	Проектирование		Строительство		Владение		Эксплуатация		Финансирование	
	Гос-во	Бизнес	Гос-во	Бизнес	Гос-во	Бизнес	Гос-во	Бизнес	Гос-во	Бизнес
ВОТ	X	—	—	X	X	—	—	X	X	X
ВООТ	X	—	—	X	—	X	—	X	X	X
ВООТ обратный	X	—	X	—	—	X	—	X	X	X

В Российской Федерации в связи с ограниченностью государственных источников финансирования и снижением объемов прямых иностранных инвестиций механизм ГЧП приобретает особо важное значение.

На законодательном уровне закреплены такие формы ГЧП, как концессия (Федеральный закон «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ); соглашение о государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве (СГЧП) (Федеральный закон «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 13.07.2015 № 224-ФЗ). Несмотря на то что закон №115-ФЗ был принят в 2005 г., значительная часть концессионных соглашений реализуется на муниципальном уровне, а большой объем инвестиций инвестируется в рамках проектов на региональном уровне.

Если говорить о СГЧП, то практика осуществления таких соглашений по закону № 224-ФЗ невелика, однако, до принятия данного закона были заключены инвестиционные соглашения по региональным и муниципальным актам. Примерами таких соглашений служат создание и эксплуатация автомобильной дороги «Западный скоростной диаметр», создание, реконструкция и эксплуатация объектов, входящих в состав имущества аэропорта Пулково, создание и эксплуатация образовательных объектов в Пушкинском районе Санкт-Петербурга.

По нашему мнению, для нефтегазового комплекса России ГЧП является в настоящее время одним из стратегических направлений развития. Острая необходимость привлечения средств частных инвесторов в нефтегазовый комплекс обусловлена серьезными проблемами [7; 12¹] (рис. 1).

В настоящее время в нефтегазовом комплексе России ГЧП становится все более популярным и подтверждением этому являются успешные примеры применения ГЧП, когда государство берет на себя обязательство по строительству необходимой инфраструктуры (дорог, электростанций и т. д.), а частные инвесторы — реализацию самих бизнес-процессов. Среди таких примеров соглашение о разработке месторождений нефти в Тюменской области между главой региона и ОАО «Сургутнефтегаз» сроком на 10 лет до 2025 г.² (рис. 2).

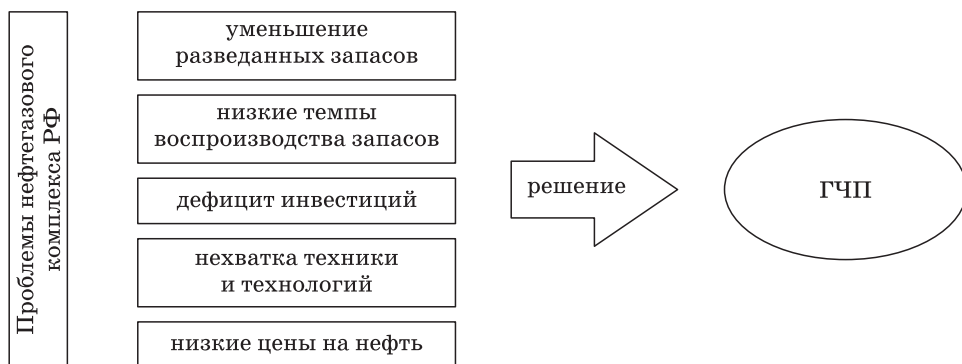

Рис. 1. Проблемы нефтегазового комплекса России (составлено автором)
Fig. 1. Problems of the Russian oil and gas industry (compiled by the author)

¹ См. также: Государственно-частное партнерство в сфере недропользования: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/conf/2015/29042015/Kulabukhova.pdf> (дата обращения: 26.04.2022).

² Сургутнефтегаз добыл в Уватском районе Тюменской области 650 тысяч тонн нефти [Электронный ресурс]. URL: <https://rogtecmagazine.com/сургутнефтегаз-добыл-в-уватском-райо/?lang=ru> (дата обращения: 26.04.2022).

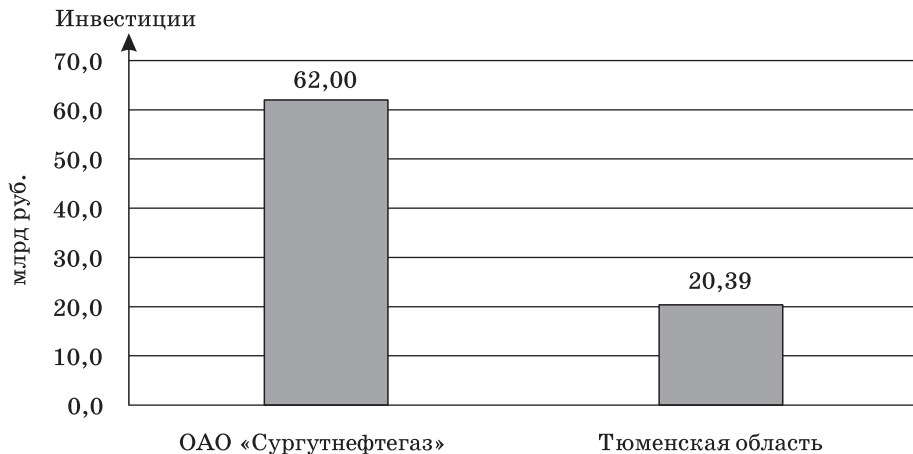

Рис. 2. Структура инвестиционных затрат в рамках соглашения о ГЧП о разработке месторождений нефти в Тюменской области

Fig. 2. Structure of Investment Costs under the PPP Agreement on the Development of Oil Fields in the Tyumen Region

Источник: составлено автором по: Сургутнефтегаз добыл в Уватском районе Тюменской области 650 тысяч тонн нефти [Электронный ресурс]. URL: <https://rogtecmagazine.com/сургутнефтегаз-добыл-в-уватском-районе/?lang=ru> (дата обращения: 26.04.2022).

В процессе реализации этого соглашения Тюменская область создала транспортную инфраструктуру, которая обеспечивает доступ к удаленным месторождениям, а недропользователь в лице ОАО «Сургутнефтегаз» гарантировал проведение необходимого объема геологоразведочных работ с последующим получением лицензий на часть разведанных участков на безвозмездной основе.

Еще одним примером успешной реализации механизма ГЧП является проект «Комплексное развитие Южной Якутии»¹. Инвестиционное соглашение реализуется с помощью государственной поддержки за счет бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда РФ; общая стоимость проекта составляет около 422 млрд руб., в том числе стоимость первого этапа — 10,4 млрд руб. (из которых: 7,8 млрд руб. — средства Инвестиционного фонда РФ; 2,6 млрд руб. — средства частных инвесторов).

Такой проект, как «Ямал СПГ» по добыче, сжижению и поставкам природного газа, также реализуется через механизм ГЧП. Для роста добычи углеводородов возникла необходимость в развитии железнодорожной инфраструктуры, в результате чего в конце 2015 г. между правительством Ямало-Ненецкого АО и компанией ООО «ВИС Трансстрой» было заключено соглашение на строительство и эксплуатацию новой железнодорожной линии Бованенково-Сабетта протяженностью 170 км, которая позволит создать новый железнодорожный коридор с выходом в порт, а также даст возможность обеспечить эффективное круглогодичное снабжение и освоение месторождения с разведанными запасами свыше 16 трлн м³ газа и свыше 1 млрд т жидких углеводородов².

¹ Подписано инвестиционное соглашение по проекту «Комплексное развитие Южной Якутии» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vegaslex.ru/media/news/22983/> (дата обращения: 26.04.2022).

² Строительство завода сжиженного природного газа на полуострове Ямал на базе Южно-Тамбейского месторождения [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/7447> (дата обращения: 26.04.2022).

Общий объем инвестиций составляет 113 141 585 тыс. руб., сумма которых распределена между участниками СГЧП. Соответственно, все риски между правительством и бизнесом также распределены. Преимущества такого сотрудничества состоят в более быстром завершении строительства и в экономии значительного объема бюджетных средств. Планируемые расходы бюджетных средств представлены на рис. 3.

Таким образом, приведенные примеры применения ГЧП при реализации инновационных проектов в нефтегазовом комплексе подтверждают тот факт, что в России ГЧП развивается, но при этом ключевым условием реального использования механизма ГЧП в нефтегазовом комплексе России является масштаб проекта.

В качестве одной из причин сдерживания бизнеса в инвестировании средств посредством механизма ГЧП можно указать слабость государственной политики¹. Так, в частности, отсутствуют единые и одновременно прозрачные механизмы взаимодействия бизнеса и государства при реализации проектов ГЧП [11²]. Поскольку проекты ГЧП в большинстве своем являются долгосрочными,

Рис. 3. Планируемые расходы бюджетных средств при реализации проекта «Ямал СПГ» (составлено автором)

Fig. 3. Planned budget expenditures during the implementation of the Yamal LNG project (compiled by the author)

необходимо совершенствование механизмов долгосрочного инвестирования. Кроме того, в нефтегазовом секторе особую актуальность имеют инновационные проекты, которые направлены на освоение месторождений ТРИЗ, требующих колоссальных вложений, создания множества объектов инфраструктуры (например, железнодорожной), наличие соответствующего оборудования, на начальных этапах их реализации возможен низкий уровень рентабельности, то есть необходимы «долгие» деньги.

¹ Оценка развития ГЧП в России. Мнение бизнеса [Электронный ресурс]. URL: <https://pprcenter.ru/upload/iblock/5c8/5c813024ac3a619d841fc4dff788571f.pdf> (дата обращения: 26.04.2022).

² См. также: Государственно-частное партнерство в инфраструктуре — практическое руководство для органов государственной власти [Электронный ресурс]. URL: <https://ppiaf.org/documents/1921/download> (дата обращения: 26.04.2022).

2. Мировой опыт и российская практика применения венчурного финансирования в нефтегазовом комплексе

Венчурное финансирование, так же, как и ГЧП, имеет значительный опыт реализации в зарубежных странах. Так, в США с помощью венчурного капитала в 70-е гг. XX в. удалось впервые коммерциализировать инновационную деятельность. В настоящее время венчурное финансирование за рубежом выступает одним из самых популярных способов привлечения частных инвестиций; с помощью основанной американской нефтегазовой компанией Chevron организации Chevron Technology Ventures разрабатываются и внедряются инновационные проекты вместе с другими инновационными компаниями. Яркими представителями применения венчурного финансирования в инновационном развитии являются Израиль и КНР. Так, Израиль привлекает венчурное финансирование преимущественно в высокотехнологичные компании; для сравнения: в начале 90-х гг. XX в. капитал венчурных фондов составлял 50 млн долл., а спустя 10 лет уже превышал 3,5 млрд. Эффективность функционирования венчурных фондов подтверждается формированием в стране за короткий промежуток времени более 4000 высокотехнологичных компаний. Кроме того, Израиль занял первое место по проведению сделок на рынке венчурного капитала. Необходимо отметить, что государственная политика Израиля предусматривает определенные направления, касающиеся развития венчурного финансирования, в том числе: привлечение иностранных капиталов и высококвалифицированных специалистов; разработка государственной программы технологических инкубаторов; консультационная поддержка инновационных компаний на начальных стадиях развития (разработка бизнес-стратегии, опытных образцов и т. д.).

Успешная практика осуществления венчурного финансирования существует и в КНР. Так, объем сделок на рынке венчурного капитала за 12 лет увеличился в 43 раза (в 2005 г. было совершено сделок на сумму 1,5 млрд долл., а в 2017 г. — уже на сумму 65 млрд). Как и в Израиле, в Китае функционируют меры по поддержке венчурного финансирования, в числе которых разработка государственного плана по развитию науки и технологий, возможность участия на рынке венчурных инвестиций пенсионных и страховых фондов, привлечение иностранных капиталов и высококвалифицированных специалистов. Но в данном контексте необходимо подчеркнуть, что в КНР, как и в Израиле, осуществляется государственная поддержка инновационного развития компаний преимущественно в тех отраслях, которые являются стратегически важными для государств.

Если рассматривать зарубежные нефтегазовые компании, то активными участниками венчурного рынка являются такие компании, как BP, Shell, Chevron, Total. Динамика объема заключенных венчурных сделок за период 2016–2020 гг. этими компаниями представлена на рис. 4.

Так, с помощью организованного Shell венчурного фонда Shell Technology Ventures в последние два года были реализованы проекты, касающиеся транспорта (27%) и электроэнергетики (37%). Кроме того, инвестиции направлены и на такие виды биотоплива, как биогаз, биомасса для котельных и дизель из низкокачественных органических масел и жира (24%)¹. Что касается инновационного развития BP, то с помощью венчурного фонда BP Ventures планируются значительные инвестиции в транспорт (35%), а также в разработку проектов, направленных на добычу и разведку (24%)².

¹ PwC и PwC представляют ежегодный обзор венчурной индустрии России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/press-center/2020/money-tree-2020.html> (дата обращения: 26.04.2022).

² Там же.

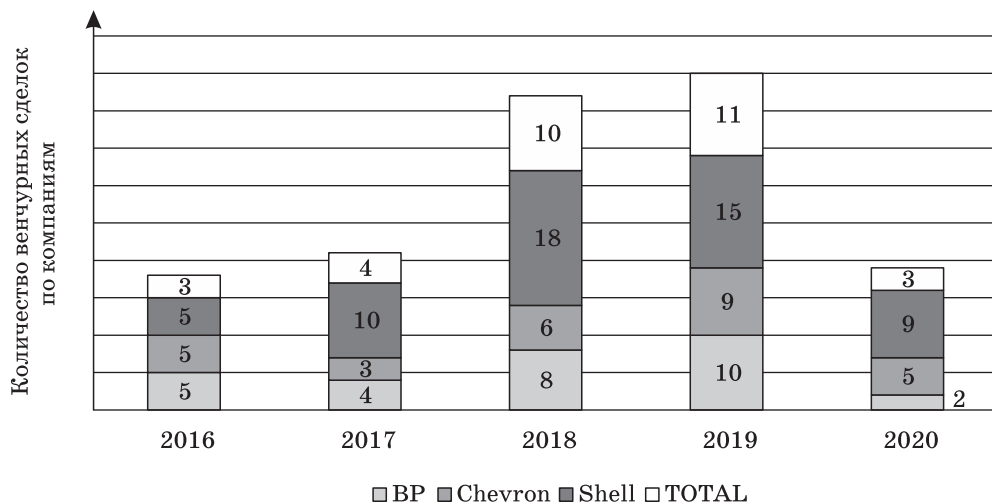

Рис. 4. Динамика венчурных сделок по ведущим зарубежным нефтегазовым компаниям
Fig. 4. Dynamics of venture capital deals for leading foreign oil and gas companies

Источник: составлено автором по: РБК и PwC представляют ежегодный обзор венчурной индустрии России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/press-center/2020/money-tree-2020.html> (дата обращения: 26.04.2022).

Если Shell и BP делают ставку на развитие транспорта, электроэнергетики и биотоплива, то Chevron направляет значительную долю инвестиции на добычу и разведку (57%). Можно предположить, что инвестирование преимущественно в добычу нефти и газа в будущем может оказаться выгодным, поскольку будет способствовать добыче углеводородов с минимальными затратами.

В то же время стоит обратить внимание на то, что компания инвестирует в проекты, направленные на минимизацию негативного влияния добычи на климат (14%). Инновационная деятельность Total аналогична с рассмотренными Shell и BP. Венчурный портфель компании базируется на добыче природного газа (49%)¹.

Таким образом, можно наблюдать активное участие компаний в венчурном финансировании. Инвестиционная активность направлена на развитие транспорта, энергоресурсов, биотоплива, при этом только одна компания Chevron направляет венчурные инвестиции на проекты, направленные на разработку и добычу углеводородов².

Необходимо отметить, что нефтегазовыми компаниями создаются собственные корпоративные венчурные фонды, портфели которых диверсифицируются в соответствии с направленными инновационной политики компаний.

Обратившись к отечественному опыту реализации венчурного финансирования, можно обнаружить, что в нашей стране слабо развит данный механизм инвестирования. Так, суммарный объем сделок на венчурном рынке составил за 2020 г. 276 млн долл., для сравнения за такой же период объем сделок в США составил 1,4 млрд³.

¹ Там же.

² Нефтегазовый венчур: в чем проблема промышленных стартапов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/tekhnika-i-biznes/322135-neftegazovyi-venchur-v-chem-problema-promyshlennykh-startapov> (дата обращения: 26.04.2022).

³ Точки роста российской экономики: венчурные инвестиции в нефтегазовую отрасль [Электронный ресурс]. URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/investitsii-i-innovatsii/631253->

В 2019 г. ПАО «Газпром нефть» создало, совместно с ПАО «Газпромбанк», Российской венчурной компанией (РВК) и «ВЭБ Инновации» венчурный фонд «Новая индустрия» (NewIndustryVentures). Целью данного фонда является поддержка технологических компаний, специализирующихся на разработке новых материалов, технологий, продуктов и сервисов для нефтегазовой отрасли, нефтегазохимии и энергетики, в том числе — альтернативной¹.

Деятельность ПАО «Газпром нефть» является положительным и, к сожалению, единственным примером активной позиции компании на венчурном рынке, поскольку развитие и эффективная деятельность отечественных компаний возможны только при условии собственной активной разработки или трансфера инноваций и их внедрения в производственный процесс, и венчурное инвестирование является одним из инструментов повышения количества разработок «сквозных технологий».

Таким образом, можно наблюдать низкое участие как российских нефтегазовых компаний, так и бизнеса в венчурном инвестировании². Если при реализации ГЧП частный инвестор имеет гарантии возврата вложенных средств, закрепленные на федеральном уровне, то при осуществлении венчурного финансирования у инвестора таких гарантий нет, при том, что инновационные нефтегазовые проекты являются финансово затратными.

Решить имеющуюся проблему можно, обратившись к зарубежному опыту реализации венчурного инвестирования. Иностранные нефтегазовые компании (Shell, BP, Chevron, Total) создают собственные венчурные фонды, являясь соинвесторами и распределяя средства этих фондов в соответствии со своими стратегиями инновационного развития. Данный механизм позволяет компаниям реализовывать инновационный потенциал не в ущерб основной деятельности. Российским нефтегазовым компаниям такой механизм будет крайне полезен, поскольку позволит, во-первых, создавать запас инвестиций для финансирования будущих разработок и, во-вторых, участие в инвестировании самих нефтегазовых компаний сможет привлечь потенциальных инвесторов, тем самым снизив для них существующие риски. Венчурное инвестирование имеет достаточный потенциал для развития и, на наш взгляд, является эффективным способом инвестирования инновационной деятельности, поскольку перед российским нефтегазовым комплексом стоят масштабные задачи по освоению новых месторождений в сложных климатических условиях, в том числе в Арктическом регионе.

Стоит также отметить, что за рубежом венчурные фонды функционируют уже десятки лет, в то время как в России венчурное финансирование находится на начальном этапе развития, а значит, есть возможности для выходов на венчурные рынки в будущем.

Обсуждение

Высокая степень неопределенности и риска при осуществлении инновационной деятельности нефтегазовыми компаниями обуславливает необходимость применения смешанных форм финансирования, включающих как государственные, так и частные источники.

tochki-rosta-rossiyskoy-ekonomiki-venchurnye-investitsii-v-neftegazovuyu-otrasl/ (дата обращения: 26.04.2022).

¹ «Газпром нефть», Газпромбанк и РВК создают венчурный фонд на 4 млрд рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/04/15/799215-gazprom-venchurnii-fond> (дата обращения: 26.04.2022).

² Венчурная Россия. Результаты 2019 года // Ernst&Young. 25.02.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ey.com/ru_ru/news/2020/02/dsight-vc (дата обращения: 26.04.2022).

Рассмотренные выше механизмы финансирования инновационной деятельности предприятий нефтегазового комплекса имеют значительный потенциал для развития в Российской Федерации. Но более реализуемым, по сравнению с венчурным финансированием, является ГЧП, преимущества которого заключаются в законодательно закрепленных условиях сотрудничества государства и бизнеса, предоставляющие гарантии для обоих участников. Так, для государства гарантиями выступают повышение качества при снижении затрат на реализацию проекта, возможность привлечения инновационных технологий и дополнительного финансирования, повышение эффективности эксплуатации объектов. В свою очередь, для бизнеса участие в ГЧП-проектах создает такие преимущества, как юридическая защищенность при реализации проекта, возможность получения долгосрочных проектов с гарантией достижения определенного уровня рентабельности.

Повышению уровня инновационной активности нефтегазовых компаний России будет способствовать совершенствование законодательной базы по ГЧП, отработанные бюрократические процедуры и развитие экономических аспектов применения. Это подтверждает тот факт, что именно государство играет ключевую роль в обеспечении эффективной реализации механизма ГЧП.

Перспективным инструментом государственной поддержки для привлечения частных инвестиций в Российской Федерации является «Фабрика проектного финансирования» государственной корпорации развития ВЭБ.РФ, реализующая проекты на основе такого классического механизма, как синдицированное финансирование. Синдицированный кредит представляет собой кредитные ресурсы, предоставляемые заемщику двумя и более кредиторами согласованно друг с другом в определенных долях. Особенности синдицированного кредита, в основе которого лежит концепция «большинства кредиторов», являются: единые условия; единое обеспечение; отдельные обязательства кредиторов; взаимодействие через кредитного управляющего. «Фабрика проектного финансирования» совместима и с другими мерами государственной поддержки, за исключением субсидий на уплату процентов. Развитие синдицированного кредитования, в том числе через «Фабрику проектного финансирования», является одной из ключевых задач ВЭБ.РФ на период до 2024 г., в соответствии с которой общий объем инвестиций с учетом софинансирования должен составить 10 трлн руб. В качестве показательной сделки можно привести пример первого синдиката российских госбанков «СеверЭнергия» (в настоящее время «Арктикгаз») — одного из крупнейших российских синдикатов, созданного в 2011 г. как совместное предприятие ПАО «НОВАТЭК» и ПАО «Газпром нефть» по добыче газа и газового конденсата в Ямало-Ненецком АО. Еще одной показательной сделкой является уже упомянутый ранее «Ямал СПГ» (2016–2017гг.) — проект по добыче, сжижению и поставкам природного газа с годовой мощностью 17 млн т.

Критериями отбора проектов для «Фабрики проектного финансирования» (на 1 руб. ВЭБ. РФ 3 руб. частных инвестиций) являются: стоимость проектов на территории России — от 3 млрд руб.; срок окупаемости проекта — до 20 лет; объем собственных средств инициатора проекта — от 20% стоимости; реализация проекта — на основе проектного финансирования; схема синдицированного кредитования: ВЭБ.РФ — от 10 до 40% кредита, коммерческие банки — от 60 до 90% кредита.

ВЭБ.РФ имеет опыт предоставления синдицированных кредитов государственным корпорациям России (госкорпорация, накопившая большой опыт в сфере ГЧП, станет привлекать частное финансирование для реализации сложных и долгосрочных проектов), который можно использовать для финансирования инновационной деятельности и других компаний, в том числе нефтегазового сектора.

При венчурном инвестировании, в отличие от ГЧП, отсутствуют государственные гарантии, все риски несут сами инвесторы, поэтому оно не имеет достаточного

распространения в нефтегазовом комплексе России, однако в зарубежной практике является одним из самых эффективных механизмов инвестирования. Венчурное инвестирование может получить достаточное развитие в России в будущем. Для этого необходимо обратиться к успешному зарубежному опыту, в соответствии с которым зарубежные нефтегазовые компании создают корпоративные венчурные фонды, тем самым выступая соинвесторами своей инновационной деятельности. Это позволяет диверсифицировать портфель инвестиций и привлечь сторонних частных инвесторов.

Заключение

В соответствии с «Энергетической стратегией России на период до 2035 года» одним из основных направлений повышения эффективности производственной деятельности отечественных нефтегазовых компаний, наряду с модернизацией энергетического сектора экономики, является освоение инновационных технологий. Освоение инновационных технологий является результатом инновационной деятельности предприятий, зависящим от уровня их инновационной активности. Инновационное развитие нефтегазовой отрасли, ее цифровая трансформация, как результат внедрения цифровых инноваций, обусловлены реалиями нашего времени. Цифровые инновации, которые относятся к классу управленческих инноваций, сегодня являются главным драйвером развития отрасли, что позволяет рассматривать их как отдельный вид инноваций.

В качестве постскриптума исследования, результаты которого представлены в данной статье, считаем необходимым привести следующее высказывание старшего вице-президента SAP Вивека Бапата: «Больше не существует выбора между цифровой трансформацией бизнеса и ее отсутствием — теперь это неотъемлемый фактор для увеличения прибыли и роста компании».

Углеродороды играют ведущую роль как в экономике России, так и в мире в целом, а значит, есть перспективы развития механизмов инвестирования для выстраивания нефтегазовыми компаниями долгосрочных стратегий инновационного развития, основанных, в том числе, и на цифровых инновациях.

Литература

1. *Борщевский Г. А.* Государственно-частное партнерство: практикум для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2022. 412 с.
2. *Бухвальд Е. М.* Государственно-частное партнерство в экономической политике регионов и муниципалитетов Российской Федерации // Основы государственно-частного партнерства (теория, методология, практика). М. : АНКЛ, 2015. С. 36–45.
3. *Государственно-частное партнерство в условиях инновационного развития экономики : монография / под ред. А. Г. Зельднера, И. И. Смотрицкой.* М. : ИЭ РАН, 2012. 212 с.
4. *Йескомб Э. Р.* Государственно-частное партнерство: Основные принципы финансирования. М. : Альпина Паблишер, 2015. 457 с.
5. *Колесников В. В., Корякина Т. В., Макаров И. Н.* Проектное финансирование и государственно-частное партнерство в регионах России: институциональные и управленческие проблемы // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 14. С. 2129–2141.
6. *Кочеткова С. А.* Государственно-частное партнерство : учеб. пособие. М. : Издательский дом Академии Естествознания, 2016. 174 с.
7. *Куклина Е. А.* Государственно-частное партнерство как инструмент управления экономикой региона (в контексте кластерных инициатив) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. Экономика. 2011. № 4 (т. 6). С. 7–15.
8. *Куклина Е. А.* Инновационная деятельность предприятий нефтегазового сектора России как ключевой фактор реализации программы освоения Арктики // Горный журнал. 2020. № 5. С. 20–24.

9. *Куклина Е. А.* Инновационная деятельность предприятий нефтегазового сектора России в условиях новых вызовов энергетического рынка // Экономика нового мира. 2018. № 3 (11). С. 5–20.
10. *Куклина Е. А., Гайдук Л. Е.* Контракты в системе государственно-частного партнерства в Российской Федерации: современная ситуация и перспективы развития // Управленческое консультирование: Актуальные проблемы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 167–176.
11. *Наугольникова И. А.* Проблемы привлечения инвестиций в проекты ГЧП и МЧП в промышленности // Экономические отношения. 2019. Т. 9. С. 2061–2078.
12. *Семкова Д. Н.* Проблемы инвестирования в инновационную деятельность предприятий нефтегазового комплекса Российской Федерации // Материалы XI Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики» 24–26 апреля 2019 г. СПб., 2019. Т. 1. С. 221–223.
13. *Семкова Д. Н.* Анализ особенностей финансирования инновационной деятельности предприятий нефтегазового комплекса: мировой опыт и российская практика // Актуальные теоретические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 20 декабря 2019. М.: Институт развития дополнительного профессионального образования, 2019. Т. 3. С. 70–73.
14. *Семкова Д. Н., Бабаев Э. А.* Анализ современного состояния и перспектив реализации механизма государственно-частного партнерства в нефтегазовой отрасли Российской Федерации и Азербайджанской Республики // Управленческое консультирование. 2020. № 9. С. 145–159.

Об авторе:

Семкова Дарья Николаевна, аспирант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); d.ci95@mail.ru

References

1. Borshchevsky G. A. Public-private partnership: a workshop for universities. 2nd ed., M.: Urait, 2022. 412 p. (in Rus).
2. Buchwald E. M. Public-private partnership in the economic policy of the regions and municipalities of the Russian Federation // Fundamentals of public-private partnership (theory, methodology, practice). M.: ANKIL, 2015. P. 36–45 (in Rus).
3. Public-private partnership in the context of innovative economic development: monograph/ edited by A. G. Zeldner, I. I. Smotritskaya. M.: IE RAS, 2012. 212 p. (in Rus).
4. Yescombe E. R. Public-Private Partnership: Basic Principles of Financing / Translation from English. M.: Alpina Publisher, 2015. 457 p. (in Rus).
5. Kolesnikov V. V., Koryakina T. V., Makarov I. N. Project financing and public-private partnership in the regions of Russia: institutional and management problems // Russian entrepreneurship [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]. 2017. Vol. 18. N 14. P. 2129–2141 (in Rus).
6. Kochetkova S. A. Public-private partnership: a textbook. M.: Publishing House of the Academy of Natural Sciences, 2016. 174 p. (in Rus).
7. Kuklina E. A. Public-private partnership as a tool for managing the region's economy (in the context of cluster initiatives) // Bulletin of the Pushkin Leningrad State University. Economics series [Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina. Ser. «Ekonomika»]. 2011. N 4 (vol. 6). P. 7–15 (in Rus).
8. Kuklina E. A. Innovative activity of enterprises of the oil and gas sector of Russia as a key factor in the implementation of the Arctic development program // Mining Journal [Gornyi zhurnal]. 2020. N 5. P. 20–24 (in Rus).
9. Kuklina E. A. Innovative activity of enterprises of the oil and gas sector of Russia in the context of new challenges of the energy market // Economy of the new world [Ekonomika novogo mira]. 2018. N 3 (11). P. 5–20 (in Rus).
10. Kuklina E. A., Gaiduk L. E. Contracts in the system of public-private partnership in the Russian Federation: modern situation and development prospects // Administrative consulting: Actual problems of state and municipal management [Upravlencheskoe konsul'tirovanie: Aktual'nye problemy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2012. N 3. P. 167–176 (in Rus).

11. Naugolnikova I.A. Problems of attracting investments in PPP and MFP projects in industry // Economic relations [Ekonomiccheskie otnosheniya]. 2019. Vol. 9. P. 2061–2078 (in Rus).
12. Semkova D.N. Problems of Investing in Innovative Activities of Oil and Gas Enterprises of the Russian Federation // Materials of XI International Scientific and Practical Conference “State and Business. Ecosystem of the Digital Economy “April 24–26, 2019 St. Petersburg, 2019. Vol. 1. P. 221–223 (in Rus).
13. Semkova D.N. Analysis of peculiarities of financing innovative activities of oil and gas enterprises: world experience and Russian practice // Actual theoretical and applied issues of social and economic systems management: Materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, December 20, 2019. M.: Institute for the Development of Additional Professional Education, 2019. Vol. 3. P. 70–73 (in Rus).
14. Semkova D.N., Babaev E.A. Analysis of the current state and prospects for the implementation of the mechanism of public-private partnership in the oil and gas industry of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2020. N 9. P. 145–159 (in Rus).

About the authors:

Dariya N. Semkova, Postgraduate Student of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation); d.ci95@mail.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем рукописей, принимаемых к рассмотрению, может составлять от 16 000 до 40 000 знаков;
- заполненное и подписанное «**Обязательство автора(-ов)**», образец которого размещен на сайте журнала.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; ORCID ID автора; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Введение (Introduction)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (Materials and Methods)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (Results)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (Discussion)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования.

Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения, которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются. Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названии статьи.

Список литературы приводится в конце статьи **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Названия книг, статей и т. д. на **арабском, китайском, японском, корейском**, др. языках (т. е. не имеющих латиницы) приводятся **в переводе на английский язык** (автор, название, место издания, издательство), далее — в скобках — указывается (In Chin.), (In Arab.) и т. д.

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

С полными правилами, а также с образцом оформления статей можно ознакомиться на сайте журнала в разделе «Правила для авторов»:

<https://www.acjournal.ru/jour/about/submissions/authorGuidelines>

2022. № 6(162)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 10.06.2022.

Подписано к печати 28.06.2022.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 15,00. Тираж 50 экз.

Заказ № 6/22.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97